

РОБЕРТ БЕРНС

СТИХОТВОРЕНИЯ • ПОЭМЫ

ШОТЛАНДСКИЕ БАЛЛАДЫ

РОБЕРТ

БЕРНС

ШОТ-

ЛАНД-

СКИЕ

БАЛ-

ЛАДЫ

Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Бээкман В. Э.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. П.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Сомов В. С.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федоренко Н. Т.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан П. С.
Чхиквишвили И. И.
Шамота Н. З.

РОБЕРТ БЕРНС

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОЭМЫ

ШОТЛАНДСКИЕ БАЛЛАДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1976

Вступительная статья и составление

Р. Райт-Ковалевой

И(Англ)

Б 51

© Издательство «Художественная литература», 1976 г.

© Сканирование и обработка: *glarus63*

Иллюстрации

В. Фаворского

Б $\frac{70404-220}{028(01)-76}$ подписное

РОБЕРТ БЕРНС И
ШОТЛАНДСКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

I

— Столетье безумно и мудро...

Так Александр Радищев назвал восемнадцатый век — век Просвещения, великих открытий в науке и великих революций, тот век, когда Царь-плотник прорубил окно в Европу, Франция стала республикой, а заморские колонии Англии — Соединенными Штатами Америки.

Веком «бури и натиска» стало это столетие и для гордой маленькой страны на севере Британских островов.

Шотландия — древняя Каледония — была самостоятельным государством с тех пор, как племя пиктов, коренных ее обитателей, в IX веке было вытеснено пришельцами — скоттами.

Но трон шотландских королей всегда стоял на пороховой бочке.

Ожесточеннее всего враждовали шотландцы со своими соседями — англичанами, и в конце XIII века англичане совершенно обескровили Шотландию и отняли у нее право жить по своим законам. Шотландия сделалась вассалом Англии, а ставленники англичан — единственными законодателями и властелинами древней страны.

Тогда на историческую арену вышел национальный герой Шотландии — Уильям Уоллес. Он начинает новую страницу в истории многовековой борьбы за независимость.

Неисчерпаемы легенды об Уильяме Уоллесе, который разбил англичан и выдворил их из Шотландии.

И, несмотря на то что королю Англии потом удалось поймать и казнить героя, имя его до сих пор окружено ореолом: благодаря ему Шотландию признали самостоятельной страной и на шотландский трон сел шотландский король.

Через десять лет после смерти Уоллеса, когда англичане опять пытаются навязать Шотландии свое господство, Роберт Брюс разбивает англичан при Баннокберне, и Шотландия снова становится независимой.

Эта страна никогда не живет спокойно: если она не воюет с соседями, то ее постоянно раздражают междоусобные стычки разных кланов,— и этим всегда пользуются английские короли. И в 1707 году Шотландия окончательно теряет свою независимость, свой парламент и становится частью Великобритании.

Предки Роберта Бернса с незапамятных времен были самостоятельными фермерами — «коттерами». И хотя их ферма принадлежала богатым землевладельцам, те никак не притесняли работающую и богобоязненную семью.

С 1707 года англичане стали вводить свои порядки, и «коттеры» уже считались временными арендаторами тех земель, которые испокон веков переходили по наследству от дедов к внукам.

В 1745 году фермеры и их хозяева — главы шотландских кланов, подняли восстание, чтобы на трон Великобритании посадить шотландского короля из династии Стюартов — потомков Марии Стюарт, казненной английской королевой Елизаветой.

Из-за моря тайно приехал претендент на престол — «славный принц Чарли». Шотландские крестьяне тоже верили, что, возведя на престол шотландского короля, Шотландия обретет независимость, а крестьяне снова станут свободными и будут пожизненно владеть своими наделами.

Примкнули к восстанию и предки Бернса.

А когда англичане разбили восставших «якобитов» и головы приверженцев принца Чарли уже торчали на железных пиках у лондонского Темпля, крестьяне были согнаны с земли своих отцов и обречены на полунищенское существование.

В ту пору Вильяму Бернсу — отцу поэта было двадцать четыре года.

Четырнадцать лет Вильям Бернс проработал сначала садовником — в Эдинбурге, потом у богатого помещика, неподалеку от деревни Аллоуэй, близ города Эйра, в Западной Шотландии. Скопив немного денег, он сам выстроил ту глиняную мазанку, где 25 января 1759 года у жены Вильяма, Агнес, родился первенец.

Мазанка в Аллоуэе до сих пор цела: сотни тысяч людей со всех концов земли приходят туда, где в единственное крошечное окно свет падал на колыбель Роберта Бернса.

Вильям Бернс долго жил в столице, и с самых ранних лет его сыновья-погодки, Роберт и Гильберт, росли среди книг, рано научились читать, а когда Роберту исполнилось семь, а Гильберту — шесть лет, отец пригласил

в дом молодого учителя, Джона Мердока, который оказал огромное влияние на своего старшего ученика. Он не только познакомил мальчиков с лучшими произведениями классиков, но и научил их правильно говорить по-английски и выразительно декламировать стихи.

Эти два речевых истока — литературный английский язык и простонародное шотландское наречие, на котором пела песни мать и рассказывала страшные сказки про ведьм и оборотней старая тетушка, наложили отпечаток и на характер и на творчество Роберта. Позже, в Эдинбурге, он поражал ученых и литераторов отличными манерами и культурной речью, а своих друзей-шотландцев блестящим знанием старой шотландской поэзии.

На ферме Олифант, снятой в аренду у помещика, шла тяжелая крестьянская жизнь. Мальчики помогали отцу пахать, сеять и убирать скудные урожаи — земля на ферме оказалась очень плохой. Но вечерами, за ужином, «все Бернсы сидели, уткнув носы в книжки», — вспоминали их соседи.

Только летом становилось веселее: с соседних ферм приходили парни и девушки, и одной из них Бернс впервые написал стихи. «Так для меня начались любовь и поэзия», — писал он потом.

Отец не оставлял мысли — дать старшему сыну хорошее образование.

В 1775 году он решает послать Роберта в землемерную школу, в небольшой городок Кэркосвальд. Роберт учится отлично, все дается ему легко. Там он пишет стихи для своей новой подруги. Снова «рифма и мелодия стиха стали непосредственным голосом моего сердца», — писал он.

В первых своих стихах деревенский мальчик просто спел на знакомый мотив песенку про свою подружку и ровесницу.

А в стихах, написанных через два года в Кэркосвальде, влюбленные уже встречаются в огромном мире, где каждый порыв ветра, каждый шорох травы дышит их радостью, сочувствует их любви...

Совсем другим вернулся Роберт домой, осенью 1775 года. Он вырос, загорел, повидал свет и прочел много новых книг.

В 1777 году семья переехала на ферму Лохли, в миле от оживленного торгового городка Тарболтона. Все свободные вечера Роберт проводит в этом городке, с новыми друзьями, им он читает свои первые стихи, с ними спорит и философствует. И к его голосу уже начинают прислушиваться не только сверстники, но и многие другие.

1781 год был особенно тяжелым для семьи Бернса. Отец болел туберкулезом, ферма оказалась убыточной, и старому Бернсу пришлось судиться с управляющим. Отец решил снова отправить старшего сына в город Эрвин, где он должен был поработать на льночесалке и в прядильне: отец надеялся, что можно будет потом ткать дома холсты, которые сильно поднялись в цене.

И Роберт уехал в Эрвин с деревянным сундучком, где лежал его нехитрый скарб, а на дне сундучка — отцовская Библия и самодельная тетрадка со стихами.

Роберт поселился в маленькой мансарде с круглым окошком. Оттуда было видно, как в гавань входили большие океанские корабли, и ветер доносил непривычные запахи просмоленных канатов, винных бочек и заморских пряностей.

Для сына фермера, впервые попавшего в приморский город, эрвинский порт казался воротами в иной огромный мир.

В ту незабвенную весну у моря, когда под мартовским солнцем отогревались большие суставы, с детства пораженные ревматизмом, и легче дышалось соленым морским воздухом, Роберт впервые прочитал стихи Роберта Фергюссона — молодого поэта, погибшего на двадцать четвертом году в эдинбургском «бедламе» в 1774 году. От него остался небольшой томик стихов на шотландском наречии, и Бернс впервые увидел, что его родной язык существует не как «простонародный диалект» или язык старинных полузабытых баллад, но и как настоящий литературный язык, на котором можно писать отличные стихи.

В своей книге о Бернсе профессор де Ланси-Фергюссон пишет, что шотландский язык похож на английский, как провансальский на французский, каталонский — на испанский, русский — на белорусский или на украинский. Многие поколения шотландцев разговаривали и пели на этом языке, и с четырнадцатого века сохранились отличные баллады народных певцов — «мекэров», воспевавших подвиги героев и все страсти человеческие.

После объединения Шотландии и Англии образованные шотландцы старались говорить по-английски и даже стеснялись своего выговора, не желая походить на «простолюды».

Бернс знал, что «высший свет» гордился поэтами Шенстоном и Томсоном, потому что они писали по-английски, хотя и были коренными «скоттами» по рождению и воспитанию. Роберт и сам старался писать все свои «серьезные» стихи по-английски и только в песнях и шуточных посланиях друзьям позволяет себе говорить по-шотландски.

А тут, читая Фергюссона, он увидел, что тот пишет на «шотландском диалекте» звучные, легкие и певучие стихи, пишет просто, понятно и вместе с тем изящно, с веселой выдумкой. В этой книге стихи Фергюссона впервые прозвучат по-русски.

Книга Фергюссона привела Бернса в восторг. Теперь ничто не собьет его с пути: он «хочет ударить по струнам своей дикой сельской лиры в благородном соревновании с ним», как он пишет в своей заветной тетради. Записи Бернса не только настоящая проза поэта. В ней отражена душа человека незаурядного ума, необычайной чуткости и прозорливости. Еще отчетливее талант Бернса-прозаика виден в его многочисленных письмах, бережно собранных в двух томах, к которым недавно добавлено много новых материалов.

Бернс часто пишет о поэзии, о ее значении в жизни человека, сурово разбирает свои ранние опыты и с особенной любовью вспоминает своих предшественников — народных певцов Шотландии: «Возвышенное благородство, хватающая за душу нежность наших старинных баллад говорят о том, что они созданы рукою Мастера... Но самые имена неизвестных бардов (о, сколь это обидно для честолюбия певца!) теперь погребены под прахом былого...»

И дальше он пишет о том, что «последний, самый ничтожный из свиты муз, тот, что не может подняться на ваши высоты и все же, следя ваш полет, на слабых своих крыльях подчас устремляется за вами,— этот бедный сельский, никому не известный певец с душевным трепетом чтит вашу память».

По этим записям яснее видишь, почему Бернс так самоотверженно и бескорыстно отдавал все свободное время собиранию старинных шотландских песен и баллад. Он годами участвовал в издании многотомного «Музыкального музея» Джонсона, восстанавливая из множества устных вариантов наиболее неискаженные тексты и сочиняя новые слова на старинные мелодии, если тексты были утеряны или заменены вульгарными и безграмотными виршами.

Так Бернс стал одним из непосредственных участников возрождения богатого фольклора Шотландии не только как ее лучший поэт, но и как ученый, как большой знаток истории своей родины, ее быта, ее преданий.

II

После смерти отца двадцатипятилетний Роберт стал главой семьи, хозяином новой фермы Моссгил — «Робом Моссгил», как звали его соседи.

Этот год во многих отношениях был решающим для Бернса. В ближайшем городке Мохлине он стал встречаться с людьми образованными, влиятельными. Адвокат Гэвин Гамильтон, нотариус Эйкен, доктор Маккензи интересовались его стихами и песнями на шотландском наречии, потому что сами говорили на том же языке со своими соседями-фермерами, читали Фергюссона и знали старый шотландский фольклор.

Роберт по-прежнему без усталы работал на ферме, но по вечерам часто уходил в Мохлин потанцевать с местными красотками, которым он посвятил столько стихов.

Здесь он и встретил семнадцатилетнюю Джин — дочь богатого и сурового подрядчика Армора, который часто бранил при всех «нищего Роба Моссгила» за его вольные стихи, где высмеивались ханжи и лицемеры, и за дружбу с «безбожниками и смутьянами», вроде Гэвина Гамильтона.

О встрече Роберта и Джин, ставшей его судьбой, его любовью на всю жизнь, написано очень много. Читая письма и воспоминания, как бы стано-

вишься очевидцем этой трудной, часто трагической и все же прекрасной любви, родившей столько стихов и песен.

Сам поэт в письмах и стихах к Джин рассказывает, как в конце вечера в таверну, где уже кончались танцы, ворвался огромный пес Роберта и бросился на грудь хозяину. «Вот бы мне найти подружку, которая полюбила бы меня, как этот пес!» — сказал Роберт.

А через несколько дней, когда он шел мимо луга, где девушки белили холсты, Джин крикнула ему: «Ну как, Моссгил, нашел себе подружку?» — «Нашел», — сказал он, не сводя с нее глаз.

Роберт отлично знал, что старый Армор ни за что не отдаст Джин за «нищего рифмоплета». Но для него эта девочка стала всем, что ему было дорого: любовью, счастьем, песней. Он писал о Джин: «Она поет, как птица в лесу. Я не слышал голоса нежнее». Она знала бесчисленное множество старинных напевов, и Роберт придумывал на них новые слова. Теперь все песни рассказывали о них двоих.

В это лето — первое лето настоящей любви — Роберт написал многие из лучших своих стихов и песен: кажется, что он даже разучился говорить прозой, — он словно дышит стихами. Он пишет письма в стихах, и в них нет ни одной пустой строчки, ни одного лишнего слова, ни одного натянутого, надуманного образа. И те, кто читает эти стихи, уже начинают понимать, что в Шотландию пришел ее поэт.

По старинному шотландскому обычаю Джин и Роберт заключили тайный брак. Для этого надо было только подписать «брачный контракт», по которому двое влюбленных «признают себя навеки мужем и женой». Все меньше надеялся Роберт, что отец Джин позволит ей стать законной хозяйкой в его доме «перед богом и людьми». Дела на ферме шли из рук вон плохо, семья Бернсов нищала все больше и больше.

Тогда старшие друзья Роберта стали советовать ему уехать в Вест-Индию, где за два года можно было сколотить порядочное состояние и вернуться домой богатым человеком.

Роберт был в отчаянии. Об этом говорят его стихи, где он прощается с родной Шотландией и с «милой Джин»:

А ты, подруга, не грусти,
Чтобы тебя и честь спасти,
Бегу я в край далекий.
Нужда стучится к нам во двор,
Грозят нам голод и позор
И суд молвы жестокой.

Им и вправду грозил страшный позор: Джин ждала ребенка, и те, кто принимал Роберта на службу, могли отказаться от него, если бы открылась «эта преступная история».

В один из холодных ноябрьских дней Роберт случайно попал в придорожный трактир, где собирались необычные посетители — шайка нищих,

бродячие ремесленники — угольщики, жестящики, лудильщики, солдат-инвалид, старая маркитантка... Всю ночь просидел с ними Роберт. Так родилась знаменитая кантата «Любовь и свобода» с подзаголовком «Веселые нищие».

Эта великолепная поэма при жизни Бернса ни разу не печаталась, но ходила в списках по всей Шотландии, как и многие другие его «вольные» стихи. Но настоящая слава пришла к Бернсу, когда вышло первое собрание его стихов — маленький серый томик, отпечатанный в типографии города Килмарнока, по подписке.

Для этого томика Берне отобрал сорок четыре произведения — из них несколько больших поэм. Несмотря на то что Бернс отдает должное своим предшественникам — особенно Роберту Фергюссону, откровенно заимствуя у него форму стиха, характерную строфику стихотворных посланий, или четкие парные рифмы с переборами в конце строфы, — все его стихи — совершенно новое слово не только в шотландской, но и во всей англоязычной поэзии. В них блистательное мастерство сочетается с социальной насыщенностью, с таким определенным «символом веры» — веры в человека, которую можно встретить только у очень больших поэтов, когда никакая дидактика, никакая проповедь не идет в ущерб основной задаче поэтического произведения — сказать стихами то, чего не выразить никакими другими средствами.

Профессор Дайчес, автор одного из лучших исследований поэтики Бернса, разбирая «Килмарнокский томик», называет отличительной характеристикой почти всех вошедших туда стихов не только их высокое поэтическое достоинство; в них наряду с великолепным юмором, подлинной лиричностью всегда ощущается безоговорочная критика существующих порядков и такая любовь к родной Шотландии и к ее героической истории, что каждому становится понятно, почему этот маленький сборник встретил такой горячий, такой сердечный отклик не только у образованных читателей, но и у самых простых, иногда даже неграмотных земляков поэта.

Шестьсот экземпляров разошлось по подписке, а остальные двести были раскуплены в тот же день: их покупали в складчину крестьяне и батраки, гончары и сапожники, стихи читали вслух в тавернах, переписывали в десятках экземплярах. Слава пришла к Бернсу — а он в это время вынужден был скрываться от гнева мистера Армора, который, узнав о «позоре» дочери, вырвал у нее и уничтожил брачный контракт, в который так верили и Роберт и Джин, и подал на поэта жалобу в церковный совет и в суд.

Бернс был совершенно оглушен: он считал, что Джин его предала, отдав контракт отцу и уехав в дальний городок, как ей повелел родитель. Он бушевал в письмах (называя ее «клятвопреступницей») и хотя просил всевышнего простить «мою бедную, недавно так горячо любимую девочку», которую «совратили родители», но тут же клялся, что больше никогда не назовет ее женой!

«Кильмарнокский томик» вышел 31 июля, и весь август Роберт разъезжал по окрестностям, то скрываясь от моллинских святош, то пожиная плоды своей славы.

«Мне теперь нечего бояться,— писал он другу,— многие знатнейшие джентльмены страны предлагают мне свою помощь и покровительство, да и Джин не пойдет против меня. Я видел ее недавно, она с трепетом ждет приближающихся родов...»

Третьего сентября 1786 года Джин родила близнецов — мальчика и девочку, названных, по имени родителей, Робертом и Джин.

Бернс был в восторге, но в письмах к друзьям добавлял, что Арморы по-прежнему против брака и что все друзья советуют ему поехать в столицу, где его уже знают и ждут и где, наверно, удастся издать большой сборник стихов.

Двадцать седьмого ноября 1786 года, на чужой лошади, Бернс уезжает в «Северные Афины» — Эдинбург.

III

Многие современники Бернса писали о том, как в самых изысканных салонах Эдинбурга появился красивый, высокий, чуть сутулый человек, элегантно, но просто одетый, с ненапудренной головой и прекрасными черными глазами. Все уже были наслышаны о «поэте-пахаре», «самородке», о «богом данном таланте»...

Но никто не ожидал встретить человека такой высокой культуры, такой свободной, достойной, вполне светской манеры держаться. Законодательница мод, прекрасная герцогиня Гордэн приказала Каледонскому охотничьему клубу устроить бал в честь поэта. Весь вечер она танцевала с ним, удивляясь его остроумной и учтивой речи, а уходя, громко сказала: «Ваш пахарь совсем вскружил мне голову!»

Судьба Роберта была решена: ученые и писатели, поэты и философы, которыми славился Эдинбург, стали наперебой приглашать его к себе.

На торжественной ассамблее шотландской масонской ложи Великий магистр торжественно провозгласил здравицу «За Каледонию и барда Каледонии — брата Бернса!», и, подхватив этот возглас, все члены ложи стали приветствовать поэта.

Каледонский охотничий клуб постановил: все без исключения члены Клуба должны подписаться на сочинения Бернса и содействовать тому, чтобы его стихи были выпущены в двух томах в лучшей типографии Эдинбурга.

До того как вышло это собрание, Бернс почти каждый вечер читал свои стихи в обществе.

Всех восхищало чтение, его чуть глуховатый голос, непринужденные манеры. Его облик покорило и того юношу, которому через несколько лет суждено было стать гордостью мировой литературы.

Пусть об этом расскажет он сам, тогда пятнадцатилетний сын эдинбургского адвоката, а впоследствии великий романист Вальтер Скотт.

«Вы спрашиваете о Бернсе,— писал он своему биографу и биографу Бернса, Джону Гибсону Локхарту,— тут я могу искренне сказать: *Vidi Vergilium*¹. Мне было всего пятнадцать лет в 1786—1787 году, когда он впервые появился в Эдинбурге, но я хорошо понимал и чувствовал, какой огромный интерес представляют его стихи, и готов был отдать все на свете, чтобы с ним познакомиться.

Я увидел его у известного ученого, где собралось много знаменитостей... Разумеется, мы, молодежь, молча смотрели и слушали. Особенно меня тогда поразило то впечатление, которое на Бернса произвела гравюра Бенбери, где был изображен мертвый солдат на снегу и рядом с ним — с одной стороны — его несчастный пес, с другой — его вдова с ребенком на руках. Под гравюрой были написаны стихи, кончавшиеся так:

«Дитя несчастья, крещенное в слезах...»

...Бернс спросил, чьи это стихи, и случайно никто, кроме меня, не вспомнил, что это строки из полузабытой поэмы Ленгхорна под малообещающим заглавием «Мировой судья». Я шепнул это одному из знакомых, и он тотчас передал мои слова Бернсу, наградившему меня взглядом и словами, которые хотя и выражали простую вежливость, но и тогда доставили мне чрезвычайную радость и теперь вспоминаются с удовольствием.

Человек он был крепкий, широкоплечий, держался просто, но без неуклюжести. Это достоинство и простота особенно выигрывали еще и потому, что все знали о его необыкновенном даровании...

...Если бы мне не было известно, кто он такой, я бы принял его за очень умного фермера старой шотландской закваски, настоящего «доброего хозяина», который сам ходит за плугом. Во всем его облике чувствовался большой ум и проницательность, и только глаза выдавали его поэтическую натуру и темперамент. Большие и темные, они горели (я говорю «горели» в самом буквальном смысле слова), когда он говорил о чем-нибудь с чувством и увлечением. Никогда в жизни я больше не видел таких глаз...»

Но светский успех не мешал Бернсу заниматься основным своим делом: готовить к печати свои стихи.

Двухтомник Бернса печатался в лучшей типографии Эдинбурга. Редактором был Вильям Смелли.

Бернсу очень повезло. Пожалуй, трудно было найти редактора более всесторонне образованного и вместе с тем добросовестного и до педантизма придиричивого, чем Вильям Смелли. Он, как писал о нем Бернс, был «человеком высочайшей одаренности, неисчерпаемых знаний и при этом обладал самым добрым сердцем и самым острым умом на свете».

¹ Я видел Вергилия (лат.).

У Смелли был друг — гравер Джеймс Джонсон. Он до самозабвения любил музыку и вместе с органистом Кларком собирал старинные шотландские баллады и песни. Их встреча с Бернсом стала началом интереснейшей совместной работы.

Джонсон не первый собирал шотландский фольклор. В начале XVIII века эдинбургский типограф Уотсон издал свое «Отменное собрание шуточных и серьезных шотландских песен, как древних, так и новых». Три тома этого собрания были как бы вызовом шотландца тем, кто старался навязать Шотландии не только политическое устройство, но и английский язык и культуру. Уотсон в предисловии писал, что это первая попытка собрать лучшие стихи и песни «на нашем природном шотландском наречии». Составитель добросовестно изучил все, что было написано на шотландском языке, от великоленных «баллат» середины XVI века и еще более ранних народных песен до комических посланий и эпитафий. Из этих старых стихов всего известнее шуточная эпитафия начала XVII века трубочу Габби Симпсону. Она написана тем самым шестистишием, которому потом подражали все шотландские поэты, — Рамзей прозвал этот размер «стандартный Габби». Так написаны лучшие поэмы Фергюссона и многие стихи Рамзея. Этот же размер полюбил Бернс, и «стандартный Габби» зазвучал у него легко, без всякого напряжения, будто поэт и в жизни разговаривает в таком ритме:

Куда ты, низкое создание?
Как ты проникло в это зданье?
Ты водишься под грубой тканью,
А высший свет —
Тебе не место: пропитанья
Тебе здесь нет.

«Отменное собрание» Уотсона, вышедшее в 1706—1711 годах, положило начало бурному возрождению народных традиций Шотландии. Появились стихи на шотландском языке, написанные знатными леди и учеными мужами. Шотландские националисты — якобиты, мечтавшие о реставрации шотландских королей, начали писать на языке своего народа.

В тридцатых годах XVIII века работу Уотсона продолжил блестящий молодой литератор Аллан Рамзей. Шотландец родом, он провел детство в Англии и сам в стихах подражал своим английским современникам. Потом он переехал в Эдинбург и стал одним из выдающихся литераторов Шотландии. Живой, общительный, разносторонний человек, он страстно увлекся собираньем шотландской старины, открыл антикварный и книжный магазины, собрал вокруг себя молодых литераторов, художников и музыкантов, главным образом из «высшего» общества и вместе с ними начал издание «Альманаха для гостиной» (буквально «для чайного стола»). Первый из четырех томов вышел в 1724 году.

В предисловии Рамзей пишет, что он тщательно убрал из народных песен «всяческие непристойности и насмешки, дабы не оскорблять стыдливый слух прекрасных исполнителей...».

Тогда же Рамзей написал пастораль под названием «Милый пастушок», за что получил прозвище «Шотландского Горация». Кроме того Рамзей выпустил великолепную коллекцию ранней шотландской поэзии «Вечнозеленый венок», где собрал шотландские стихи до 1600 года.

«Когда писали сии добрые старые барды, мы еще не заимствовали ввозных украшений для нашей одежды,— пишет Рамзей в предисловии,— и не вышивали заграничным узором наши творения. Стихи эти суть плоды собственной нашей Земли, а отнюдь не завозной продукт, подгнивший при перевозке из-за рубежа. Образы их — отечественные, а картины природы — домашние, списанные с тех полей и лугов, кои мы ежедневно наблюдать можем».

Но робкая муза самого Рамзея шла по шотландской земле в городских башмачках и пела за чайным столом в гостиних под аккомпанемент арфа и спинетов.

Наверно, гравер Джеймс Джонсон никогда не мечтал встретить такого соратника, как Бернс. Он просто собирался сделать свой «Шотландский музыкальный музей» общедоступным сборником старых и новых песен. Джонсон изобрел дешевый «массовый» способ печатания нот с глиняных матриц, которые обходились совсем недорого.

Теперь Джонсон часами сидел с Бернсом у органиста Кларка, и тот наигрывал им старинные мелодии. Часто к ним совсем не было слов, часто на чудесный напев распевались неумные, а иногда и вовсе непристойные куплеты. И хотя Бернс и его друзья любили хорошую соленую шутку и в своей компании не стеснялись петь весьма вольные песни, Бернс считал, что для сохранения хорошей мелодии нужны отличные, всем доступные стихи, органически связанные с напевом.

В один из февральских дней Бернс посетил могилу Фергюссона на старинном Кэннонгейтском кладбище. Его привел туда Вильям Вуд — актер Эдинбургского театра, который хорошо помнил похороны бедного поэта — больничные дроги, казенный гроб. Фергюссон умер в октябре, когда ему только что исполнилось двадцать три года... Конечно, это будет великим делом, если Бернсу разрешат увековечить память Фергюссона.

И Бернс пишет церковным старостам и казначеям кэннонгейтской церкви:

«Джентльмены, с грустью я узнал, что на вашем кладбище, в заброшенной и забытой могиле, покоятся останки Роберта Фергюссона — поэта, чей талапт в веках будет украшением Шотландии. Прошу вас, джентльмены, разрешить мне воздвигнуть простой надгробный камень над дорогим прахом, дабы сохранить нетленную память о бессмертной славе поэта».

Получив разрешение, Бернс заказал стелу коричнево-красного гранита и велел высечь на одной стороне имя и даты жизни, а на другой — четыре строки...

Ни урны, ни торжественного слова,
Ни статуи в его ограде нет.
Лишь голый камень говорит сурово:
— Шотландия! Под камнем — твой поэт!

Двухтомник уже был почти готов. Многие любимые стихи Бернсу пришлось исключить: издатель Крич боялся «оскорбить тонкий вкус подписчиков». Бернсу приходилось выслушивать множество советов,— вот что ему писал доктор Мур:

«Вполне ясно, что вы уже владеете структурой английского языка и богатым, разнообразным запасом выражений. Поэтому в будущем вам надо менее пользоваться провинциальным диалектом. Вы непременно должны овладеть греческой мифологией, которая полна очаровательных вымыслов... Я убежден, что, достигнув этих знаний, вы сумеете сделать из них гораздо лучшее употребление, чем то обычно бывает».

«Вашу критику я выслушиваю с уважением,— отвечал ему Бернс.— Надежда быть предметом восхищения в веках даже для многих известных писателей оказалась несбыточной мечтой. Я же с самого начала стремился, да и поныне желаю нравиться более всего моим собратьям — обитателям сельских хижин,— тому кругу людей, с которым я всегда был тесно связан».

Можно ли было деликатнее объяснить ученому доктору, что ты хочешь писать не для людей «с изысканным вкусом» и не про «очаровательные вымыслы» мифологии, а для тех и про тех, кто живет с тобой одной жизнью, говорит на твоём языке?

21 апреля 1787 года вышло эдинбургское издание стихов и поэм Бернса. Полторы тысячи экземпляров разошлись по подписке, остальные пятьсот были распроданы в два дня.

23 апреля Крич подписал с поэтом договор: авторское право на все произведения Бернса переходило к Кричу за сто гиней.

Сто гиней — огромные деньги. Да еще четыреста фунтов получено от издания книги. Впервые Роберт почувствовал себя богатым человеком. Правда, Крич дал ему только триста фунтов, но и таких денег он никогда не держал в руках.

Перед возвращением домой Бернс решил немного попутешествовать и отдохнуть от бурной столичной жизни.

Может быть, впервые за все свои двадцать восемь лет Роберт Бернс был так беззаботен и счастлив, как в начале мая 1787 года, когда он неторопливо ехал по зеленым холмам Шотландии, где «на каждом поле гремела битва, а у каждого ручья складывалась песня».

Его встречали с почетом: «Все высказывают особое уважение к моей поэтической светлости»,— писал он.

Но отдых длился недолго. Надо было вернуться домой, узнать, как дела в Моссгиле, как дети.

И как Джин...

Восьмого июня 1787 года Бернс вернулся в Моссгил. Он был счастлив, что привез Гильберту деньги, а матери, сестрам и братьям — много столичных подарков. Особенно он радовался своим детям — дочке и сыну. К ужину пришли гости, разошлись поздно — и Роберт ушел спать в свою старую комнату.

И ночью, когда все в доме уснули, к нему пришла Джин...

Он проснулся на рассвете, когда она уже уходила. Что же теперь будет? Как ее встретят дома? Но она спокойно сказала, что мать сама послала ее к Роберту и дала ключ от дверей.

Мы знаем об этом из бешеных писем Роберта к друзьям: такого оскорбления он не ожидал. Значит, теперь, когда он стал знаменитым, богатым, Арморы сменили гнев на милость!

«Будь они прокляты, эти рабские душонки! — писал он,— ни одного дня я не останусь здесь!»

И через несколько дней, не повидавшись с Джин, он уехал из дому и десять дней ездил по горной Шотландии.

Надо было решать судьбу всей семьи и свою дальнейшую творческую судьбу. Сможет ли поэт, вернувшись «к старому своему знакомцу — плугу, все же сохранить в целости свою простую лиру, не дать пальцам огрубеть, а паутине забот оплести звонкие струны?» — писал Бернс.

Он знает, что теперь его голос слушает вся Шотландия.

Третьего августа Бернс снова поехал в Эдинбург. Он прожил там три недели, работая с Джонсоном — составителем «Музыкального музея». Бернс снова уехал в путешествие по Шотландии, объехал все северное предгорье, посетил исторические места, видел разрушенные замки, старинные аббатства и поле знаменитой битвы при Баннокберне, где Роберт Брюс разбил англичан.

«Ни один шотландец не пройдет без волнения мимо этого поля,— записывает Бернс.— Мне кажется, что я вижу храбрых моих соотечественников, наступающих с холма на грабителей их страны, убийц их отцов».

Эта поездка еще больше укрепила славу поэта, и он вернулся в Эдинбург успокоенный и обласканный своими многочисленными читателями и поклонниками.

Но в Эдинбурге его ждало новое испытание.

Все стихи, все песни и письма Бернса говорят о любви как о высшем счастье, доступном смертному. В нежнейших лирических строках, в горьких жалобах брошенной девушки, в возмущенных отповедах «добродетельным» ханжам и безудержно откровенных вольных песнях,— везде воспевается могучая, неукротимая сила страсти, голос крови, непреложный закон жизни. Бернс ненавидит любовь продажную, корыстную, притворную. Но еще больше он ненавидит тех, кто мешает другим любить просто, горячо и непосредственно, если эта любовь не освящена «бормотаньем джентльмена в черном» в церкви, перед алтарем.

Несмотря на то, что «Северные Афины» уже давно вышли из средневекового мракобесия и во всем цивилизованном мире считались средоточием Просвещения и Науки, строгие нравы и влияние духовенства еще сохранились во всех кругах эдинбургского общества.

Бернс столкнулся с этими прочными предрассудками не только в цензурных строгостях при издании своих стихов, но и в личной своей жизни, в одном из самых серьезных своих увлечений. Героиней этого бурного романа стала молодая «соломенная вдовушка», Нэнси Мак-Лиоз, без памяти влюбившаяся в поэта. Может быть, из желания придать идиллический колорит этому вполне земному роману, Бернс надевает маску: перед нами появляется некий «Сильвандер», и пишет он стихи и письма не хорошенькой, талантливой Нэнси, а «солнцу своей души — Кларинде».

За этой буколической бутафорией скрывалась печальная история двух пламенно и безнадежно влюбленных людей разного круга, разного воспитания.

«Кларинда» уже одиннадцать лет жила одна, брошенная мужем, но связанная с ним «священными узами брака». Она беспрекословно слушалась своего духовника, писала стихи, мило пела и уже в первый приезд Бернса мечтала с ним познакомиться.

Теперь Бернс проводил все вечера в маленькой гостиной своей «Кларинды», испытывая все муки неразделенной страсти, «недопитого кубка любви». Когда им нельзя было видеться, «Сильвандер» писал пылкие письма, а «Кларинда» отвечала благочестивыми увещаниями и сентиментальными стихами о «любви за гробом»...

От этого ребяческого маскарада, прикрывавшего и «страх божий» и «земную страсть», остались только письма Бернса и неживые, как искусственные цветы, стихи «Кларинде».

И только одно из стихотворений — прощальное, написано к «Нэнси» и стало одной из лучших любовных песен на английском языке:

Поцелуй — и до могилы
Мы простимся, друг мой милый...

В своих письмах и стихах поэт сам подробно рассказал о том, как, приехав домой, он понял, что должен вернуться «к старому своему знакомцу —

плугу» и что лучшей подруги, чем Джин, которая терпеливо сносила все перемены в их отношениях, у него нет и не будет.

После того как церковь официально признала их брак, Джин жила в семье Роберта, пока он строил дом на новой ферме — Эллисленд, куда вскоре собирался перевезти Джин и детей.

На этой ферме семья поэта провела два с половиной года. Конечно, свободного времени у Бернса было мало: кроме хозяйства, он еще выполнял обязанности акцизного инспектора — наконец ему удалось по протекции получить это место. Приходилось объезжать округу в двести миль, проверять — аккуратно ли платят налоги, не скрывают ли незаконные доходы от казны. И все-таки, несмотря на нужду, болезни, тяжкий труд, Бернс был счастлив: он писал стихи, он не мог нарадоваться на своих ребят. Осенью 1789 года Джин родила ему еще одного черноглазого мальчишку.

В этом же году поэту исполнилось тридцать лет. Он жил такой напряженной, такой полной умственной жизнью, что многие его письма читаются как философские трактаты, как комментарии к учению великого француза Жан-Жака Руссо и английских просветителей — так глубоко он усвоил основные принципы века Просвещения, так органически слились они с его жизненным опытом, с опытом народа, из глубин которого он вышел.

В эти годы он все время посылает новые тексты Джонсону — всегда отказываясь от гонорара! — и в стихах часто говорит о миссии поэта:

Одной мечтой с тех пор я жил:
Служить стране по мере сил
(Пускай они и слабы!),
Народу пользу принести —
Ну, что-нибудь изобрести
Иль песню спеть хотя бы!..

«Это стихотворение, — писал Бернс, — должно было стать частью большой поэмы — «Путь стихотворца».

Но в это время другие события затмили размышления о судьбе поэта. 14 июля 1789 года, под ударами народного гнева, пал оплот сильнейшей монархии в Европе — французского королевства — тюрьма Бастилия.

Началась Великая французская революция.

Напрасно мы будем искать в письмах Бернса прямой отклик на падение Бастилии. Большинство писем того лета сожжено если не самими корреспондентами Бернса, то их наследниками.

Но в первые годы самые широкие круги Англии и особенно Шотландии сочувствовали французской революции. Казалось, что Свобода, Равенство и Братство придут из-за моря мирным путем. А тогда и Шотландия получит больше прав. И хотя множество шотландских граждан, в том числе и Бернс, из-за строгого имущественного ценза не могли участвовать даже в выборах

муниципалитета своего города, не говоря уже о парламентских выборах, политическая жизнь Шотландии оживилась.

К сожалению, именно с этого года «шотландский бард» стал акцизным чиновником, то есть служащим того самого «слабоумного Джорджи» — короля Георга Третьего и того реакционного правительства, против которого он так откровенно высказывался.

Бернс никогда не умел молчать, никогда не любил молчать, и все горести, которые ему пришлось пережить в эти годы, происходили оттого, что по должности он обязан был вести себя как образцовый служащий его величества, а по натуре был настоящим бунтарем, вольнодумцем, свободолюбом.

К счастью, в списках, ходивших по рукам, сохранились стихи тех лет, опубликованные только после смерти Бернса. Среди них и «Дерево свободы» — прямой отклик на Великую французскую революцию.

В эти годы в Эллисленде написана и одна из лучших шотландских баллад — «Тэм О'Шентер».

Может быть, Бернс лучше других, даже профессионалов-музыкантов и собирателей, понимал, что значили баллады и песни в жизни Шотландии, с ее сложнейшей историей, разными речевыми истоками, разными этническими группами народонаселения. Нельзя забывать, что Хайленд — горная Северная Шотландия, и Лоуленд — Южная, приморская часть Шотландских островов коренным образом отличались друг от друга. Гэльский или кельтский дух сохранился в горах в более чистом виде, тогда как соседствующий с Англией Юг перенял множество английских слов и, как мы уже говорили выше, шотландский язык Юга даже сами шотландцы часто называли «изверженным диалектом английского языка», хотя по богатству и своеобразию лексики, укоренившейся с древних времен, по живописности и остроте эпитетов и даже по звуковой своей ткани язык шотландского Юга сильно отличается от языка своих соседей-англичан. И весь шотландский фольклор, разумеется, по-своему отражает исторические события, религиозные верования и все «бродячие сюжеты», запечатлевшие быт и нравы. Достаточно сравнить старую английскую балладу с шотландской, чтобы это понять: весь уклад жизни двух стран, рано индустриализированной Англии и сельской, пагущеской Шотландии, по-разному влиял на народное творчество.

Если песня любовная, шуточная, печальная говорит о чувствах, о настроении лирических героев, об их отношении к тем или иным переживаниям, то баллада — прежде всего — сюжетный рассказ, повествование. Знаменитый ученый, лексикограф, доктор Сэмюел Джонсон, как-то шутивно определил балладу коротким четверостишием:

Я шляпу взял, я ее надел
И вышел гулять к реке.
Вдруг вижу — навстречу идет человек,
Но шляпу держит в руке...

И по логике вещей дальше должно идти объяснение или столкновение, а может быть, и сложный конфликт, вызванный этой встречей.

Баллады, отражающие исторические события, всегда — рассказ о таких конфликтах, с разными исходами, с разным толкованием поведения героев. Старинные суеверия, — остатки языческих верований, населявшие окружающий мир потусторонними существами, очеловечивавшие животных и растения, а иногда и превращавшие людей в лесных зверей или в цветы и деревья, — все это идет из глубочайшей древности и постепенно воплощается в фольклор, такой схожий во всех странах света и столь различно окрашенный историей и бытом каждого народа.

Не случайно, что поэты и ученые-фольклористы стали собирать шотландские баллады в их наиболее устойчивых вариантах именно с начала XVIII века. Шотландия, потеряв свою политическую независимость, искала путей к самоутверждению в науке, в искусстве, в народном творчестве. Назрела необходимость не только вспоминать героическую историю борьбы Шотландии с захватчиками, но и рассказывать о несокрушимой стойкости, о храбрости и благородстве лучших ее сынов, о красоте и верности ее дочерей, восхвалять победу Добра и сокрушаться над кознями Зла.

О форме баллады написано много исследований. Эта форма — с зачинами, повторами и припевами — определялась тем, что баллады исполнялись музыкантами и трубадурами в богатых замках или бродячими певцами в тавернах и на сельских площадях. В этом сборнике читатель найдет баллады самой разнообразной формы. Как в старинных, так и в новейших собраниях шотландских баллад к ним даны обширные комментарии, которые раскрывают их происхождение, и часто объясняют те изменения, которые они претерпевали.

В балладе «Тэм О'Шентер» Бернс гениально пародирует старые сюжеты и в «страшных» сценах бесовской пляски в старой церкви, и в комических правдоуказаниях, обращенных к пьяницам и гулякам.

В 1791 году, распродав скот и весь инвентарь Эллисленда, Бернс переехал с семьей в небольшой, но оживленный город Дамфрис, где и прожил с августа 1791 до июля 1796 года, когда тяжкая болезнь доконала тридцатисемилетнего поэта.

Эти последние годы были, пожалуй, самыми сложными в жизни Бернса. Он был государственным служащим — и закоренелым бунтарем, счастливым отцом семейства — и героем множества романтических приключений, крестьянским сыном и другом «знатнейших семейств». Многие ученые и литераторы переписывались с ним, спрашивали его совета. Все признавали его великим поэтом.

Время было бурное, сложное. Надежды, вспыхнувшие вместе с французской революцией и победой Америки в войне за независимость, были

разбиты, общество «Друзей народа» разогнано, а его главаря сосланы на каторгу. Оставалось только подымать за них тост в стихах:

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
А кто не желает Свободе добра,
Того не помянем добром...

Да здравствует право читать,
Да здравствует право писать.
Правдивой страницы
Лишь тот и боится,
Кто вынужден правду скрывать.

Осень 1795 и зима 1796 года стали роковыми для Бернса. Тогда врачи не понимали, что он давно и тяжело болен, что его обмороки и приступы боли во всех суставах — последствия тяжелого ревмокардита. Его лечили холодными ваннами, крепкими винами, по неведению усиливая смертельный недуг.

А тут еще от него стали отступаться его знатные друзья: многие обиделись, что он отозвался о королевской чете Франции, казненной в Париже, как о «болване-клятвопреступнике и бессовестной блуднице».

Пришла весна — очень холодная и дождливая. Бернс болел, но как только ему становится немного легче, он снова начинает писать для нового сборника шотландских песен и баллад.

В переписке с составителем этого сборника — Томсоном чувствуется желание подытожить уже сделанное и предчувствие, что ему недолго осталось жить...

«У меня нет копий тех песен, которые я вам послал, — пишет он в начале мая, — а мне пришла охота пересмотреть их все. Пусть я лучше буду автором пяти хороших песен, чем десятков посредственных. Тяжело лежит на мне рука горя, болезни и заботы... Личные и семейные несчастья почти совсем уничтожили ту жизнерадостную готовность, с какой я, бывало, волочился за сельской музой Шотландии. Давайте же покаямест хотя бы закончим то, что мы так славно начали».

Об этом последнем месяце жизни Бернса вспоминают те, кто видел его у моря, на курорте, где врачи, не понимавшие его болезни, велели ему принимать холодные ванны и пить крепкие вина. «Когда он вошел в комнату, — писала его старая знакомая, — меня поразил его вид, а первые его слова были: «Ну, сударыня, нет ли у вас поручений на тот свет?»

В понедельник, 18 июля Бернс вернулся домой. Еле дойдя до спальни, он потерял сознание. Очнувшись, он с трудом написал отцу Джин.

«Дорогой сэр, — писал он, — ради всего святого, пришлите миссис Армор сюда немедленно. Моя жена может родить с минуты на минуту. Боже правый, каково ей, бедняжке, остаться одной, без друга... Знаю и чувствую, что силы окончательно подорваны и недуг станет для меня смертельным».

Ночью один из ближайших друзей Бернса писал в Эдинбург:

«...Только что я вернулся из горестной обители, где видел, как душа Шотландии уходит вместе с гением Бернса. Вчера доктор сказал мне, что надежды нет. Сегодня смерть уже наложила на него свою тяжелую руку... Но в нем еще теплилась жизнь — он сразу узнал меня... Когда я взял его руку, он сделал героическое усилие и ясным голосом проговорил: «Мне сегодня гораздо лучше, я скоро выздоровею...» Увы! Он ошибается...»

Но, утешая других, Бернс знал, что жизнь кончается: когда один из друзей передал ему привет от его почитателей — группы дамфриских стрелков-волонтеров, Бернс сказал:

«Только не позволяйте этим горе-воякам палить над моей могилой».

Бернса хоронили с помпой: не только «горе-вояки», но и регулярные войска шли церемониальным маршем до кладбища, играли трескучий и бездушный похоронный марш и, конечно, вопреки воле поэта «палили» над его могилой.

Джин не могла проводить Роберта: в этот час она родила ему пятого сына.

Гильберт приехал к выносу. Он простился с братом и первый бросил в могилу горсть земли.

Перед отъездом в Моссгил он спросил Джин, не нужно ли ей чего-нибудь.

Джин было больно и стыдно признаться, что в доме не было — буквально! — ни одного пени.

Она попросила у Гильберта немного денег взаймы.

Гильберт вынул один шиллинг, подал его Джин и, сердечно простившись с ней, вышел из дома.

У порога он вынул разграфленную книжечку и записал: «Один шиллинг — в долг, вдове брата».

К счастью, это был последний шиллинг, взятый Джин взаймы: по подписке немедленно собрали весьма значительную сумму, и с этого дня ни Джин, ни дети не знали нужды.

Через много лет, когда слава Бернса наконец нашла дорогу в придворные круги Лондона, король назначил вдове Бернса пенсию.

И Джин, верная памяти Роберта, от этой пенсии отказалась.

О том, как росла слава Бернса, говорят тысячи книг на всех языках мира, собранных в библиотеке Глазго.

Поэту поставлено множество памятников — от простого мраморного бюста в нише дамфриского дома до сложных и затейливых башен с барельефами, греческими портиками и статуями — причесанных красавцев-пахарей, с неизменной мышкой у ног, маргариткой под лемехом плуга и парящей музой в классических покрывалах.

Но народ хранит его память по-своему. Пожалуй, нет поэта, которого бы так знали и пели — на протяжении двух веков! — те, кто говорит по-шотландски и по-английски.

Строки его лучших стихов стали лозунгами, их несут на стягах шотландцы во время всемирных фестивалей, без конца цитируют в литературе.

Для множества поэтов, пишущих по-английски, начиная с поэтов «Озерной школы» — Колриджа, Вордсворта, Саути — и революционных романтиков начала XIX века — Байрона, Шелли, Китса — и кончая многими нашими современниками, Роберт Бернс стал первооткрывателем.

Он рассказал своим собратьям-поэтам, как надо писать о реальной, земной, человеческой жизни не со стороны, не только с точки зрения наблюдателя, но и с точки зрения непосредственного участника этой жизни, ее хозяина, ее творца.

Часто до Бернса поэты писали и о людях «простых», об их жизни, их чувствах.

Но, описывая работу деревенского кузнеца, поэт не чувствовал тяжести молота и жара от горна.

И даже о влюбленных в то время писали отвлеченно, забывая о живой земной прелести человеческого тела, о звонке бьющихся сердцах.

Бернс пишет, как он *сам* пашет землю, *сам* целует девушку, *сам* издевательски хохочет прямо в глаза святошам и ханжам.

И поэтому ему веришь безоговорочно, как веришь лучшим сынам Земли, гениальным поэтам всех времен и народов.

Р. РАЙТ-КОВАЛЕВА

РОБЕРТ БЕРНС
СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ

ЧЕСТНАЯ БЕДНОСТЬ

Кто честной бедности своей
Стыдится и все прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!

Мы хлеб едим и воду пьем,
Мы укрываемся тряпьем
И все такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шелк и вина пьют
И все такое прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Судите не по платью.
Кто честным кормится трудом,—
Таких зову я знатью.

Вот этот шут — природный лорд.
Ему должны мы кланяться.
Но пусть он чопорен и горд,
Бревно бревном останется!

При всем при том,
При всем при том,
Хоть весь он в позументах,—
Бревно останется бревном
И в орденах, и в лентах!

Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.

При всем при том,
При всем при том,
Награды, лесть
И прочее
Не заменяют
Ум и честь
И все такое прочее!

Настанет день и час пробьет,
Когда уму и чести
На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.

При всем при том,
При всем при том,
Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!

Д Ж О Н Я Ч М Е Н Н О Е З Е Р Н О

Трех королей разгневал он,
И было решено,
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное Зерно.

Велели выкопать сохой
Моги:у короли,
Чтоб славный Джон, боец лихой,
Не вышел из земли.

Травой покрылся горный склон,
В ручьях воды полно,
А из земли выходит Джон
Ячменное Зерно.

Все так же буен и упрям,
С пригорка в летний зной
Грозит он копыями врагам,
Качая головой.

Но осень трезвая идет.
И, тяжело нагружен,
Поник под бременем забот,
Согнулся старый Джон.

Настало время помирать —
Зима недалеко.
И тут-то недруги опять
Взялись за старика.

Его свалил горбатый нож
Одним ударом с ног,
И, как бродягу на правёж,
Везут его на ток.

Дубасить Джона принялись
Злодеи поутру.
Потом, подбрасывая ввысь,
Кружили на ветру.

Он был в колодец погружен,
На сумрачное дно.
Но и в воде не тонет Джон
Ячменное Зерно.

Не пощадив его костей,
Швырнули их в костер,
А сердце мельник меж камней
Безжалостно растер.

Бушует кровь его в котле,
Под обручем бурлит,
Вскипает в кружках на столе
И души веселит.

Недаром был покойный Джон
При жизни молодец, —
Отвагу подымает он
Со дна людских сердец.

Он гонит вон из головы
Докучный рой забот.
За кружкой сердце у вдовы
От радости поет...

Так пусть же до конца времен
Не высыхает дно
В бочонке, где клокочет Джон
Ячменное Зерно!

СТАРАЯ ДРУЖБА

Забывать ли старую любовь
И не грустить о ней?
Забывать ли старую любовь
И дружбу прежних дней?

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

Побольше кружки приготовь
И доверху налей.
Мы пьем за старую любовь,
За дружбу прежних дней.

За дружбу старую —
До дна!
За счастье юных дней!
По кружке старого вина --
За счастье юных дней.

С тобой топтали мы вдвоем
Траву родных полей,
Но не один крутой подъем
Мы взяли с юных дней.

Переплывали мы не раз
С тобой через ручей.
Но море разделило нас,
Товарищ юных дней...

И вот с тобой сошлись мы вновь.
Твоя рука — в моей.
Я пью за старую любовь,
За дружбу прежних дней!

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

БЫЛ ЧЕСТНЫЙ ФЕРМЕР МОЙ ОТЕЦ

Был честный фермер мой отец.
Он не имел достатка,
Но от наследников своих
Он требовал порядка.
Учил достоинство хранить,
Хоть нет гроша в карманах.
Страшнее — чести изменить,
Чем быть в отрепьях рваных!

Я в свет пустился без гроша,
Но был беспечный малый.
Богатым быть я не желал,
Великим быть — пожалуй!
Таланта не был я лишен,
Был грамотен немножко
И вот решил по мере сил
Пробить себе дорожку.

И так и сяк пытался я
Понравиться фортуне,
Но все усилья и труды
Мои остались втуне.
То был врагами я подбит,
То предан был друзьями
И вновь, достигнув высоты,
Оказывался в яме.

В конце концов я был готов
Оставить попеченье.
И по примеру мудрецов
Я вывел заключение:
В былом не знали мы добра,
Не видим в предстоящем,
А этот час — в руках у нас.
Владей же настоящим!

Надежды нет, просвета нет,
А есть нужда, забота.
Ну что ж, покуда ты живешь,
Без устали работай.
Косить, пахать и боронить
Я научился с детства.
И это все, что мой отец
Оставил мне в наследство.

Так и живу — в нужде, в труде,
Доволен передышкой.
А хорошенько отдохну
Когда-нибудь под крышкой.
Заботы завтрашнего дня
Мне сердца не тревожат.
Мне дорог нынешний мой день,
Покуда он не прожит!

Я так же весел, как монарх
В наследственном чертоге,
Хоть и становится судьба
Мне поперек дороги.
На завтра хлеба не дает
Мне эта злая кряга.
Но нынче есть чего поесть,—
И то уж это благо!

Беда, нужда крадут всегда
Мой заработок скудный.
Мой промах этому виной
Иль нрав мой безрассудный?
И все же сердцу своему
Вовеки не позволю я
Впадать от временных невзгод
В тоску и меланхолию!

О ты, кто властен и богат,
Намного ль ты счастливей?
Стремится твой голодный взгляд
Вперед — к двойной наживе.
Пусть денег куры не клюют
У баловня удачи,—
Простой, веселый, честный люд
Тебя стократ богаче!

МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА

Где-то девушка жила.
Что за девушка была!
И любила парня славного она.

Но расстаться им пришлось
И любить друг друга врозь,
Потому что началась война.

За морями, за холмами —
Там, где пушки мечут пламя,
Сердце воина не дрогнуло в бою.

Это сердце трепетало
Только ночью в час привала,
Вспоминая милую свою!

РОБИН

В деревне парень был рожден,
Но день, когда родился он,
В календари не занесен.
Кому был нужен Робин?

Был он резвый паренек,
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек —
Резвый, шустрый Робин!

Зато отметил календарь,
Что был такой-то государь,
И в щели дома дул январь,
Когда родился Робин.

Разжав младенческий кулак,
Гадалка говорила так:
— Мальчишка будет не дурак.
Пускай зовется Робин!

Немало ждет его обид,
Но сердцем всё он победит.
Парнишка будет знаменит,
Семью прославит Робин.

Он будет весел и остер,
И наших дочек и сестер
Полюбит с самых ранних пор
Неугомонный Робин.

Девчонкам — бог его прости! —
Уснуть не даст он взаперти,
Но знать не будет двадцати
Других пороков Робин.

Был он резвый паренек —
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек —
Резвый, шустрый Робин!

В ГОРАХ МОЕ СЕРДЦЕ

В горах мое сердце... Доньше я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу.

Прощай, моя родина! Север, прощай,—
Отечество славы и доблести край.
По белому свету судьбою гоним,
Навеки останусь я сыном твоим!

Прощайте, вершины под кровлей снегов,
Прощайте, долины и скаты лугов,
Прощайте, поникшие в бездну леса,
Прощайте, потоков лесных голоса.

В горах мое сердце... Доныше я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я вверху!

ЛУЧШИЙ ПАРЕНЬ

Лучший парень наших лет,
Славный парень,
Статный парень,
На плече он носит плед,
Славный горский парень.

Носит шапку пирожком,
Славный парень,
Статный парень,
Он с изменой незнаком,
Славный горский парень.

Слышишь звонкий зов трубы,
Дочь полей,
Дитя долины,
Зов трубы и гром пальбы,
Девушка долины?

Слава в бой меня зовет,
Дочь полей,
Дитя долины,
За свободу и народ,
Девушка долины!

Легче солнце двинуть вспять,
Славный парень,
Статный парень,
Чем тебя поколебать,
Славный горский парень.

Честь добудь себе в бою,
Славный парень,
Статный парень,
И прославь страну свою,
Славный горский парень!

БРЮС — ШОТЛАНДЦАМ

Вы, кого водили в бой
Брюс, Уоллес за собой, —
Вы врага ценой любой
Отразить готовы.

Близок день, и час грядет.
Враг надменный у ворот.
Эдвард армию ведет —
Цепи и оковы.

Тех, кто может бросить меч
И рабом в могилу лечь,
Лучше вовремя отсечь.
Пусть уйдут из строя.

Пусть останется в строю,
Кто за родину свою
Хочет жить и пасть в бою
С мужеством героя!

Бой идет у наших стен.
Ждет ли нас позорный плен?
Лучше кровь из наших вен
Отдадим народу.

Наша честь велит смести
Угнетателей с пути
И в сраженье обрести
Смерть или свободу!

ШОТЛАНДСКАЯ СЛАВА

Навек простись, Шотландский край,
С твоею древней славой.
Название самое, прощай,
Отчины величавой!

Где Твид несется в океан
И Сарк в песках струится,—
Теперь владенья англичан,
Провинции граница.

Века сломить нас не могли,
Но продал нас изменник
Противникам родной земли
За горсть презренных денег.

Мы сталь английскую не раз
В сраженьях притупили,
Но золотом английским нас
На торжище купили.

Как жаль, что я не пал в бою,
Когда с врагом боролись
За честь и родину свою
Наш гордый Брюс, Уоллес.

Но десять раз в последний час
Скажу я без утайки:
Проклятие предавшей нас
Мошеннической шайке!

ДЕРЕВО СВОБОДЫ

Есть дерево в Париже, брат.
Под сень его густую
Друзья отечества спешат,
Победу торжествуя.

Где нынче у его ствола
Свободный люд толпится,
Вчера Бастилия была,
Всей Франции темница.

Из года в год чудесный плод
На дереве растет, брат.
Кто съел его, тот сознает,
Что человек — не скот, брат.

Его вкусить холопу дай —
Он станет благородным
И свой разделит каравай
С товарищем голодным.

Дороже клада для меня
Французский этот плод, брат.
Он красит щеки в цвет огня,
Здоровье нам дает, брат.

Он проясняет мутный взгляд,
Вливает в мышцы силу.
Зато предателям он — яд:
Он сводит их в могилу!

Благословение тому,
Кто, пожалев народы,
Впервые в галльскую тюрьму
Принес росток свободы.

Пошла доблесть в жаркий день
Заветный тот росток, брат,
И он свою раскинул сень
На запад и восток, брат.

Но юной жизни торжеству
Грозил порок тлетворный:
Губил весеннюю листву
Червяк в парче придворной.

У деревца хотел Бурбоп
Подрезать корешки, брат.
За это сам лишился он
Короны и башки, брат!

Тогда поклялся злобный сброд,
Собратье всех пороков,
Что деревцо не доживет
До поздних, зрелых соков.

Немало гончих собралось
Со всех концов земли, брат.
Но злое дело сорвалось —
Жалели, что пошли, брат!

Скликает всех своих сынов
Свобода молодая.
Они идут на бранный зов,
Отвагою пылая.

Новорожденный весь народ
Встает под звон мечей, брат.
Бегут наемники вразброд,
Вся свора палачей, брат.

Британский край! Хорош твой дуб,
Твой стройный тополь — тоже.
И ты на шутки был не скуп,
Когда ты был моложе.

Богатым лесом ты одет —
И дубом и сосной, брат.
Но дерева свободы нет
В твоей семье лесной, брат!

А без него нам свет не мил
И горек хлеб голодный.
Мы выбиваемся из сил
На борозде бесплодной.

Питаем мы своим горбом
Потомственных воров, брат.
И лишь за гробом отдохнем
От всех своих трудов, брат.

Но верю я: настанет день, —
И он не за горами, —
Когда листья волшебной сень
Раскинется над нами.

Забудут рабство и пужду
Народы и края, брат,
И будут люди жить в ладу,
Как дружная семья, брат!

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

— Привет вам, тюрьмы короля,
Где жизнь влачат рабы!
Меня сегодня ждет петля
И гладкие столбы.

В полях войны среди мечей
Встречал я смерть не раз,
Но не дрожал я перед ней —
Не дрогну и сейчас!

Разбейте сталь моих оков,
Верните мой доспех.
Пусть выйдет десять смельчаков,
Я одолею всех.

Я жизнь свою провел в бою,
Умру не от меча.
Изменник предал жизнь мою
Веревке палача.

И перед смертью об одном
Душа моя грустит,
Что за меня в краю родном
Никто не отомстит.

Прости, мой край! Весь мир, прощай!
Меня поймали в сеть.
Но жалок тот, кто смерти ждет,
Не смея умереть!

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА

Умолк тяжелый гром войны,
И мир сияет снова.
Поля и села сожжены,
И дети ищут крова.

Я шел домой, в свой край родной,
Шатер покинув братский.
И в старом ранце за спиной
Был весь мой скарб солдатский.

Шагал я с легким багажом,
Счастливым и свободный.
Не отягчил я грабежом
Своей сумы походной.

Шагал я бодро в ранний час,
Задумавшись о милой,
О той улыбке синих глаз,
Что мне во тьме светила.

Вот наша тихая река
И мельница в тумане.
Здесь, под кустами ивняка,
Я объяснился Анне.

Вот я взошел на склон холма,
Мне с юных лет знакомый,—
И предо мной она сама
Стоит у двери дома.

С ресниц смахнул я капли слез,
И, голос изменяя,
Я задал девушке вопрос,
Какой,— и сам не знаю.

Потом сказал я: — Ты светлей,
Чем этот день погожий,
И тот счастливей всех людей,
Кто всех тебе дороже!

Хоть у меня карман пустой
И сумка пустовата,
Но не возьмешь ли на постой
Усталого солдата?

На миг ее прекрасный взгляд
Был грустью отуманен.
— Мой милый тоже был солдат.
Что с ним? Убит или ранен?..

Он не вернулся, но о нем
Храню я память свято,
И навсегда открыт мой дом
Для честного солдата!

И вдруг, узнав мои черты
Под слоем серой пыли,
Она спросила: — Это ты?
Потом сказала: — Вилли!..

— Да, это я, моя любовь,
А ты — моя награда
За честно пролитую кровь,
И лучшей мне не надо.

Тебя, мой друг, приди с войны,
Нашел я неизменной.
Пускай с тобою мы бедны,
Но ты — мой клад бесценный!

Она сказала: — Нет, вдвоем
Мы заживем на славу.
Мне дед оставил сад и дом,
Они твои по праву!

Купец плывет по лону вод
За прибылью богатой.
Обильной жатвы фермер ждет.
Но честь — удел солдата.

И пусть солдат всегда найдет
У вас приют в дороге.
Страны родимой он оплот
В часы ее тревоги.

ДЖОН АНДЕРСОН

Джон Андерсон, мой старый друг,
Подумай-ка, давно ль
Густой, крутой твой локоп
Был черен, точно смоль.

Теперь ты снегом убелен, —
Ты знал немало вьюг.
Но будь ты счастлив, лысый Джон,
Джон Андерсон, мой друг!

Джон Андерсон, мой старый друг,
Мы шли с тобою в гору,
И столько радости вокруг
Мы видели в ту пору.

Теперь мы под гору бредем,
Не разнимая рук,
И в землю ляжем мы вдвоем,
Джон Андерсон, мой друг!

ЛЮБОВЬ

Любовь, как роза, роза красная,
Цветет в моем саду.
Любовь моя — как песенка,
С которой в путь иду.

Сильнее красоты твоей
Моя любовь одна.
Она с тобой, пока моря
Не высохнут до дна.

Не высохнут моря, мой друг,
Не рушится гранит,
Не остановится песок,
А он, как жизнь, бежит...

Будь счастлива, моя любовь,
Прощай и не грусти.
Вернусь к тебе, хоть целый свет
Пришлось бы мне пройти!

* * *

Пробираясь до калитки
Полею вдоль межи,
Дженни вымокла до нитки
Вечером во ржи.

Очень холодно девчонке,
Бьет девчонку дрожь:
Замочила все юбочки,
Идя через рожь.

Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмешь?

И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!..

* * *

Давно ли цвел зеленый дол,
Лес шелестел листвою,
И каждый лист был свеж и чист
От влаги дождевой.

Где этот летний рай?
Лесная глушь мертва.
Но снова май придет в наш край —
И зашумит листва...

Но ни весной, ни в летний зной
С себя я не стряхну
Тяжелый след прошедших лет,
Печаль и седину.

Под старость краток день,
А ночь без сна длинна.
И дважды в год к нам не придет
Счастливая весна.

Пророчат осени приход
И выстрел в отдаленье,
И птицы взлет среди болот,
И вереска цветенье,
И рожь, бегущая волной,—
Предвестье урожая,
И лес ночной, где под луной
Я о тебе скучаю.

Вальдшнепы любят тихий лес,
Вьюрки — кустарник горный.
А цапли с вышины небес
Стремятся в край озерный.
Дрозды в орешнике живут,
В тиши лесной полянки.
Густой боярышник — приют
Веселой коноплянки.

У каждого обычай свой,
Свой путь, свои стремленья.
Один живет с большой семьей,
Другой — в уединенье.
Но всюду злой тиран проник:
В немых лесных просторах
Ты слышишь гром, и жалкий крик,
И смятых перьев шорох...

А ведь такой кругом покой.
Стрижей кружится стая.
И нива никнет за рекой
Зелено-золотая.
Давай пойдем бродить вдвоем
И насладимся вволю
Красой плодов в глуши садов
И спелой рожью в поле.

Так хорошо идти-брести
По скошенному лугу
И встретить месяц на пути,
Тесней прильнув друг к другу,
Как дождь весной — листве лесной,
Как осень — урожаю,
Так мне нужна лишь ты одна,
Подруга дорогая!

* * *

Ты меня оставил, Джеми,
Ты меня оставил,
Навсегда оставил, Джеми,
Навсегда оставил.
Ты шутил со мною, милый,
Ты со мной лукавил —
Клялся помнить до могилы,
А потом оставил, Джеми,
А потом оставил!

Нам не быть с тобою, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Никогда на свете, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Пусть скорей настанет время
Вечного покоя.
Я глаза свои закрою,
Навсегда закрою, Джеми,
Навсегда закрою!

* * *

Где-то в пещере, в прибрежном краю,
Горе свое от людей утаю.
Там я обдумаю
Злую судьбу мою,
Злую, угрюмую участь мою.

Лживая женщина, клятвам твоим
Время пришло разлететься как дым.
Смейся с возлюбленным
Ты над загубленным,
Над обесславленным счастьем моим!

РАССТАВАНИЕ

Поцелуй — и до могилы
Мы простимся, друг мой милый.
Ропот сердца отовсюду
Посылать к тебе я буду.

В ком надежды искра тлеет,
На судьбу роптать не смеет.
Но ни зги передо мною.
Окружен я тьмой ночью.

Не клянусь своей я страсти.
Кто твоей не сдастся власти?
Кто видал тебя, тот любит,
Кто полюбит, не разлюбит.

Не любить бы нам так нежно,
Безрассудно, безнадежно,
Не сходиться, не прощаться,
Нам бы с горем не встречаться!

Будь же ты благословенна,
Друг мой первый, друг бесценный.
Да сияет над тобою
Солнце счастья и покоя.

Поцелуй — и до могилы
Мы простимся, друг мой милый.
Ропот сердца отовсюду
Посылать к тебе я буду.

ЗА ПОЛЕМ РЖИ

За полем ржи кустарник рос.
И почки нераскрытых роз
Клонились, влажные от слез,
Росистым ранним утром.

Но дважды утренняя мгла
Сошла, и роза расцвела.
И так роса была светла
На ней душистым утром.

И кополянка на заре
Сидела в лиственном шатре
И вся была, как в серебре,
В росе холодной утром.

Придет счастливая пора,
И защебечет детвора
В тени зеленого шатра
Горячим летним утром.

Мой друг, и твой придет черед
Платить за множество забот
Тем, кто покой твой бережет
Весенним ранним утром.

Ты, нераскрывшийся цветок,
Расправишь каждый лепесток
И тех, чей вечер недалек,
Согреешь летним утром!

ПОЦЕЛУЙ

Влажная печать признаний,
Обещанье тайных нег —
Поцелуй, подснежник ранний,
Свежий, чистый, точно снег.

Молчаливая уступка,
Страсти детская игра,
Дружба голубя с голубкой,
Счастья первая пора.

Радость в грустном расставанье
И вопрос: когда ж опять?..
Где слова, чтобы названье
Этим чувствам отыскать?

НАД РЕКОЙ АФТОН

Утихни, мой Афтон, в зеленом краю,
Утихни, а я тебе песню спою.
Пусть милую Мэри не будит волна
На склоне, где сладко уснула она.

Пусть голубя стон из лесного гнезда,
Пусть звонкая, чистая флейта дрозда,
Зеленоголового чибиса крик
Покоя ее не встревожат на миг.

Прекрасны окрестные склоны твои,
Где змейками путь проложили ручьи.
Бродя по холмам, не свожу я очей
С веселого домика Мэри моей.

Свежи и душисты твои берега,
Весной от цветов золотятся луга.
А в час, когда вечер зашлает дождем,
Приют под березой найдем мы вдвоем.

Поток твой петлю серебристую вьет
У тихого дома, где Мэри живет.
Идет она в лес, собирая цветы,—
К ногам ее белым бросаешься ты.

Утихни, мой Афтон, меж склонов крутых,
Умолкни, прославленный в песнях моих.
Пусть милую Мэри не будит волна —
Над берегом тихо уснула она.

ЗАДРАВНЫЙ ТОСТ

У которых есть, что есть,— те подчас не могут есть,
А другие могут есть, да сидят без хлеба.

А у нас тут есть, что есть, да при этом есть, чем есть,—
Значит, нам благодарить остается небо!

* * *

Наш Вилли пива наварил
И нас двоих позвал на пир.
Таких счастливых молодцов
Еще не знал крещеный мир!

Никто не пьян, никто не пьян,
А так, под мухую, чуть-чуть.
Пусть день встает, петух поет,
А мы не прочь еще хлебнуть!

Три молодца, мы дружно пьем.
Один бочонок — трое нас.
Не раз встречались мы втроем
И встретимся еще не раз.

Что это — старая луна
Мигает нам из-за ветвей?
Она плывет, домой зовет...
Нет, подождать придется ей!

Последний тот из нас, друзья,
Кто первым ступит за порог.
А первый тот, кого струя
Из нас последним свалит с ног!

ПОДРУГА УГОЛЬЩИКА

— Не знаю, как тебя зовут,
Где ты живешь, не ведаю.
— Живу везде — и там и тут,
За угольщиком следую!

— Вот эти нивы и леса
И все, чего попросишь ты,
Я дам тебе, моя краса,
Коль угольщика бросишь ты!

Одену в шелк тебя, мой друг.
Зачем отрешья носишь ты?
Я дам тебе коней и слуг,
Коль угольщика бросишь ты!

— Хоть горы золота мне дай
И жемчуга отборного,
Но не уйду я — так и знай! —
От угольщика черного.

Мы днем развозим уголек.
Зато порой ночью
Я заберусь в свой уголок.
Мой угольщик — со мною.

У нас любовь — любви цена.
А дом наш — мир просторный.
И платит верностью сполна
Мне угольщик мой черный!

Я ПЬЮ ТВОЕ ЗДОРОВЬЕ!

Прощай, красавица моя.
Я пью твоё здоровье.
Надоедать не стану я
Тебе своей любовью.

Прощай, прости! Перенести
Сумею я разлуку.
А ты смекни да разочти,
Кому отдашь ты руку.

Ты говоришь: — Вступать мне в брак
Покуда неохота.—
А я скажу: — Я не дурак,
И ждать мне нет расчета.

Я знаю, ждет твоя родня
Кого-то побогаче.
Она не жалуёт меня.
Ну, дай вам бог удачи!

Меня считают бедняком
Без имени и рода.
Но не пуждаюсь я ни в ком,—
При мне моя свобода.

Башка и руки — вот мой клад.
Всегда к труду готов я.
Как говорят,— сам черт не брат,
Покуда есть здоровье!

Оно, конечно, высоко
Легит иная птица.
Но в дальней птице так легко
Порою ошибиться.

Прощай, мой друг. Я уйду,
Куда ведет дорожка.
Но, может, в полночь погляжу
Я на твое окошко...

НОВОГОДНИЙ ПРИВЕТ
СТАРОГО ФЕРМЕРА
ЕГО СТАРОЙ ЛОШАДИ

Привет тебе, старуха-кляча,
И горсть овса к нему в придачу.
Хоть ты теперь скелет ходячий,
Но ты была
Когда-то лошастью горячей
И рысью шла.

Ты глуховата, слеповата.
Седая шерсть твоя примята.
А серой в яблоках когда-то
Была она.
И твой ездок был тоже хватом
В те времена!

Лошадкой ты была на славу.
Хозяин был тебе по нраву.
И я гордиться мог по праву,
Когда с тобой
Любую брали мы канаву,
Подъем любой.

Тебя с полсотней марок вместе
Родитель дал моей невесте.
Хоть капитал — скажу по чести —
Был очень мал,
Не раз добром подарок тества
Я поминал.

Когда я стал встречаться с милой,
Тебе всего полгода было,
И ты за матерью-кобылой
Трусилась вслед.
Ключом в тебе кипела сила
Весенних лет.

Я помню день, когда, танцуя
И щеголяя новой сбруей,
Везла со свадьбы молодую
Ты к нам домой.
Как любовался я, ликуя,
В тот день тобой!

Перевалив за три десятка,
Ты ходишь медленно и шатко.
С каким трудом дорогой краткой
Ты возишь кладь,
А прежде — чья могла лошадка
Тебя догнать?

Тебя на ярмарках, бывало,
Трактирщики кормили мало,
И все ж домой меня ты мчала,
Летя стрелой.
А вслед вся улица кричала:
— Куда ты? Стой!

Когда ж с тобой мы были сыты
И горло у меня промыто, —
В те дни дорогою открытой
Мы так неслись,
Как будто от земли копыта
Оторвались.

Ты, верно, помнишь эти гонки.
С обвислым крупом лошаденки
Теснились жалобно к сторонке,
Давая путь,
Хоть я не смел лозою тонкой
Тебя стегнуть.

Всегда была ты верным другом,
И нет конца твоим заслугам.
Напрягшись телом всем упругим,
Ты шла весной
Перед моим тяжелым плугом
И бороной.

Когда глубокий снег зимою
Мешал работать нам с тобою,
Я отмерял тебе с лихвою
 Овес, ячмень
И знал, что ты заплатишь вдвое
 Мне в летний день.

Твои два сына плуг мой тянут,
А двое кладь возить мне станут.
И, верно, не был я обманут,
 Продав троих:
По десять фунтов чистоганом
 Я взял за них.

Утомлены мы, друг, борьбою.
Мы всё на свете брали с бою.
Казалось, пиц перед судьбою
 Мы упадем.
Но вот состарились с тобою,
 А всё живем!

Не думай по ночам в тревоге,
Что с голоду протянешь ноги.
Пусть от тебя мне нет подмоги,
 Но я в долгу —
И для тебя овса немного
 Приберегу.

С тобой состарился я тоже.
Пора сменить нас молодежи
И дать костям и дряхлой коже
 Передохнуть
Пред тем, как тронемся мы лежа
 В последний путь.

Ф И Н Д Л Е Й

— Кто там стучится в поздний час?
«Конечно, я — Финдлей!»
— Ступай домой. Все спят у нас!
«Не все!» — сказал Финдлей.

— Как ты прийти ко мне посмел?
«Посмел!» — сказал Финдлей.
— Небось надделаешь ты дел...
«Могу!» — сказал Финдлей.

— Тебе калитку отвори...
«А ну!» — сказал Финдлей.
— Ты спать не дашь мне до зари!
«Не дам!» — сказал Финдлей.

— Попробуй в дом тебя впустить...
«Впусти!» — сказал Финдлей.
— Всю ночь ты можешь прогостить.
«Всю ночь!» — сказал Финдлей.

— С тобою ночь одну побудь...
«Побудь!» — сказал Финдлей.
— Ко мне опять найдешь ты путь.
«Найду!» — сказал Финдлей.

— О том, что буду я с тобой...
«Со мной!» — сказал Финдлей.
— Молчи до крышки гробовой!
«Идет!» — сказал Финдлей.

ШЕЛА О'НИЛ

Когда волочиться я начал за нею,
Немало я ласковых слов говорил.
Но более всех
Имели успех
Слова: «Мы поженемся, Шела О'Нил!»

Дождался я брака.
Но скоро, однако,
Лишился покоя, остался без сил.
От ведьмы проклятой
Ушел я в солдаты,
Оставив на родине Шелу О'Нил.

Решился я вскоре
Бежать через море,
С колонной пруссаков в атаку ходил
Навстречу снарядам,
Ложившимся рядом
С шипеньем и свистом, как Шела О'Нил!

У Фридриха в войске
Я дрался геройски,
Штыка не боялся и с пулей дружил.
Нет в мире кинжала
Острее, чем жало
Безжалостной женщины — Шелы О'Нил!

СЧАСТЛИВЫЙ ВДОВЕЦ

В недобрый час я взял жену,
В начале мая месяца,
И, много лет живя в плену,
Не раз мечтал повеситься.

Я был во всем покорен ей
И нес безмолвно бремя.
Но наконец жене моей
Пришло скончаться время.

Не двадцать дней, а двадцать лет
Прожив со мной совместно,
Она ушла, покинув свет,
Куда — мне неизвестно...

Я так хотел бы разгадать
Загробной жизни тайну,
Чтоб после смерти нам опять
Не встретиться случайно!

Я совершил над ней обряд —
Похоронил достойно.
Боюсь, что черт не принял в ад
Моей жены покойной.

Она, я думаю, в раю...
Порой в раскатах грома
Я грозный грохот узнаю,
Мне издавна знакомый!

ОДА К ЗУБНОЙ БОЛИ

Ты, завладев моей скулой,
Пронзаешь десны мне иглой,
Сверлишь сверлом, пилишь пилой
 Без остановки.
Мечусь, истерзанный и злой,
 Как в мышеловке.

Так много видим мы забот,
Когда нас лихорадка бьет,
Когда подагра нас грызет
 Иль резь в желудке.
А эта боль — предмет острот
 И праздной шутки!

Бешусь я, исходя слюной,
Ломаю стулья, как шальной,
Когда соседи надо мной
 В углу хохочут.
Пускай их бесы бороной
 В аду щекочут!

Всегда жила со мной беда —
Неурожай, недуг, нужда,
Позор неправого суда,
 Долги, убытки...
Но не терпел я никогда
 Подобной пытки!

И я уверен, что в аду,
Куда по высшему суду
Я непременно попаду
 (В том нет сомнений!),
Ты будешь первой в ряду
 Моих мучений.

О дух раздора и войны,
Что носит имя сатаны
И был низвергнут с вышины
За своеволие,
Казни врагов моей страны
Зубною болью!

П Е С Н Я

Растет камыш среди реки,
Он зелен, прям и тонок.
Я в жизни лучшие деньки
Провел среди девчонок.

Часы заботу нам несут,
Мелькая в быстрой гонке.
А счастья несколько минут
Приносят нам девчонок.

Богатство, слава и почет
Волнуют наши страсти.
Но даже тот, кто их найдет,
Найдет в них мало счастья.

Мне дай свободный вечерок
Да крепкие объятия —
И тяжкий груз мирских тревог
Готов к чертям послать я!

Пускай я буду осужден
Судьей в ослиной коже,
Но старый, мудрый Соломон
Любил девчонок тоже!

Сперва мужской был создан пол.
Потом, окончив школу,
Творец вселенной перешел
К прекраснейшему полу!

* * *

...— Нет ни души живой вокруг,
А на дворе темно.
Нельзя ль к тебе, мой милый друг,
Пролететь через окно?

— Благодарю тебя за честь,
Но помни уговор:
Ко мне одна дорога есть —
Через церковный двор!..

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Ты спишь ли, друг мой дорогой?
Проспись и двери мне открой.
Нет ни звезды во мгле сырой.
Позволь в твой дом войти!

Впусти меня на эту ночь,
На эту ночь, на эту ночь.
Из жалости на эту ночь
В свой дом меня впусти!

Я так устал и так продрог,
Я под собой не чую ног.
Пусти меня на свой порог
И на ночь приюти.

Как ветер с градом и дождем
Шумит напрасно за окном,
Так я стучусь в твой тихий дом.
Дай мне приют в пути!

Впусти меня на эту ночь,
На эту, эту, эту ночь.
Из жалости на эту ночь
В свой дом меня впусти!

ЕЕ ОТВЕТ

Тебе ни дождь, ни снег, ни град
Не помешал попасть в мой сад.
И, значит, можешь путь назад
Ты без труда найти.

Еще кругом глухая ночь,
Глухая ночь, глухая ночь.
Тебя впустить на эту ночь
Я не могу — прости!

Пусть на ветру ты весь продрог,—
От худших бед помилуй бог
Ту, что тебе через порог
 Позволит перейти!

В саду раскрывшийся цветок
Лежит, растоптан, одинок.
И это девушке урок,
 Как ей себя вести.

Птенца, не знавшего тревог,
В кустах охотник подстерег.
И это девушке урок,
 Как ей себя вести!

Стоит кругом глухая ночь,
Глухая ночь, глухая ночь.
Тебя впустить на эту ночь
 Я не могу — прости!

ЭЛЕГИЯ
НА СМЕРТЬ ПЭГ НИКОЛЬСОН,
ЛОШАДИ СВЯЩЕННИКА

Ты славной клячею была,
 И вот узнал я с грустью,
Что по реке ты поплыла
 И доплыла до устья.

Кобылой доброй ты слыла,
 Когда была моложе.
А пынче к морю уплыла,
 Оставив людям кожу.

Ты от хозяина-попа
 Не слышала «спасибо».
Стара ты стала и слепа
 И угодила к рыбам.

Давно, покорная судьбе,
 Лишилась ты здоровья,
Как все, кто возит на себе
 Духовное сословье!

МЕЛЬНИК

Мельник, пыльный мельник
Мелет нашу рожь.
Он истратил шиллинг,
Заработал грош.

Пыльный, пыльный он пасквозь,
Пыльный он и белый.
Целоваться с ним пришлось —
Вся я поседела!

Мельник, пыльный мельник,
Белый от муки,
Носит белый мельник
Пыльные мешки.

Достает из кошелька
Мельник деньги белые.
Я для мельника-друга
Все, что хочешь, сделаю!

ДЕВУШКИ ИЗ ТАРБОЛТОНА

В Тарболтоне, право,
Есть парни на славу,
Девыцы имеют успех, брат.
Но барышни Рбналдс,
Живущие в Бэнналс,
Милей и прекраснее всех, брат.

Отец у них гордый.
Живет он, как лорды.
И каждый приличный жених, брат,
В придачу к невесте
Получит от тестя
По двести монет золотых, брат.

Нет в этой долине
Прекраснее Джинни.
Она хороша и мила, брат.
А вкусом и нравом
И разумом здравым
Ровесниц своих превзошла, брат.

Фиалка увянет,
И розы не станет
В каких-нибудь несколько дней, брат.
А правды сиянье,
Добра обаянье
С годами сильнее и прочней, брат.

Но ты не один
Мечтаешь о Джиг.
Найдется соперников тьма, брат.
Богатый эсквайр,
Владелец Блекбайр,—
И тот от нее без ума, брат.

Помещик Брейхед
Глядит ей вослед
И чахнет давно от тоски, брат.
И, кажется, Форд
Махнет через борт,
Ее не добившись руки, брат.

Сестра ее Анна
Свежа и румяна.
Вздыхает о ней молодежь, брат.
Нежнее, скромнее,
Прекрасней, стройнее
Ты вряд ли девицу найдешь, брат.

В нее я влюблен.
Но молчать осужден.
Робеть заставляет нужда, брат.
От сельских трудов
Да рифмованных строф
Не будешь богат никогда, брат.

А если в ответ
Услышу я «нет»,—
Мне будет еще тяжелей, брат.
Хоть мал мой доход
И безвестен мой род,
Но горд я не меньше людей, брат.

Как важная знать,
Не могу я скакать,
По моде обутый, верхом, брат.
Но в светском кругу
Я держаться могу
И в грязь не ударю лицом, брат.

Я чисто одет.
К лицу мне жилет,
Сюртук мой опрятен и нов, брат.
Чулки без заплатки,
И галстук в порядке,
И сшил я две пары штанов, брат.

На полочке шкапа
Есть новая шляпа.
Ей шиллингов десять цена, брат.
В рубашках — нехватка,
Но есть полдесятка
Белейшего полотна, брат.

От дядюшек с детства
Не ждал я наследства
И тетушек вдовых не знал, брат.
Не слушал их бредней
И в час их последний
Не чаял, чтоб черт их побрал, брат.

Не плут, не мошенник,
Не пажил я денег.
Свой хлеб добываю я сам, брат.
Немного я трачу,
Нисколько не прячу,
Но пенса не должен чертям, брат!

МОЕ СЧАСТЬЕ

Доволен я малым, а ббльшему рад.
А если невзгоды нарушат мой лад,
За кружкой, под песню гоню их пинком —
Пускай они к черту летят кувырком.

В досаде я зубы сжимаю порой,
Но жизнь — это битва, а ты, брат, герой.
Мой грош неразменный — беспечный мой нраз,
И всем королям не лишит меня прав.

Гнетут меня беды весь год напролет.
Но вечер с друзьями — и все заживет.
Когда удалось нам до цели дойти,
К чему вспоминать нам о ямах в пути!

Возиться ли с клячей — судьбою моей?
Ко мне, от меня ли, но шла бы скорей.
Забота иль радость заглянет в мой дом,
— Войдите! — скажу я. — Авось проживем!

ПОЙДУ-КА Я В СОЛДАТЫ

На черта вздохи — ах да ох!
Зачем считать утраты?
Мне двадцать три, и рост неплох —
Шесть футов, помнится, без трех.
Пойду-ка я в солдаты!

Своим горбом
Я нажил дом,
Хотя и небогатый.
Но что сберег, пошло не впрок...
И вот иду в солдаты.

* * *

Вина мне пинту раздобудь,
Налей в серебряную кружку.
В последний раз, готовясь в путь,
Я пью за милую подружку.

Трепещут мачты корабля,
Как будто силу ветра меря...
Пред тем, как скроется земля,
Пью за тебя, малютка Мэри!

Нас ждет и буря и борьба.
Играя с ветром, вьется знамя.
Поет военная труба,
И копыа движутся рядами.

Не страшен мне грядущий бой,
Невзгоды, жертвы и потери!
Но как расстаться мне с тобой,
Моя единственная Мэри?

ПЕСНЯ

Нынче здесь, завтра там — беспокойный Вилли,
Нынче здесь, завтра там, да и след простыл...
Воротись поскорей, мой любимый Вилли,
И скажи, что пришел тем же, что и был.

Зимний ветер шумел, низко тучи плыли.
Провожала тебя я в далекий путь.
Снова лето придет, ты вернешься, Вилли,
Лето — в поле и лес, ты — ко мне на грудь.

Пусть уснет океан на песке и щебне.
Страшно слышать во тьме этот гулкий вой.
Успокойтесь, валы, опустите гребни
И несите легко путника домой.

Если ж он изменил и забыл о милой,
Пусть грохочут валы сутки напролет.
Не дождусь корабля и сойду в могилу,
Не узнав, что ко мне Вилли не придет.

Нынче здесь, завтра там — беспокойный Вилли,
Нынче здесь, завтра там, да и след простыл...
Воротись поскорей, мой любимый Вилли,
Воротись ты ко мне тем же, что и был!

БЕЛАЯ КУРОПАТКА

Цвел вереск, и сено собрали в стога.
С рассвета обшарили парни луга,
Низины, болота вблизи и вдали,
Пока, наконец, куропатку нашли.

Нельзя на охоте спешить, молодежь,
Неслышно к добыче крадись, молодежь!
 Кто бьет ее влет,
 Кто взлететь не дает,
Но худо тому, кто добычу вспугнет.

Сметет она с вереска рбсы пером
И сядет вдали на болоте сыром.
Себя она выдаст на мху белизной,
Такой лучезарной, как солнце весной.

С ней Феб восходящий поспорить хотел,
Ее он коснулся концом своих стрел,
Но ярче лучей она стала видна
На мху, где доверчиво грелась она.

Лихие стрелки, знатоки этих мест,
Обшарили мхи и болота окрест.
Когда ж, наконец, куропатку нашли,
Она только фрр... — и пропала вдали!

Нельзя на охоте спешить, молодежь,
Неслышно к добыче крадись, молодежь!
 Кто бьет ее влет,
 Кто взлететь не дает,
Но худо тому, кто добычу вспугнет.

ПОЛЕВОЙ МЫШИ,
ГНЕЗДО КОТОРОЙ
РАЗОРЕНО МОИМ ПЛУГОМ

Зверек проворный, юркий, гладкий,
Куда бежишь ты без оглядки,
Зачем дрожишь, как в лихорадке,
 За жизнь свою?
Не трусь — тебя своей лопаткой
Я не убью.

Я понимаю и не спорю,
Что человек с природой в споре
И всем живым несет он горе,
 Внушает страх,
Хоть все мы смертные и вскорю
 Вернемся в прах.

Пусть говорят: ты жнешь, не сея.
Но я винить тебя не смею.
Ведь надо жить!.. И ты скромнее,
Чем все, крадешь.
А я ничуть не обеднею —
Была бы рожь!

Тебя оставил я без крова
Порой ненастной и суровой,
Когда уж не из чего снова
Построить дом,
Чтобы от ветра ледяного
Укрыться в нем...

Все голо, все мертво вокруг.
Пустынно поле, скошен луг.
И ты убежище от выюг
Найти мечтал,
Когда вломился тяжкий плуг
К тебе в подвал.

Травы, листвы увядшей ком —
Вот чем он стал, твой теплый дом,
Тобой построенный с трудом.
А дни идут...
Где ты в полях, покрытых льдом,
Найдешь приют?

Ах, милый, ты не одинок:
И пас обманывает рок,
И рушится сквозь потолок
На нас нужда.
Мы счастья ждем, а на порог
Валит беда...

Но ты, дружок, счастливей нас...
Ты видишь то, что есть сейчас.
А мы не сводим скорбных глаз
С былых невзгод
И в тайном страхе каждый раз
Глядим вперед.

Скалистые горы, где спят облака,
Где в юности ранней развится река,
Где в поисках корма сквозь вереск густой
Птенцов перепелка ведет за собой.

Милее мне склоны и трещины гор,
Чем берег морской и зеленый простор,
Милей оттого, что в горах у ручья
Живет моя радость, забота моя.

Люблю я прозрачный и гулкий ручей,
Бегущий тропинкой зеленой своей.
Под говор воды, не считая часов,
С любимой подругой бродить я готов.

Она не прекрасна, но многих милей.
Я знаю, приданого мало за ней,
Но я полюбил ее с первого дня
За то, что она полюбила меня!

Встречая красавицу, кто устоит
Пред блеском очей и румянцем ланит?
А если ума ей прибавить чуть-чуть,
Она, ослепляя, пронзает нам грудь.

Но добрая прелесть внимательных глаз
Стократ мне дороже, чем лучший алмаз.
И в крепких объятьях волнует мне кровь
Открытая, с бьющимся сердцем, любовь!

О ПОДБИТОМ ЗАЙЦЕ,
ПРОКОВЫЛЯВШЕМ МИМО МЕНЯ

Стыдись, бесчеловечный человек!
Долой твое разбойничье искусство!
Пушкой твоей душе, лишённой чувства,
Не будет утешения вовек.

А ты, кочевник рощ, полей, лугов,
Где проведешь ты дней своих остаток?
Конец твой будет горестен и краток.
Тебя не ждет родной зеленый кров.

Калека жалкий, где-нибудь в тиши,
Среди заросшей вереском поляны
Иль у реки, где свищут камыши,
Ты припадешь к земле кровавой раной.

Не раз, встречая над рекою Нит
Рассвет веселый или вечер трезвый,
Я вспомню о тебе, приятель резвый,
И проклянну того, кем ты убит!

ГОРНОЙ МАРГАРИТКЕ,
КОТОРУЮ Я ПРИМЯЛ
СВОИМ ПЛУГОМ

О скромный, маленький цветок,
Твой час последний недалек.
Сметет твой тонкий стебелек
Мой тяжкий плуг.
Перепахать я должен в срок
Зеленый луг.

Не жаворонок полевой —
Сосед, земляк, приятель твой —
Пригнет твой стебель над травой,
Готовясь в путь
И первой утренней росой
Обрызгав грудь.

Ты вырос между горных скал
И был беспомощен и мал,
Чуть над землей приподымал
Свой огонек,
Но храбро с ветром воевал
Твой стебелек.

В садах ограда и кусты
Хранят высокие цветы.
А ты рожден средь нищеты
Суровых гор.
Но как собой украсил ты
Нагой простор!

Одетый в будничный наряд,
Ты к солнцу обращал свой взгляд.
Его теплу и свету рад,
Глядел на юг,
Не думая, что разорят
Твой мирный луг.

Так девушка во цвете лет
Глядит доверчиво на свет
И всем живущим шлет привет,
В глуши таясь,
Пока ее, как этот цвет,
Не втопчут в грязь.

Так и бесхитростный певец,
Страстей неопытный пловец,
Не знает изменных сердец —
Подводных скал —
И там находит свой конец,
Где счастья ждал.

Такая участь многих ждет...
Кого томит гордыни гнет,
Кто изнурен ярмом забот,—
Тем свет не мил.
И человек на дно идет
Лишенный сил.

И ты, виновник этих строк,
Держись, — конец твой недалек.
Тебя настигнет грозный рок —
Нужда, недуг,—
Как на весенний стебелек
Наехал плуг.

Сударыня,

Как этот год от нас далек,
Когда, безусый паренек,
Я молотить ходил на ток,
Пахал впервые поле
И хоть порой бывал без ног,
Но рад был этой школе.

В одном со взрослыми строю,
Товарищ их по плугу,
Я знал и полосу свою,
И юную подругу.

И шуткой,
Прибауткой
Под мерный звон косы
Я скрадывал минутки
И коротал часы.

Одной мечтой с тех пор я жил:
Служить стране по мере сил
(Пускай они и слабы!),
Народу пользу припести —
Ну, что-нибудь изобрести
Иль песню спеть хотя бы!

Я при уборке ячменя
Щадил татарник в поле.
Он был эмблемой для меня
Шотландской древней воли.

Пусть родом,
Доходом
Гордится знатный лорд, —
Шотландской
Крестьянской
Породой был я горд.

Я был юнцом, но и тогда
Обрывки строк в часы труда
Твердил я непрестанно,
Пока подруга юных дней
Не придала строфе моей
И склад и лад неожиданный.

Не позабыл я до сих пор
Моей подруги юной,
Чей звонкий смех и быстрый взор
Тревожил в сердце струны.

Краснея,
Не смея
Поднять влюбленный взгляд,
Срезал я,
Вязал я
Колосьев спелых ряд.

Да здоровствует стыдливый пол!
Когда мороз ревнивый зол,
Обняв подругу в танце,
Мы забываем боль невзгод,
Нам сердце жаром обдаёт
Огонь ее румянца.

Любви не знавший дуралей
Достоин сожаленья.
Во взоре матери своей
Увидит он презренье.

Укором,
Позором
Мы заклеим того,
Кто не любил
В расцвете сил
На свете никого!

Пусть вы, сударыня, росли
Под кровом дедовским — вдали
От наших изб крестьянских,
Вам незнаком амбар и хлев,
Зато вам по сердцу напев
Старинных лир шотландских.

Спасибо вам за ваш привет.
Горжусь таким союзом.
Благодарю за пестрый плед:
Я в нем приятней музам.

Простой наряд страны мосй,
Он для меня дороже
Всех горностаев королей
И бархата вельможи.

Прощайте!
Не знайте
Ни горя, ни потерь.
Пусть ссоры,
Раздоры
Минуют вашу дверь!

МОЙ ПАРЕНЬ

Он чист душой, хорош собой,
Такого нет и в сказках.
Он ходит в шляпе голубой
И вышитых подвязках.

Ему я сердце отдала, —
Он будет верным другом.
Нет в мире лучше ремесла,
Чем резать землю плугом.

Придет он вечером домой,
Промокший и усталый.
— Переоденься, милый мой,
И ужинать пожалуй!

Я накормить его спешу.
Постель ему готова.
Сырую обувь посушу
Для друга дорогого.

Я много ездила вокруг,
Видала местных франтов,
Но лучше всех плясал мой друг
Под скрипки музыкантов.

Как снег, сияли белизной
Чулки из шерсти тонкой.
Вскружил башку он не одной
Плясавшей с ним девчонке.

Уж с ним-то буду я сыта,—
Ведь я неприхотлива.
Была бы миска не пуста
Да в кружке было пиво!

СЧАСТЛИВАЯ ДРУЖБА

Беззаботны и свободны,
Мы собрались у огня.
Дружба полночью холодной
Вас пригрела и меня.

С каждым часом веселес
И дружнее тесный круг.
А когда мы захмелеем,
Нам опорой будет друг.

День и ночь трясется скряга
Над заветным сундуком,
И не знает он, бедняга,
Что с весельем незнаком.

В шелк и мех одет вельможа,
Но куда он нас бедней!
Даже совесть он не может,
Не солгав, назвать своей.

Кубок огненный друг другу
Мы всю ночь передаем.
И, пустив его по кругу,
Песню дружную поем.

В крепкой дружбе — наша сила.
Дружбе — слава и хвала.
Дружба кубок освятила
И сюда нас привела!

ЗА ТЕХ, КТО ДАЛЕКО

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
А кто не желает Свободе добра,
Того не помянем добром.

Добро быть веселым и мудрым, друзья,
Хранить прямоту и отвагу.
Добро за шотландскую волю стоять,
Быть верным шотландскому флагу.

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
За Чарли, что ныне живет на чужбине,
И горсточку верных при нем.

Свободе — привет и почет.
Пускай бережет ее Разум.
А все тирании пусть дьявол возьмет
Со всеми тиранами разом!

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
За славного Тэмми, любимого всеми,
Что пынче живет под замком.

Да здравствует право читать,
Да здравствует право писать.
Правдивой страницы
Лишь тот и боится,
Кто вынужден правду скрывать.

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
Привет тебе, воин, что вскормлен и вспоен
В снегах на утесе крутом!

СТРОЧКИ О ВОЙНЕ И ЛЮБВИ

Прикрытый лаврами разбой,
И сухопутный и морской
Не стóбит славословья.
Готов я кровь отдать свою
В том жинетворческом бою,
Что мы зовем любовью.

Я славлю мира торжество,
Довольство и достаток.
Создать приятней одного,
Чем истребить десяток!

I

Пусть ветер, воя, точно зверь,
Завалит снегом нашу дверь,—
Я, сидя перед печью,
Примусь, чтоб время провести,
Стихи досужие плести
На дедовском наречье.

Пусть вьюга в щели будет дуть
И громоздить сугробы,
Я не завидую ничуть
Вам, знатные особы.

Ни дому
Большому,
Ни жару очагов.
Проклятья
Послать я
Вам, гордецы, готов.

II

Когда глядишь со стороны,
Как все дары поделены,
Нельзя не рассердиться.
Тех, кто получше, гнет нужда,
А богатеют без труда
Невежда и тупица.

Но, Дэви, парень, что роптать
На жребий наш суровый!
Нам не придется голодать,
Покуда мы здоровы.

Мы с горем
Поспорим.
Нам старость — нипочем!
Да и нужда —
Нам не беда.
И с ней мы проживем.

III

Ночлег в амбаре на земле,
Когда нуждается в тепле
Скудеющая кровь,—
Конечно, горькая беда,
Но все же радость и тогда
Нас посещает вновь.

Кто сердцем чист, душою прям
И прожил так, как надо,
К тому в беде по временам
Приходит и отрада.

Смотри же,
Найди же
В себе над страхом власть,
Беду забудь
И счастлив будь,
Что некуда упасть!

IV

Пускай, лишённые жилья,
Как птиц пролетная семья,
С тобой скитаться будем,
Но ширь полей, и листьев свод,
И даль долин, и ясность вод
Открыты вольным людям.

Когда цветут луга весны
И трель выводит дрозд,
Мы честной радости полны,
Бродя с утра до звезд.

На склонах
Зелёных
Случайно подберем
Мотив мы,
А рифмы
Придут к нему потом.

Ни громкий чин, ни важный ранг,
 Ни лондонский богатый банк
 Блаженства не дают,
 Ни многолистые тома,
 Ни эти парки и дома,
 Ни слава, ни уют.

Когда для счастья места нет,
 Простора нет в груди,
 Объехать можешь целый свет,
 Но радости не жди.

 Успехи,
 Утехи
 Не стóят ни гроша.
 Ты прав иль нет, —
 Пусть даст ответ
 Тебе твоя душа.

Неужто, Дэви, я и ты,
 Трудясь с утра до темноты,
 Несчастней тех господ,
 Одетых в шелк или в атлас,
 Что еле замечают нас —
 Простой, честной народ?

Людей людьми не признают
 Хозяева палат.
 Удел одних — тяжелый труд,
 Удел других — разврат.

 В безделье,
 В похмелье
 Они проводят дни.
 Ни в райский сад,
 Ни в чертов ад
 Не веруют они.

VII

Зачем же, Дэви, милый друг,
Нам скорбью омрачать досуг,
Покоя краткий час?
А коль в беду мы попадем,
И в ней мы доброе найдем,
Как видел я не раз.

Пускай беда нам тяжела,
Но в ней ты узнаёшь,
Как отличать добро от зла,
Где правда и где ложь.

Напасти,
Несчастья —
Суровый нам урок,
Но годы
Невзгоды
Порой идут нам впрок.

VIII

Собрат мой милый по судьбе,
Послушай, что скажу тебе.
(Чужда мне ложь и лесть!)
С тобой мы радости нашли.
За все сокровища земли
Таких не приобрести.

Они дают покой, уют,
Какого нет в раю.
Твою отраду «Мэг» зовут,
А «Джин» зовут мою.

Довольно
Невольно
Мне вспомнить имя Джин, —
Тепло мне,
Светло мне,
И я уж не один.

IX

Того, кто создал плоть и кровь,
Того, кто есть сама любовь,
В свидетели зову,
Что эта радость мне милей
Всех благ земных, души моей,
Всего, чем я живу.

Когда тревоги терпкий яд
Мою сжигает грудь,
Довольно вспомнить милый взгляд,
Чтоб силы мне вернуть.

В несчастье,
В ненастье
И в солнечные дни
Ее ты
Заботой
Своею осени!

X

Моя награда из наград —
Слеза любви, участия взгляд,
Улыбка добрых глаз!
Давно бы где-нибудь в пути
Я свой конец успел найти,
Не будь на свете вас.

Делю я с другом юных дней
Невзгод тяжелый груз.
Но узы есть еще нежней,
Чем дружеский союз.

Милее,
Светлее
Теперь мне этот свет,
Где ты, моя
Любимая,
И Дэви, друг-поэт.

Назвал я Джин — и вот ко мне
 Несутся строчки в тишине,
 Жужжат, сбегаясь в строй,
 Как будто Феб и девять муз,
 Со мной вступившие в союз,
 Ведут их за собой.

И пусть хромает мой Пегас,
 Слегка его пришпорь,—
 Пойдет он рысью, вскачь и впляс,
 Забыв и лень и хворь.

Но потное
 Животное
 Я должен пожалеть.
 Пора в пути
 С коня сойти
 И пот с него стереть.

С О Н

Отрывок

За речи, мысли и дела карает нас закон,
 Но не карает никого за вольнодумный сон.

Прочитав в газетах оду поэта-лауреата и описание торжественного приема во дворце по случаю дня рождения короля 4 июня 1786 года, автор заснул и увидел во сне, будто он присутствует на этом приеме и читает следующее приветствие:

Прошу, примите, государь,
 Привет ко дню рожденья,
 Как принимали вы и встарь
 Поэтов поздравленья.
 В кругу вельмож поэт-плугарь —
 Престранное явление.
 Но, заглянув в свой календарь,
 Спешу к вам в этот день я,
 В столь славный день.

Сияют яркие огни.
Теснится знать в приемной.
И «Боже, короля храии!»
Твердят кукушки томпо.
Стихами славит ваши дни
Поэтов хор наемный,
Припомнив доблести одни,
Не видя тени темной
 В столь светлый день.

Но льстивых од я не припас,
Обычных в этом зале.
К тому ж я не в долгу у вас, —
Мне пенсий не давали.
Сказать могу я без прикрас
И ошибусь едва ли,
Что были хуже вас у нас
И лучшие бывали
 В минувший день.

Пускай не звучно, не красно
Мое простое слово,
Но с правдой спорить мудрено.
Она всегда сурова.
Гнездо у вас разорено,
Его мы чиним снова,
А что в гнезде сохранило,
Есть только треть былого.
 На этот день.

Законодателя страны
Я не хочу бесславить,
Сказав, что вы не так умны,
Чтоб паш народ возглавить.
Но вы изволили чины
И званья предоставить
Шутам, что хлеб мести должны,
А не страну править
 В столь трудный день!

Вы дали мир нам наконец.
Мы чиним руки, ноги.
Зато стригут нас, как овец,
Жестокие налоги.

Меня пахать учил отец,
Но я живу в тревоге,
Что я найду такой конец,
Как мой баран безрогий
 В печальный день.

Подозревать я не могу
Ни в чем Вильяма Питта.
С баранов шерсть я сам стригу,
Он нас стрижет сердито.
Я знаю, вы кругом в долгу,
Расходы не покрыты.
Но черт возьми! Пусть сберегут
Хоть флот наш знаменитый
 В столь грозный день.

Итак, прощайте. Долгих лет!
Пускай под вашей сенью
Мы видим вольности расцвет,
Конец растрат, хищенья.
Хотя на празднества поэт
Пришел без приглашенья,—
Он королеве шлет привет,
А также поздравленье
 В столь славный день!..

НАСЕКОМОМУ, КОТОРОЕ ПОЭТ УВИДЕЛ
НА ШЛЯПЕ НАРЯДНОЙ ДАМЫ
ВО ВРЕМЯ ЦЕРКОВНОЙ СЛУЖБЫ

Куда ты, низкое созданье?
Как ты проникло в это зданье?
Ты водишься под грубой тканью,
 А высший свет —
Тебе не место: пропитанья
 Тебе здесь нет.

Средь шелка, бархата и газа
Ты не укроешься от глаза.
Несдобровать тебе, пролаза!
 Беги туда,
Где голод, холод и зараза
 Царят всегда.

Иди знакомою дорогой
В жилища братии убогой,
Где вас, кусающихся, много,
Где борона
Из гладкой кости или рога
Вам не страшна!

А ежели тебе угодно
Бродить по шляпе благородной,—
Тебе бы спрятаться, негодной,
В шелка, в цветы...
Но нет, на купол шляпки модной
Залезла ты!

На всех вокруг ты смотришь смело,
Как будто ты — крыжовник спелый,
Уже слегка порозовелый.
Как жаль, что нет
Здесь порошка, чтоб околела
Ты в цвете лет!

И пусть не встряхивает дама
Головкой гордой и упрямой.
О, как должна она от срама
Потупить взгляд,
Узнав, что прихожане храма
За ней следят...

Ах, если б у себя могли мы
Увидеть все, что ближним зримо,
Что видит взор идущих мимо
Со стороны,—
О, как мы стали бы терпимы
И как скромны!

Т Э М Г Л Е Н

Ах, тетя, совета прошу я!
Пропала, попала я в плен.
Обидеть родню не хочу я,
Но всех мне милее Тэм Глен.

С таким молодцом мне не надо
Бояться судьбы перемен.
Я буду и бедности рада, —
Лишь был бы со мною Тэм Глен.

Наш лорд мне кивает: «Плутовка!..»
Ну что тебе, старый ты хрен?
Небось ты не спляшешь так ловко,
Как пляшет под скрипки Тэм Глен.

Мне мать говорила сердито:
— Мужских опасайся измен.
Повесе скорей откажи ты! —
Но разве изменит Тэм Глен?

Сулит за отказ мне сто марок
Отец, да не знает он цен!
Сто марок — богатый подарок,
Но много дороже Тэм Глен!

Я в день Валентина гадала.
О, как же мой жребий блажен!
Три раза я жребий кидала,
И вышло три раза: Тэм Глен.

Под праздник осенний я тоже
Гадала. И вижу: вдоль стен
Идет — до чего же похожий! —
В штанах своих серых Тэм Глен.

Кто ж, тетя, возьмет меня замуж?
Ты мне погадай, а взамен
Я черную курицу дам уж, —
Но только скажи, что Тэм Глен!

КОГДА КОНЧАЛСЯ СЕНОКОС

Когда кончался сенокос,
И колыхалась рожь волной,
И запах клевера и роз
Струей вливался в летний зной,

Когда в саду среди кустов
Жужжала сонная пчела, —
В тени, в загоне для коров
Беседа медленная шла.

Сказала Бэсси, наклонясь
К своей соседке древних лет:
— Идти я замуж собралась.
— Ну что ж, худого в этом нет.

Твоих поклонников не счесть,
А ты, голубка, молода.
Ты можешь выбрать — время есть —
Себе усадьбу хоть куда!

Взяла бы Джона ты в мужа
Из Баски-Глена. Парень — клад.
А знаешь, курочка моя,
Где есть достаток, там и лад.

— Ну что мне Джон! На что мне он!
Я на него и не взгляну.
Свои амбары любит Джон, —
Зачем любить ему жену!

Мне Робин по сердцу давно,
И знаю, — я ему мила.
Я за словцо его одно
Весь Баски-Глеп бы отдала!

— Но жизнь, малютка, не легка.
К богатству, к счастью — путь крутой.
И верь мне, полная рука
Куда сильнее руки пустой.

Кто поумней, тот бережет.
У тех, кто тратит, нет ума.
И уж какой ты сваришь мед,
Такой и будешь пить сама!

— О да, за деньги не хитро
Купить поля, луга, стада,
Но золото и серебро
Не купят сердца никогда!

Пусть мой удел — убогий дом,
Пустой амбар и тесный хлев, —
Вдвоем мы лучше заживем
Всех королей и королев.

В Я Ч М Е Н Н О М П О Л Е

Так хороши пшеница, рожь
Во дни уборки ранней.
А как ячмень у нас хорош,
Где был я с милой Анни.

Под первый августовский день
Спешил я на свиданье.
Шумела рожь, шуршал ячмень.
Я шел навстречу Анни.

Вечерней позднею порой —
Иль очень ранней, что ли? —
Я убедил ее со мной
Побывать в ячменном поле.

Над нами свод был голубой,
Колосья нас кололи.
Я усадил перед собой
Ее в ячменном поле.

В одно слились у нас сердца.
Одной мы жили волей.
И целовал я без конца
Ее в ячменном поле.

Кольцо моих сплетенных рук
Я крепко сжал — до боли
И слышал сердцем сердца стук
В ту ночь в ячменном поле.

С тех пор я рад бывал друзьям,
Пирушке с буйным шумом,
Порою рад бывал деньгам
И одиноким думам.

Но все, что пережито мной,
Не стоит сотой доли
Минуты радостной одной
В ту ночь в ячменном поле!

НАДПИСЬ НА КНИГЕ СТИХОВ

Моя любовь давно минувших лет,
Твой милый голос в сердце не умолк.
Прими же дружбы искренний привет.
Да, дружбы, — лишь ее нам разрешает долг.

Когда получишь этот скромный дар,
Вдохни разок, подумав обо мне —
О том, кого томит в краю полдневном жар
Иль океан таит в холодной глубине.

ЦВЕТОК ДЭВОНА

О, как ты прозрачен, извилистый Дёвон,
Кусты осеняют цветущий твой дол.
Но лучший из лучших цветов твоих, Девон.
У берега Эйра когда-то расцвел.

Солнце, щади этот нежный, без терний,
Алый цветок, напоенный росой.
Пусть из подкравшейся тучи вечерней
Бережно падает ливень косой.

Мимо лети, седокрылый восточный
Ветер, ведущий весенний рассвет.
Пусть лепестков не коснется порочный
Червь, поедающий листья и цвет.

Лилией стройной гордятся Бурбоны,
В гордой Британии розе почет.
Лучший цветок среди рощи зеленой
Где-то у Девона скромно цветет.

ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ

Прощусь, Элиза, я с тобой
Для дальних, чуждых стран.
Мою судьбу с твоей судьбой
Разделит океан.

Пусть нам в разлуке до конца
Томиться суждено, —
Не разлучаются сердца,
Что спаяны в одно!

Оставлю я в родной стране
Тебя, мой лучший клад.
И тайный голос шепчет мне:
Я не вернусь назад.

Последнее пожатье рук
Я унесу с собой.
Тебе — последний сердца стук
И вздох последний мой.

МОЕМУ ПЕЗАКОННОРОЖДЕННОМУ РЕБЕНКУ

Дочурка, пусть со мной беда
Случится, ежели когда
Я покраснею от стыда,
 Боясь упрека
Или неправого суда
 Молвы жестокой.

Дитя моих счастливых дней,
Подобье матери своей,
Ты с каждым часом мне милей,
 Любви награда,
Хоть ты, по мнению всех церквей, —
 Исчадь ада.

Пускай открыто и тайком
Меня зовут еретиком,
Пусть ходят обо мне кругом
 Дурные слухи, —
Должны от скуки языком
 Молоть старухи!

И все же дочери я рад,
Хоть родилась ты невпопад
И за тебя грозит мне ад
 И суд церковный. —
В твоём рожденье виноват
 Я безусловно.

Ты — память счастья юных лет.
Увы, к нему потерял след.
Не так явилась ты на свет,
 Как нужно людям,
Но мы делить с тобой обед
 И ужин будем.

Я с матерью твоей кольцом
Не обменялся под венцом,
Но буду нежным я отцом
 Тебе, родная.
Расти веселым деревцом,
 Забот не зная.

Пусть я нуждаться буду сам,
Но я последнее отдам,
Чтоб ты могла учиться там,
 Где все ребята,
Чьих матерей водили в храм
 Отцы когда-то.

Тебе могу я пожелать
Лицом похожей быть на мать,
А от меня ты можешь взять
 Мой нрав беспечный,
Хотя в грехах мне подражать
 Нельзя, конечно!

ЛЮБОВЬ И БЕДНОСТЬ

Любовь и бедность навсегда
Меня поймали в сети.
По мне, и бедность не беда,
Не будь любви на свете.

Зачем разлучница-судьба —
Всегда любви помеха?
И почему любовь — раба
Достатка и успеха?

Богатство, честь в конце концов
Приносят мало счастья.
И жаль мне трусов и глушцов,
Что их покорны власти.

Твои глаза горят в ответ,
Когда теряю ум я,
А на устах твоих совет —
Хранить благоразумье.

Но как же мне его хранить,
Когда с тобой мы рядом?
Но как же мне его хранить,
С тобой встречаясь взглядом?

На свете счастлив тот бедняк
С его простой любовью,
Кто не завидует никак
Богатому сословью.

Ах, почему жестокий рок —
Всегда любви помеха
И не цветет любви цветок
Без славы и успеха?

ЧТО ДЕЛАТЬ ДЕВЧОНКЕ?

Что делать девчонке? Как быть мне, девчонке?
Как жить мне, девчонке, с моим муженьком?
За шиллинги, пенни загублена Дженни,
Обвенчана Дженни с глухим стариком.

Ворчлив он и болен, всегда недоволен.
В груди его холод, в руках его лед.
Кряхтит он, бормочет, уснуть он не хочет.
Как тяжело пробыть с ним всю ночь напролет!

Брюзжит он и злится, знакомых боится,
Друзей сторонится — такой нелюдим!
Ко всем он ревнует жену молодую.
В худую минуту я встретилась с ним.

Спасибо, на свете есть тетушка Кэtti —
Она мне дала драгоценный совет.
Во всем старикану перечить я стану,
Пока он не лопнет на старости лет!

СВАТОВСТВО ДУ́НКАНА ГРЭЯ

Дункан Грэй давно влюблен,
И в ночь под рождество
К нам свататься приехал он...
Вот это сватовство!

Приехал в праздничную ночь
Хозяйскую посватать дочь,
Но был с позором прогнан прочь.
Ха-ха! Вот сватовство!

Затылок взмок у жениха,
Ха-ха! Вот сватовство!
А Мэгги будто бы глуха —
Не слышит ничего.

Он заводил с ней разговор,
Глаза и нос ладонью тер,
Топиться бегал через двор.
Вот это сватовство!

Любовь отвергнутая зла.
Вот это сватовство!
У парня рана зажила —
Вот это сватовство!

— Я, — говорит, — не так уж глуп,
Чтоб превратиться в жалкий труп
Из-за того, что ей не люб! —
Ха-ха! Вот сватовство!

А Мэгги кличет докторов,
Вот это сватовство!
Она больна, а он здоров,
Вот это сватовство!

Что злой недуг с людьми творит!
В ее груди огонь горит,
А взгляд так много говорит...
Вот это сватовство!

Был добрый парень — Дункан Грэй.
Вот это сватовство!
Он скоро сжалился над ней,
Вот это сватовство!

Не мог он грех на совесть взять —
Лишить любимой дочки мать.
Он едет свататься опять...
Вот это — сватовство!

МОЛИТВА СВЯТОШИ ВИЛЛИ

О ты, не знающий преград!
Ты шлешь своих любезных чад —
В рай одного, а десять в ад,
Отнюдь не глядя
На то, кто прав, кто виноват,
А славы ради.

Ты столько душ во тьме оставил.
Меня же, грешного, избавил,
Чтоб я твою премудрость славил
И мощь твою.
Ты маяком меня поставил
В родном краю.

Щедрот подобных ожидать я
Не мог, как и мои собратья.
Мы все отмечены печатью
Шесть тысяч лет —
С тех пор как заслужил проклятье
Наш грешный дед.

Я твоего достоин гнева
Со дня, когда покинул чрево.
Ты мог послать меня налево —
 В крошечный ад,
Где нет из огненного зева
 Пути назад.

Но милосердию нет меры.
Я избежал огня и серы
И стал столпом, защитой веры,
 Караю грех
И благочестия примером
 Служу для всех.

Изобличаю я сурово
Ругателя и сквернословия,
И потребителя хмельного,
 И молодежь,
Что в праздник в пляс пойти готова,
 Подняв галдеж.

Но умоляю провиденье
Простить мой мне прегрешенья.
Подчас мне бесы вожделенья
 Терзают плоть.
Ведь нас из праха в день творенья
 Создал господь!

Вчера я вышел на дорогу
И встретил Мэгги-недотрогу.
Клянусь всевидящему богу,
 Обет приму,
Что на нее я больше ногу
 Не подниму!

Еще я должен повиниться,
Что в постный день я у девицы,
У этой Лиззи смуглолицей,
 Гостил тайком.
Но я в тот день, как говорится,
 Был под хмельком.

Но, может, страсти плоти бральной
Во мне бушуют неизменно,
Чтоб не мечтал я дерзновенно
Жить без грехов.
О, если так, я их смиренно
Терпеть готов!

Храни рабов твоих, о боже,
Но покарай как можно строже
Того из буйной молодежи,
Кто без конца
Дает нам клички, строит рожки,
Забыв творца.

К таким причислить многих можно.
Вот Гамильтон — шутник безбожный.
Пристрастен он к игре картежной,
Но всем так мил,
Что много душ на путь свой ложный
Он совратил.

Когда ж пытались понемножку
Мы указать ему дорожку,
Над нами он смеялся в лежку
С толпой друзей,—
Господь, сгнои его картошку
И сельдерей!

Еще казни, о царь небесный,
Пресвитеров из церкви местной.
(Их имена тебе известны.)
Рассыпь во прах
Тех, кто судил о нас неместно
В своих речах!

Вот Эйкен. Он — речистый малый.
Ты и начни с него, пожалуй.
Он так рабов твоих, бывало,
Нещадно бьет,
Что в жар и в холод нас бросало,
Вгоняло в пот.

Для нас же — чад твоих смиренных —
Ты не жалея своих бесценных
Даров — и тленных и нетленных,
Нас не покинь,
А после смерти в сонм блаженных
Прими. Аминь!

НАДГРОБНОЕ СЛОВО ЕМУ ЖЕ

Святого Вилли жалкий прах
Покоится в могиле.
Но дух его не в небесах.
Пошел налево Вилли.

Постойте! Мы его нашли
Между землей и адом.
Его лицо черней земли.
Но кто идет с ним рядом?

А, понимаю, — это черт
С девятихвостой плеткой.
— Не согласитесь ли, милорд,
На разговор короткий?

Я знаю, жалость вам чужда.
В аду свои законы.
Нет снисхожденья у суда,
И минул день прощенный...

Но для чего тащить во мрак
Вам эту жертву смерти?
Покойник был такой дурак,
Что засмеют вас черти!

* * *

Со скрипкой черт пустился в пляс
И в ад умчал акцизного,
И все кричали: — В добрый час!
Он не вернется сызнова!

Мы варим пива лучший сорт
И пьем, справляя тризну.
Спасибо, черт, любезный черт,—
К нам не придет акцизный!

Есть пляски разные у нас
В горах моей отчизны,
Но лучший пляс, чертовский пляс
Сплясал в аду акцизный!

ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ

Мой друг — лукавый, ловкий вор,
Не воровал ты до сих пор.
Зато сердца твой быстрый взор
Умеет красть.
Перед тобой любой затвор
Готов упасть.

И сам я устоять не мог.
Не раз к тебе, не чуя ног,
Шагал я по камням дорог
И грязь месил,
И ровно двадцать пар сапог
Я износил.

Ты создан был природой шалой
Из дорогого матерьяла.
Она тобою увенчала
Наш скудный век
И каждой черточкой сказала:
— Вот человек!

Сейчас я в творческом припадке,
Башка варит, и все в порядке.
Строчу стихи, как в лихорадке,
А ты, мой друг,
Прочти их бегло, если краткий
Найдешь досуг.

Одни рифмуют из расчета,
Другие, чтоб задеть кого-то,
А третьи тщетно ждут почета
 И громкой славы,
Но мне писать пришла охота
 Так, для забавы.

Я обойден судьбой суровой.
Кафтан достался мне дешевый,
Убогий дом, доход грошовый,
 Я весь в долгу,
Зато игрой ума простого
 Блеснуть могу.

Поставил ставку я задорно
На четкий, черный шрифт наборный,
Но разум мне твердит упорно:
 — Куда спешишь?
Ты этой страстью стихотворной
 Всех насмешишь?

Поэты, — где такие ныне? —
Собаку съевшие в латыни,
Мечтали, полные гордыни,
 Жить сотни лет,
Но их давно уж нет в помине, —
 Простыл и след.

Итак, пора мечту оставить
Себя поэзией прославить.
Косу и серп я буду править,
 Налажу плуг
И буду петь, чтоб позабавить
 Поля вокруг.

Я проживу безвестной тенью,
Не слыша, как бегут мгновенья.
Когда ж порвутся жизни звенья, —
 Покину свет,
Как и другие поколения,
 Которых нет.

Но говорить о смерти рано.
Полны мы жизнью неустанной.
Давай поднимем парус рваный,
 Возьмем штурвал,
Чтоб ветер счастья пеной пьяной
 Нас обдавал.

Мой друг, живем мы в царстве феей,
Где смех — оружие чародея.
Коль, этой палочкой владея,
 Отдашь приказ,
Часы бегут минут быстрее,
 Пускаясь в пляс.

Не трать же время жизни краткой!
Примерно с пятого десятка
Мы вниз с горы походкой шаткой
 Трусить должны,
Одышкой, кашлем, лихорадкой
 Изнурены.

Когда достигли мы заката,
Бродить, мечтать нам скучновато.
Вино слабее, чем когда-то,
 Бьет через край.
И то, чем жизнь была богата, —
 Любовь, — прощай!

Но жизнь безоблачна вначале,
Мечта лучами красит дали.
Летим, не слушая морали,
 Мы на простор,
Как мальчишки, что побежали
 На школьный двор.

Мы на ходу срываем розы,
Не замечая в них угрозы.
И даже первые занозы
 Нам не страшны.
Мгновенно солнце сушит слезы
 Во дни весны.

Одни идут дорогой гладкой
И, не трудясь в поту над грядкой,
Едят обильно, жирно, сладко
 И свысока
Глядят на дом с оградой шаткой —
 Дом бедняка.

Другие борются за счастье,
Полны надежды, воли, страсти,
Стремясь достичь богатства, власти
 Любой ценой,
Чтобы потом, забыв ненастье,
 Вкушать покой.

А третьи, путь покинув торный
(Как, скажем, ваш слуга покорный),
Сбиваются с тропинки горной
 Туда-сюда.
Таким на склоне лет бесспорно
 Грозит нужда.

Но лучше труд до изнуренья,
Чем с жалкой жизнью примиренье.
Пусть смотрит с неба бледной тенью
 Фортуны серп,
Не помешает вдохновенью
 Ее ущерб.

Но здесь перо я оставляю
И провиденье умоляю,
Пред ним колени преклоняя:
 Пускай со мной
Кочует вместе в край из края
 Созвучий рой.

Дай сочный ростбиф местным лордам,
Чтоб жир по их струился мордам,
Дай галуны гвардейцам гордым
 И боевым,
А виски — на ногах нетвердым
 Мастеровым.

Дай Дёмпстеру желанный титул,
Подвязку дай премьеру Питту...
Стремится к прибыли, кредиту
Негоциант.
А мне лишь разум сохрани ты,
Да и талант.

Мне для покоя нужно мало:
Чтобы здоровье не хромало.
Ну и обед какой попало,
Простой на вкус,
Но чтоб молитву прочитала
Одна из муз.

Мне не страшны судьбы угрозы,
Ненастье, стужа и морозы.
Гоню я рифмой вздохи, слезы,
Пою, шучу
И, враг заботы, скуки, прозы,
Стихи строчу.

Вы, что по правилам живете
В тиши, в довольстве и в почете.
Пускай безумным вы зовете
Меня подчас,
Вода стоячая в болоте —
Душа у вас.

На ваших лицах деревянных,
Таких безличных, безымянных,
Нет и следа восторгов пьяных.
Ваш голос глух.
Он, как басы в плохих органах,
Томит наш слух.

Ступая важно и степенно,
На тех вы смотрите надменно,
Которым море по колено,—
На грешный люд,—
И ввысь взираете блаженно.
Там — ваш приют!

А я куда пойду — не знаю;
К воротам ада или рая.
Но, эту песню обрывая,
Скажу я, брат,
Что буду я любому краю
С тобою рад!

Т Э М О Ш Е Н Т Е Р

Повесть в стихах

Когда на город ляжет тень,
И кончится базарный день,
И продавцы бегут, задвинув
Засовом двери магазинов,
И нас кивком сосед зовет
Страхнуть ярмо дневных забот,—

Тогда у полной бочки эля,
Вполне счастливые от хмеля,
Мы не считаем верст, канав,
Мостков, опасных переправ
До нашего родного крова,
Где ждет жена, храня сурово
Свой гнев, как пламя очага,
Чтоб мужа встретить как врага.

Об этом думал Тэм О'Шентер,
Когда во тьме покинул центр
Излюбленного городка,
Где он наклюкался слегка.

А город, где он налился —
Старинный Эйр, — ему казался
Гораздо выше всех столиц
По красоте своих девиц.

О Тэм! Забыл ты о совете
Своей супруги — мудрой Кэтти.
А ведь она была права...
Припомни, Тэм, ее слова:

«Бездельник, шут, пропойца старый,
Не пропускаешь ты базара,
Чтобы не плюхнуться под стол.
Ты пропил с мельником помол.
Чтоб ногу подковать кобыле,
Вы с кузнецом две ночи пили.
Ты в праздник ходишь в божий дом,
Чтобы потом за полной кружкой
Ночь просидеть с церковным служкой
Или нарезать с дьячком!
Смотри же: в полночь ненароком
Утонешь в омуте глубоком
Иль попадешь в гнездо чертей
У старой церкви Аллоуэй!»

О жены! Плакать я готов,
Припомнив, сколько мудрых слов
Красноречивейшей морали
Мы без вниманья оставляли...

Но продолжаем повесть. Тэм
Сидел в трактире перед тем.
Трещало в очаге полено.
Над кружками клубилась пена,
И слышался хрустальный звон.
Его сосед — сапожник Джон —
Был верный друг его до гроба:
Не раз под стол валились оба!

Так проходил за часом час.
А в очаге огонь не гас.
Шел разговор. Гремели песни.
Эль становился все чудесней.
И Тэм О'Шентер через стол
Роман с трактирщицей завел.
Они обменивались взглядом,
Хотя супруг сидел с ней рядом.
Но был он, к счастью, погружен
В рассказ, который начал Джон,
И, голос Джона прерывая,
Гремел, как туча грозовая.
То дождь, то снег хлестал в окно,
Но пьяным было все равно!

Заботы в кружках потонули,
Минута каждая плыла,
Как пролетающая в улей
Перегруженная пчела.

Блажен король. Но кружка с пивом
Любого делает счастливым!

Но счастье — точно маков цвет:
Сорвешь цветок — его уж нет.
Часы утех подобны рою
Снежинок легких над рекою:
Примчатся к нам на краткий срок
И прочь летят, как ветерок.
Так исчезает, вспыхнув ярко,
На небе радужная арка...

Всему на свете свой черед.
И Тэм из-за стола встает.
Седлает клячу он во мраке.
Кругом не слышно и собаки.
Не позавидуешь тому,
Кто должен мчаться в эту тьму!

Дул ветер из последних сил,
И град хлестал, и ливень лил,
И вспышки молний тьма глотала.
И небо долго грохотало...
В такую ночь, как эта ночь,
Сам дьявол погулять не прочь.

Но поворот за поворотом —
О'Шентер мчался по болотам.
Рукой от бури заслонясь,
Он неся вдаль, взметая грязь.

То шляпу он сжимал в тревоге,
То пел сонеты по дороге,
То зорко вглядывался в тьму,
Где черт мерещился ему...

Вот, наконец, неясной тенью
Мелькнула церковь в отдаленье.
Оттуда слышался, как зов,
Далекий хор чертей и сов,

Невдалеке — знакомый брод.
Когда-то здесь у этих вод
В глухую ночь на берегу
Торговец утонул в снегу.

Здесь у прибрежных этих скал,
Пропойца голову сломал.

Там — под поникшею раkitой —
Младенец найден был зарытый.

А дальше — тот засохший дуб,
Где женщины качался труп...

Разбуженная непогодой,
Река во тьме катила воды.
Кругом гремел тяжелый гром,
Змеился молнии излом.
И невдали за перелеском,
Озарена туманным блеском,
Меж глухо стонущих ветвей
Открылась церковь Аллоуэй.
Неслись оттуда стоны, крики,
И свист, и визг, и хохот дикий.

Ах, Джон Ячменное Зерно!
В твоём огне закалено,
Оживлено твоею чашей,
Не знает страха сердце наше.
От кружки мы полезем в ад.
За чаркой нам сам черт не брат!
А Тэм О'Шентер был под мухой
И не боялся злого духа,
Но клячу сдвинуть он не мог,
Пока движеньем рук и ног,
Угрозой, ласкою и силой
Не сладил с чертовой кобылой.
Она, дрожа, пошла к вратам.
О боже! Что творилось там!..

Толпясь, как продавцы на рынке,
Под трубы, дудки и волынки
Водили адский хоровод
Колдуньи, ведьмы всех пород.

И не кадрили они плясали,
Не новомодный котильон,
Что привезли к нам из Версаля,
Не танцы нынешних времен,
А те затейливые танцы,
Что знали старые шотландцы:
Взлетали, топнув каблуком,
Вертелись по полу волчком.

На этом празднике полночном
На подоконнике восточном
Сидел с волынкой старый Ник
И выдувал бесовский джиг.

Всё веселей внизу плясали.
И вдруг гроба, открывшись, встали,
И в каждом гробе был скелет
В истлевшем платье прошлых лет.

Все мертвецы держали свечи.
Один мертвец широкоплечий
Чуть звякнул кольцами оков.
И понял Тэм, кто он таков.

Тут были крошечные дети,
Что мало прожили на свете
И умерли, не крещены,
В чем нет, конечно, их вины...

Тут были воры и злодеи
В цепях, с веревкою на шее.
При них орудья грабежа:
Пять топоров и три ножа,
Одна подвязка, чье объятье
Прервало краткий век дитяти.
Один кинжал, хранивший след
Отцеубийства древних лет:
Навеки к острию кинжала
Седая прядь волос пристала...
Но тайну остальных улик
Не в силах рассказать язык.

Безмолвный Тэм глядел с кобылы
На этот сбор нечистой силы
В старинной церкви Аллоуэй.
Кружились ведьмы все быстрее,

Неслись вприпрыжку и вприскокку,
Гуьском, кружком и в одиночку,
То парами, то сбившись в кучу,
И пар стоял над ними тучей.
Потом разделись и в белье
Плясали на своем тряпье.

Будь эти пляшущие тетки
Румянощекие красотки
И будь у теток на плечах
Взамен фланелевых рубах
Сорочки ткани белоснежной,
Стан обвивающие нежно,—
Клянусь, отдать я был бы рад
За их улыбку или взгляд
Не только сердце или душу,
Но и штаны свои из плюша,
Свои последние штаны,
Уже не первой новизны.

А эти ведьмы древних лет,
Свой обнажившие скелет,
Живые жерди и ходули
Во мне нутро перевернули!

Но Тэм нежданно разглядел
Среди толпы костлявых тел,
Обтянутых гусиной кожей,
Одну бабенку помоложе.
Как видно, на бесовский пляс
Она явилась в первый раз.
(Потом молва о ней гремела:
Она и скот губить умела,
И корабли пускать на дно,
И портить в колосе зерно!)

Она была в рубашке тонкой,
Которую еще девчонкой
Носила, и давно была
Рубашка ветхая мала.

Не знала бабушка седая,
Сорочку внучке покупая,
Что внучка в ней плясать пойдет
В пустынный храм среди болот,

Что бесноваться будет Нэнни
Среди чертей и привидений...

Но музу должен я прервать.
Ей эта песня не под стать,
Не передаст она, как ловко
Плясала верткая чертовка,
Как на кобыле бедный Тэм
Сидел недвижим, глух и нем,
А дьявол, потеряв рассудок,
Свирипо дул в десяток дудок.

Но вот прыжок, еще прыжок —
И удержаться Тэм не мог.
Он прохрипел, вздыхая тяжело:
«Ах ты, короткая рубашка!..»
И в тот же миг прервался пляс,
И замер крик, и свет погас...

Но только тронул Тэм поводья,
Завыло адское отродье...

Как мчится пчел гудящий рой,
Когда встревожен их покой,
Как носится пернатых стая,
От лап кошачьих улетаая,
Иль как народ со всех дворов
Бежит на крик: «Держи воров!»

Так Мэгги от нечистой силы
Насилу ноги уносила
Через канаву, пень, бугор,
Во весь галоп, во весь опор...

О Тэм! Как жирную селедку,
Тебя швырнут на сковородку.
Напрасно ждет тебя жена —
Вдовой останется она.
Несдобровать твоей кобыле,—
Ее бока в поту и в мыле.

О Мэг! Скорей беги на мост
И покажи нечистым хвост:
Боятся ведьмы, бесы, черти
Воды текучей, точно смерти!

Увы, еще перед мостом
Пришлось ей повертеть хвостом.
Как вздрогнула она, бедняжка,
Когда Короткая Рубашка,
Вдруг, вынырнув из-за куста,
Вцепилась ей в репей хвоста!..

В последний раз, собравшись с силой,
Рванулась добрая кобыла,
Взлетела на скрипучий мост,
Чертям оставив серый хвост...

Ах, после этой страшной ночи
Во много раз он стал короче!..

На этом кончу я рассказ.
Но если кто-нибудь из вас

Прельстится полною баклажкой
Или Короткою Рубашкой, —

Пускай припомнит град, и снег,
И старую кобылу Мэг!..

П Е С Н Я

Ты свистни — тебя не заставлю я ждать,
Ты свистни — тебя не заставлю я ждать.
Пусть будут браниться отец мой и мать,
Ты свистни — тебя не заставлю я ждать!

Но в оба гляди, пробираясь ко мне.
Найди ты лазейку в садовой стене,
Найди три ступеньки в саду при луне.
Иди, но как будто идешь не ко мне,
Иди, будто вовсе идешь не ко мне.

А если мы встретимся в церкви, смотри:
С подружкой моей, не со мной говори,
Украдкой мне ласковый взгляд подари,
А больше — смотри! — на меня не смотри,
А больше — смотри! — на меня не смотри!

Другим говори, нашу тайну храня,
Что нет тебе дела совсем до меня.
Но, даже шутя, берегись, как огня,
Чтоб кто-то не отнял тебя у меня,
И вправду не отнял тебя у меня!

Ты свистни — тебя не заставлю я ждать,
Ты свистни — тебя не заставлю я ждать.
Пусть будут браниться отец мой и мать,
Ты свистни — тебя не заставлю я ждать!

НОЧЛЕГ В ПУТИ

Меня в горах застигла тьма,
Январский ветер, колкий снег.
Закрылись наглухо дома,
И я не мог найти ночлег.

По счастью, девушка одна
Со мною встретилась в пути,
И предложила мне она
В ее укромный дом войти.

Я низко поклонился ей —
Той, что спасла меня в метель,
Учтиво поклонился ей
И попросил постлать постель.

Она тончайшим полотном
Застлала скромную кровать
И, угостив меня вином,
Мне пожелала сладко спать.

Расстаться с ней мне было жаль,
И, чтобы ей не дать уйти,
Спросил я девушку: — Нельзя ль
Еще подушку принести?

Она подушку принесла
Под изголовие мое.
И так мила она была,
Что крепко обнял я ее.

В ее щеках зарделась кровь,
Два ярких вспыхнули огня.
— Коль есть у вас ко мне любовь,
Оставьте девушкой меня!

Был мягок шелк ее волос
И завивался, точно хмель.
Она была душистей роз,
Та, что постлала мне постель.

А грудь ее была кругла,—
Казалось, ранняя зима
Своим дыханьем намела
Два этих маленьких холма.

Я целовал ее в уста —
Ту, что постлала мне постель,
И вся она была чиста,
Как эта горная метель.

Она не спорила со мной,
Не открывала милых глаз.
И между мною и стеной
Она уснула в поздний час.

Проснувшись в первом свете дня,
В подругу я влюбился вновь.
— Ах, погубили вы меня! —
Сказала мне моя любовь.

Целуя веки влажных глаз
И локон, вьющийся, как хмель,
Сказал я: — Много, много раз
Ты будешь мне стелить постель!

Потом иглу взяла она
И села шить рубашку мне,
Январским утром у окна
Она рубашку шила мне...

Мелькают дни, идут года,
Цветы цветут, метет метель,
Но не забуду никогда
Той, что постлала мне постель!

Что видят люди в городке,
Закутанном в закатный свет?
Сияет солнце в городке
Для той, кому соперниц нет.

С лучом прощаясь на ходу,
Она идет в зеленый сад.
Цветок, раскрывшийся в саду,
Ее прощальный ловит взгляд.

Как рады птицы вместе с ней
Встречать приветом юный год.
При ней свежее и милей
Ее сестры — весны приход.

Мигает солнце городку
И свежей зелени долин.
Но в этом славном городке
Нет никого прекрасней Джин.

Без милой Джинни нет цветов,
Без милой Джинни рай — не рай,
А с нею вместе я готов
Перенестись в Лапландский край.

В пещере с ней найду приют,
Согласен жить в норе любой.
Там, где метели воздух рвут,
Я заслону ее собой.

Над городком пробыв часы,
Уходит вниз багряный шар...
Но никогда такой красы
Не озарял его пожар!..

БЕРЕЗЫ ЭБЕРФЕЛЬДИ

Не пойдешь ли, милый друг,
Милый друг, милый друг,
Не пойдешь ли, милый друг,
К березам Эберфэльдиг?

Холмы, смеясь, уходят вдаль.
Ручей играет, как хрусталь.
Забудем горе и печаль
В зеленом Эберфельди.

Там птицы пестрые поют,
Найдя в орешнике приют,
Или на крылышках снуют
В зеленом Эберфельди.

Струясь вдоль каменной стены,
Вода несется с вышины,
И рощи свежести полны
В зеленом Эберфельди.

Цветут цветы над крутизной,
Поток сверкает белизной,
Кропя, как дождь, в полдневный зной
Березы Эберфельди.

Пускай судьба дарит свой клад
Кому захочет — наугад,
Тебе одной я буду рад
В зеленом Эберфельди!

* * *

Пойдешь ли со мною, о Тибби Дунбар?
Пойдешь ли со мною, о Тибби Дунбар?
Поедем верхом иль в карете вдвоем,
А то и пешком по дорогам пойдем.

Отца твоего мне не нужен доход.
На что мне твой гордый и чопорный род?
Делить и нужду и достаток со мной
Приди ко мне, Тибби, в юбчонке одной.

БОСАЯ ДЕВУШКА

Об этой девушке босой
Я позабыть никак не мог.
Казалось, камни мостовой
Терзают кожу нежных ног.

Такие ножки бы одеть
В цветной сафьян или в атлас.
Такой бы девушке сидеть
В карете, обогнавшей нас!

Бежит ручей ее кудрей
Льняными кольцами на грудь.
А блеск очей во тьме ночей
Пловцам указывал бы путь.

Красавиц всех затмит она,
Хотя ее не знает свет.
Она достойна и скромна.
Ее милее в мире нет.

* * *

В полях, под снегом и дождем,
Мой милый друг,
Мой бедный друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних вьюг,
От зимних вьюг.

А если му́ка суждена
Тебе судьбой,
Тебе судьбой,
Готов я скорбь твою до дна
Делить с тобой,
Делить с тобой.

Пускай сойду я в мрачный дол,
Где ночь кругом,
Где тьма кругом,—
Во тьме я солнце бы нашел
С тобой вдвоем,
С тобой вдвоем.

И если б дали мне в удел
Весь шар земной,
Весь шар земной,
С каким бы счастьем я владел
Тобой одной,
Тобой одной.

ПРОЩАНИЕ

Кто доблестен, тот может ли страдать,
Или, вернее, замечать страданья?
Но если он умножит жизнь свою,
Включив другие дорогие жизни —
Судьбу любимой хрупкой красоты,
Судьбу детей беспомощных, чье счастье
Зависит от него, — увы, тогда
Почувствовать он должен неизбежно
Занозу, разрывающую сердце.
Его судьба испуганно заплачет...
Так и со мной случилось. Я погиб.

Томсон. «Эдвард и Элеонора»

Моя Шотландия, прощай!
Милей мне твой туманный край
Садов богатых юга.
Прощай, родимая семья —
Сестра, и брат, и мать моя,
И скорбная подруга!

С тоской тебя я обниму,
Малютка дорогая.
Тебя я брату своему
С надеждой поручаю.

И ты, мой
Любимый
Товарищ юных дней,
Участьем
В ненастье
Семью мою согрей!

А ты, подруга, не грусти.
Чтобы тебя и честь спасти,
Бегу я в край далекий.
Нужда стучится к нам во двор,
Грозят нам голод, и позор,
И суд молвы жестокий.

Друзья, на дальнем берегу
В томительном изгнанье
Я благодарно сберегу
О вас воспоминанье.

Грохочет,
Пророчит
Бушующий простор:
Мне крова
Родного
Не видеть с этих пор!

К ПОРТРЕТУ РОБЕРТА ФЕРГЮССОНА,
ШОТЛАНДСКОГО ПОЭТА

Проклятье тем, кто, наслаждаясь песней,
Дал с голоду поэту умереть.
О старший брат мой по судьбе суровой,
Намного старший по служенью музам,
Я горько плачу, вспомнив твой удел.

Зачем певец, лишенный в жизни места,
Так чувствует всю прелесть этой жизни?

О ПАМЯТНИКЕ,
ВОЗДВИГНУТОМ БЕРНСОМ
НА МОГИЛЕ ПОЭТА
РОБЕРТА ФЕРГЮССОНА

Ни урны, ни торжественного слова,
Ни статуи в его ограде нет.
Лишь голый камень говорит сурово:
— Шотландия! Под камнем — твой поэт!

НАДПИСЬ
НА БАНКОВОМ БИЛЕТЕ

Будь проклят, дьявольский листок!
Ты был всегда ко мне жесток.
Ты разлучил меня с подружкой
И за столом обносишь кружкой.
Ты обрекаешь честный люд
На голод, рабство, тяжкий труд
И плешь искать земли и крова
Вдали от берега родного.

Не раз я видел, как злодей
Над жертвой тешился своей.
Давным-давно единым махом
Я гордеца смешал бы с прахом,
И только твой надежный щит
Его от мщения хранит.
А без тебя, нуждой гонимый,
Я покидаю край родимый.

* * *

Всю землю тьмой заволокло.
Но и без солнца нам светло.
Пивная кружка нам — луна,
А солнце — чарочка вина.

Готовь нам счет, хозяйка,
Хозяйка, хозяйка!
Стаканы сосчитай-ка
И дай еще вина!

Богатым — праздник целый год.
В труде, в нужде живет народ.
Но здесь равны и знать и голь:
Кто пьян, тот сам себе король!

Неси нам счет, хозяйка,
Хозяйка, хозяйка!
Стаканы сосчитай-ка
И дай еще вина!

Святой источник — мой стакан:
Он лечит от сердечных ран.
Ловлю я радости в вине,
Но лучшие живут на дне!

Давай нам счет, хозяйка,
Хозяйка, хозяйка!
Стаканы сосчитай-ка
И дай еще вина!

ВЕСЕЛЫЕ НИЩИЕ

Кангата

Когда, бесцветна и мертва,
Летит последняя листва,
Опалена зимой,
И новорожденный мороз
Кусает тех, кто гол и бос,
И гонит их домой,—

В такие дни толпа бродяг
Перед зарей вечерней
Отдаст лохмотья за очаг
В какой-нибудь таверне.

За кружками
С подружками
Они пред очагом
Горланят,
Барабанят,
И все дрожит кругом.

В мундире, сшитом из заплат,
У очага сидел солдат
В ремнях, с походным ранцем.
Пред ним любовница была,
От хмеля, ласки и тепла
Пылавшая румянцем.

Не помня горя и забот,
Ласкал он побирушку,
А та к нему тянула рот,
Как нищенскую кружку.

И чокались
И чмокались
Сто раз они подряд,
Пока хмельную песню
Не затащил солдат.

ПЕСНЯ

Я воспитан был в строю, а испытан я в бою,
Украшает грудь мою много ран.
Этот шрам получен в драке, а другой в лихой атаке
В ночь, когда гремел во мраке барабан.

Я учиться начал рано — у Абрамова кургана.
В этой битве пал мой капитан.
И учился я не в школе, а в широком ратном поле,
Где кололи мы врагов под барабан.

Пусть я отдал за науку ногу правую и руку,—
Вы узнаете по стуку мой чурбан.
Если в бой пойдет пехота под командой Элиота,
Я пойду на костылях под барабан.

Одноногий и убогий, я ночую у дороги
В дождь и стужу, в бурю и туман.
Но при мне мой ранец, фляжка, а со мной моя милашка,
Как в те дни, когда я шел под барабан.

Пусть башка моя седа, амуниция худа
И постелью служит мне бурьян,—
Выпью кружку и другую, поцелую дорогую
И пойду на всех чертей под барабан!

РЕЧИТАТИВ

Солдат умолк. И грянул хор,
И дрогнул потолок.
Две крысы, выглянув из нор,
Пустились наутек.

Скрипач бродячий крикнул: «Бис!
Ты спой еще разок!»
Но заглушил его и крыс
Осипший голосок.

ПЕСНЯ

Девницей была я,— не помню когда,—
И люблю молодежь, хоть не так молода.
Мать в драгунском полку погостила когда-то.
Оттого-то я жить не могу без солдата!

Был первый мой друг весельчак и буян.
Он только и знал, что стучал в барабан.
Парень был он лихой, крепконогий, усатый.
Что таить!.. Я влюбилась в красавца солдата.

Соблазнил меня добрый седой капеллан
На стихарь променять полковой барабан
Он душой рисковал, — в том любовь виновата, —
Я же телом своим. И ушла от солдата.

Но не весело жить со святым стариком.
Скоро стал моим мужем весь полк целиком —
От трубы до капрала, известного хвата.
Приласкать я готова любого солдата.

После мира пошла я с клюкой и сумой.
Мой дружок отставной повстречался со мной.
Тот же красный мундир — на заплате заплатата.
То-то рада была я увидеть солдата!

Хоть живу я на свете бог весть как давно,
Вместе с вами пою, попиваю вино.
И пока моя кружка в ладонях зажата,
Буду пить за тебя, мой герой, — за солдата!

Р Е Ч И Т А Т И В

В углу сидел базарный шут.
К соседке воспылав любовью,
Не разбирал он, что поют,
И только пил ее здоровье.

Но вот, разгорячен вином
Или соседкой разогретый,
Поставив кружку кверху дном,
Он прохрипел свои куплеты.

П Е С Н Я

Мудрец от похмелья глупеет, а плут
Шутом выступает на сессии.
Но разве сравнится неопытный шут
Со мной — дураком по профессии!

Мне бабушка в детстве купила букварь.
Учился я грамоте в школах,
И все ж дураком я остался, как встарь,
Ведь олух — до старости олух.

Вино из бочонка тянул я взасос,
Гонял за соседскою дочкой.
Но сам я подросток — и бочонок подросток
И стал здоровенною бочкой!

За пьянство меня среди белого дня
Связали и ввергли в темницу,
А в церкви за то осудили меня,
Что я опрокинул девицу.

Я — клоун бродячий, жонглер, акробат,
Умею плясать на канате.
Но в Лондоне есть у меня, говорят,
Счастливей соперник в палате!

А наш проповедник! Какую подчас
С амвона он корчит гримасу!
Клянусь вам, он хлеб отбивает у нас,
Хотя облачается в рясу.

Недаром ношу я дурацкий колпак —
Меня он и кормит и поит.
А кто для себя — и бесплатно — дурак,
Тот очень немножко стбит!..

Р Е Ч И Т А Т И В

Дурак умолк. За ним вослед
Особа встала средних лет,
С могучим станом, грозной грудью.
Ее не раз судили судьи
За то, что ловко на крючок
Она ловила кошелек,
Кольцо, платок и что придется.
Народ топил ее в колодце,
Но утопить никак не мог,—
Сам сатана ее берег.

В былые дни — во время оно —
Она любила горца Джона.
И вот запела про него,
Про Джона, горца своего.

Мой Джон — дитя шотландских скал —
 Закон долины презирал.
 Но как любил родимый склон
 Мой славный горец, статный Джон.

Споем, подружки, про него,
 Поднимем кружки за него.
 Нет среди горцев никого
 Отважней Джона моего!

Он был как щеголь разодет —
 Берет с пером и пестрый плед.
 С ума сводил шотландских жен
 Мой статный горец, храбрый Джон.

От речки Твид до речки Спей
 С ватагой буйною своей
 Мы кочевали — я и он,
 Мой верный друг, мой статный Джон.

Но присудил его судья
 К изгнанию в дальние края.
 Зазеленел весною клен,—
 И вновь ко мне вернулся Джон.

В тюрьму попал он с корабля.
 Там обняла его петля..
 Будь проклят тот, кем осужден
 Мой статный горец, храбрый Джон!

И вот осталась я одна
 И допиваю жизнь до дна.
 Но пусть шотландских кружек звон
 Тебе приветом будет, Джон..

Споем, подружки, про него,
 Поднимем кружки за него.
 Нет среди горцев никого
 Отважней Джона моего!

— За Джона! — гаркнул пьяный хор.—
 Он был красой Шотландских гор!..

Был в кабачке скрипач поджарый.
 Пленился он воровкой старой,
 Но был так мал,
 Что лишь бедро ее крутое,
 Как решето, одной рукою
 Он обнимал.

Развеселить желая даму,
 Прорепетировал он гамму
 Разок-другой.
 Потом, наполнив кружку пивом.
 Запел он голосом пискливым
 Мотив такой.

ПЕСНЯ

Позволь слезу твою смахнуть,
 Моей возлюбленной будь
 И все прошедшее забудь.
 Плевать на остальное!

Житье на свете скрипачу —
 Иду-бреду, куда хочу,
 Так не живется богачу.
 Плевать на остальное!

Где дочку замуж выдают,
 Где после жатвы пиво пьют, —
 Для нас всегда готов приют.
 Плевать на остальное!

Мы будем корки грызть вдвоем,
 А спать на травке над ручьем,
 И на досуге мы споем:
 «Плевать на остальное!»

Пока растет на свете рожь
 И любит пляску молодежь, —
 Со мной безбедно проживешь.
 Плевать на остальное!

Пока скрипач бродячий пел,
Сжигаемый любовью,—
Лудильщик удалой успел
Пленить сердечко вдове.

Схватил за ворот скрипача
Его соперник бравый
И уж готов был стгоряча
Прозить рапирой ржавой.

Скрипач мышонком запищал,
Склонил пред ним колени
И отказаться обещал
От всех поползновений...

Но все ж, прикрыв лицо полой,
Смеялся он притворно,
Когда лудильщик удалой,
Хлебнув, запел задорно.

ПЕСНЯ

Я, ваша честь,
Паяю жесть.
Лудильщик я и медник.
Хожу пешком
Из дома в дом.
На мне прожжен передник.

Я был в войсках.
С ружьем в руках
Стоял на карауле.
Теперь опять
Иду паять,
Чинить-паять
Кастрюли!

Вот этот хлыщ
Душою нищ,
Твой прежний собеседник.
Любовь моя,
Бери в мужья
Того, на ком передник.

Любовь моя,
Лудильщик я
И круглый год в дороге.
Авось вдвоем
Мы проживем
Без горя и тревоги!

Р Е Ч И Т А Т И В

В ответ на нежные слова,
Нимало не краснея,
С похмелья бросилась вдова
Лудильщику на шею.

Скрипач им больше не мешал,
И, потрясен их страстью,
Он только поднял свой бокал
И пожелал им счастья
На эту ночь!

Но бес опять его увлек:
Подсев к другой соседке,
Ее позвал он в уголок,
Где куры спали в клетке.

Ее супруг — по ремеслу
Поэт, певец натуры —
Застиг их вовремя в углу
И не дал строить куры
Им в эту ночь!

Был неказист и хромоног
Поэт, певец бродячий.
И хоть по внешности убог,
Но сердцем всех богаче.

Он жил на свете не спеша,
Умел любить веселье,
И пел он, что поет душа...
И вот что спел с похмелья
Он в эту ночь.

ПЕСНЯ

Я — лишь поэт. Не ценит свет
Моей струны веселой.
Но мне пример — слепой Гомер.
За нами вьются пчелы.

И то сказать,
И так сказать,
И даже больше вдвое.
Одна уйдет, женюсь опять.
Жена всегда со мною.

Я не был у Кастаньских вод,
Не видел муз воочию,
Но здесь из бочки пена бьет —
И все такое прочее!

Я пью за круг моих подруг,
Служу им дни и ночи я.
Порочить плоть, что дал господь,—
Великий грех и прочее!

Одну люблю и с ней делю
Постель, и хмель, и прочее,
А много ль дней мы будем с ней,
Об этом не пророчу я.

За женский пол! Вино на стол!
Сегодня всех я потчую.
За нежный пол, лукавый пол
И все такое прочее!..

РЕЧИТАТИВ

Поэт окончил — и кругом
Рукоплесканий грянул гром,
И каждый нес на бочку
Все, что отдать хозяйке мог,—
Медяк, запятанный в сапог,
Тряпье последнее в залог,
Последнюю сорочку.

Друзья до риз перепились,
Плясали до упаду
И у поэта принялись
Просить еще балладу.

Поэт сидел меж двух подруг
У винного бочонка,
И, оглядев веселый круг,
Запел он песню звонко.

П Е С Н Я

В эту ночь сердца и кружки
До краев у нас полны.
Здесь, на дружеской пирушке,
Все пьяны и все равны!

К черту тех, кого законы
От народа берегут.
Тюрьмы — трусам оборона,
Церкви — ханжеству приют.

Что в деньгах и прочем вздоре!
Кто стремится к ним — дурак.
Жить в любви, не зная горя,
Безразлично где и как!

Песней гоним мы печали,
Шуткой красим свой досуг,
И в пути на сеновале
Обнимаем мы подруг.

Вам, милорд, в своей коляске
Нас, бродяг, не обогнать,
И такой не знает ласки
Ваша брачная кровать.

Жизнь — в движенье бесконечном:
Радость — горе, тьма и свет.
Репутации беречь нам
Не приходится — их нет!

Напоследок с песней громкой
Эту кружку подыму
За дорожную котомку,
За походную суму!

Ты, огонь в сердцах и в чашах,
Никогда нас не покинь.
Пьем за вас, подружек наших.
Будьте счастливы. Аминь!

БЕСПУТНЫЙ, БУЙНЫЙ ВИЛЛИ

Беспутный, буйный Вилли
Поехал на базар.
Продать хотел он скрипку,
Купить другой товар.

Но, скрипку продавая,
Заплакал он над ней.
Беспутный, буйный Вилли,
Вернись домой скорей!

— Продай свою скрипку, Вилли.
Продай и смычок, старина.
Продай свою скрипку, Вилли,
И выставь нам пинту вина.

— Ах, если бы продал я скрипку,
Безумным меня бы сочли.
Не раз мы счастливое время
Со скрипкой моей провели!

Вот еду через город,
Гляжу — трактир открыт.
Беспутный, буйный Вилли
За стойкою сидит.

Сидит за стойкой Вилли
В компании друзей.
Беспутный, буйный Вилли,
Вернись ко мне скорей!

Вот старый Роб Моррис. А кто он таков?
 Король за столом, старшина стариков.
 Он славится стадом коров и свиной
 И дочкой — отрадой своей и моей.

Прекрасней, чем утро в сиянии рос,
 Свежей, чем закат на лугах в сенокос,
 Она, как ягненок, резва и нежна.
 Мне света дневного дороже она.

Но садом и стадом отец ее горд.
 В усадьбе живет он не хуже, чем лорд.
 У нас же с отцом только домик и двор.
 Немногого сто́ит такой ухажёр.

Забрезжит ли утро, — не мил мне рассвет.
 Настанет ли вечер, — покоя мне нет.
 Смертельную рану от всех я таю,
 И жалобы грудь разрывают мою.

Была бы невеста чуть-чуть победней,
 Я мог бы, пожалуй, посвататься к ней.
 Как жадно я ждал бы заветного дня.
 А жить без надежды нет сил у меня!

ПЕСНЯ

Как слепы и суровы
 Порой отец и мать,
 Что дочь свою готовы
 Богатому продать.

И дочь, гонимая отцом,
 Изнурена борьбой,
 Должна покинуть отчий дом
 И стать женой-рабой.

Так сокол над голубкой
 Без усталы кружит.
 Своей добычи хрупкой
 Злодей не пощадит.

Бедняжка мечется, пока,
Отчаянья полна,
К ногам жестокого стрелка
Не бросится она.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Он меня поцеловал
И ушел по склонам гор.
На уступы серых скал
Все гляжу я с этих пор.

Пощади его в пути,
Дробный дождь, трескучий град.
Горных троп не замети
На вершинах, снегопад!

В бледном сумраке ночном
Не кружись, метель, над ним —
Пусть он спит спокойным сном
И проснется невредим.

Пусть меня он назовет
И в долину кинет взгляд,
Путь ведет его вперед,
А любовь зовет назад.

ЛОРД ГРЕГОРИ

Баллада

Полночный час угрюм и тих.
Лишь гром гремит порой.
Я у дверей стою твоих.
Лорд Грегори, открой.

Я не могу вернуться вновь
Домой, к семье своей,
И если спит в тебе любовь,
Меня хоть пожалей.

Припомни лес на склоне гор,
Где волю я дала
Любви, с которой долгий спор
В душе своей вела.

Ты небом клялся мне не раз,
Что будешь ты моим,
Что договор, связавший нас,
Навеки нерушим.

Но тот не помнит прежних дней,
Чье сердце из кремня.
Так пусть же у твоих дверей
Гроза убьет меня!

О небо, смерть мне подари.
Я вечным сном усну
У двери лорда Грегори,
Простив его вину.

* * *

Роскошен, леди, ваш убор,
Шелками вышит ваш узор,
А Дженни в юбочке простой
И без шелков пленяет взор.

Милорд спешит в поля, в леса,
Не взяв ни сокола, ни пса.
Не лань он ищет день и ночь,
А Дженни, фермерскую дочь.

Миледи так нежна, бела,
Но не она ему мила,
Не знатный род ее, не честь,
А то, что дал за нею тесть.

Где перепелка меж болот
Сквозь вереск выводок ведет,
Там девушка живет в тиши,
Цветок, раскрывшийся в глуши.

Две стройных ножки поутру
Скользят по мшистому ковру,
И смех играет, как алмаз,
В зрачках задорных синих глаз.

Осанка леди и наряд —
Образчик вкуса, говорят.
Но та сулит нам рой утех,
Кого мы любим больше всех.

ГДЕ К МОРЮ КАТИТСЯ РЕКА

Где к морю катится река,
Быстра, бурлива и звонка,
Там я встречала паренька,
Веселого ткача.

Семь женихов из-за реки
Пришли просить моей руки.
Не рвать же сердце на куски,—
Отдам его ткачу!

Меня бранят отец и мать,
Им по душе богатый зять.
Они велят мне отказать
Веселому ткачу.

Отец мой жаден и упрям,
Грозит: «Приданого не дам!»
Но к сердцу руку я придам —
И все отдам ткачу.

Пока вода в реке бежит,
Пока пчела в цветке жужжит
И рожь под ливнями дрожит,
Любовь моя — ткачу!

* * *

Стакан вина и честный друг.
Чего ж еще нам, братцы?
Пускай забота и недуг
В грядущей тьме таятся,

Мы ловим радости в пути,—
Пугливо наше счастье.
Оно исчезнет — и найти
Его не в нашей власти.

ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР

Из всех ветров, какие есть,
Мне западный милей.
Он о тебе приносит весть,
О девушке моей.

Леса шумят, ручьи журчат
В тиши твоих долин.
И, как ручьи, мечты мои
К тебе стремятся, Джин.

Тебя напоминает мне
В полях цветов любой.
И лес в вечерней тишине
Заворожен тобой.

Бубенчик ландыша в росе,
Да и не он один,
А все цветы и птицы все
Поют о милой Джин.

На Клайд-реке богат, хорош
У девушек наряд,
Но лучше Джинни ты найдешь
Красавицу навряд.

Девиц мы знаем городских,
Одетых в шелк, муслин.
Но всех прекрасней щеголих
В холщовом платье Джин.

Она милей и веселей
Ягненка на лугу.
И пикаких грехов за ней
Признать я не могу.

Ее глаза яснее дня,
А грех ее один:
С такою щедростью меня
Дарит любовью Джин!

О ветер западный, повеи,
Зашелести листвою.
Пусть нагруженная с полей
Летит пчела домой.

Мою любовь ко мне верни
С холмов твоих, равнин.
Улыбкой пасмурные дни
Мне озаряет Джин.

Какие клятвы без числа
Соединили нас,
Как нам разлука тяжела
Была в рассветный час!

Кто знает души всех людей
До самых их глубин,—
Тот видит, что всего милей
Мне в этом мире Джин!

ИЗ ПОЭМЫ «СВЯТАЯ ЯРМАРКА»

Был день воскресный так хорош.
Все было лету радо.
Я шел в поля взглянуть на рожь
И подышать прохладой.

Большое солнце в этот миг
Вставало, как с постели.
Резвились зайцы — прыг да прыг —
И жаворонки пели
В тот ясный день.

Бродил я, радостью дыша
И вглядываясь в дали,
Как вдруг три женщины, спеша,
Мне путь перебежали.

На двух был черный шерстяной
Наряд — назло природе.
На третьей был наряд цветной
По моде, по погоде
В тот летний день.

Две первых были меж собой,
Как близнецы, похожи
Унылым видом, худобой
И мрачною одежей.

А третья козочкой шальной
Попрыгивала весело
И вдруг присела предо мной
И мне поклон отвесила
В тот яркий день.

Я шляпу снял и произнес:
— Я вас припоминаю,
Но извините за вопрос,—
Как звать вас, я не знаю.

С кивком задорным головы,
Смеясь, она сказала:
— Со мною заповедей вы
Нарушили немало
В досужий день!

Я — ваша Радость, я — Игра,
А это — Лицемерье,
И рядом с ней — ее сестра,
Глухое Суеверье.

Давайте в Мóхлин мы пойдем
И, если две сестрицы
Идут на ярмарку, найдем
Предлог повеселиться
Мы в этот день.

— Нет, я пойду сперва домой
И праздничную смену —
Сюртук и новый галстук мой —
Для ярмарки надену.

Поспел я к завтраку как раз,
Надел костюм воскресный.
А уж на праздник в этот час
Спешил народ окрестный
В тот шумный день.

Трусилы фермеры верхом,
Шли батраки оравой.
И молодежь одним прыжком
Брала в пути канавы.

Бежали в праздничных шелках
Девы-босоножки,
Несли сыры они в руках
И сдобные лепешки
 В тот добрый день.

Монетку бросить был я рад
В тарелку с медью мелкою,
Но, уловив святоши взгляд,
Гросаю две в тарелку я.

Я в загородку заглянул.
Народ шумит, хлопочет,
Несет скамейку, доску, стул,
А кто и лясы точит
 В свободный день.

Для знати выстроено навес
(Изменчива погода!).
А вот стоит вертушка Джесс,
Мигая всем у входа.

Ее подружки сели в ряд, —
Без них какая ярмарка!
А там ткачи сидят, галдят
(Из города Кильмáрнока).
 Пришел их день!

Здесь кто вздыхает о грехах,
Кто в гневе шлет проклятья
Тем, кто измазал впопыхах
Их праздничные платья.

Кто сверху смотрит на других
Высокомерным взглядом,
А кто веселых щеголих
Зовет усестся рядом
 В привольный день.

Но бесконечно счастлив тот,
Кто, отыскав два места,
Местечко рядышком займет
С подругой иль невестой.

Глядишь, рука его легла
За ней — на спинку стула,
Потом ей шею обняла,
А там на грудь скользнула
В тот чудный день.

Уселась публика и ждет.
Ни суеты, ни шума.
Вот Моды речь держать идет,
Унылый и угрюмый.

Он целый час пугает нас
Десницею господнею.
Сам дьявол от его гримас
Сбежал бы в преисподнюю
В столь грозный день.

Толкуя нам один, другой
И третий тезис веры,
Он гневно топает ногой,
Волнуясь свыше меры.

Распутника и гордеца
Громит курносый пастырь
И жжет отступников сердца,
Как самый жгучий пластырь,
В тот страшный день.

Но вот встают сердито с мест
Земные наши судьи.
И впрямь, — кому не надоест
Такое словоблудье!

Речь произносит мистер Смит,
Но люд благочестивый,
Уже не слушая, спешит
К холодным бочкам пива
В столь жаркий день...

* * *

Жена верна мне одному,
И сам я верен ей за то.
Не ставлю рожек никому,
И мне не ставит их никто.

Своим трудом я нажил грош,
И сам истрачу я его.
Что́ у меня займы возьмешь?
И я не брал ни у кого.

Я не хозяин никому,
И никому я не слуга.
А если в руки меч возьму,
Я отобью удар врага.

Так и живу день изо дня,
Тоской, заботой не томим.
Другим нет дела до меня,
И я не кланяюсь другим.

ЗИМА ПРОНЕСЛАСЬ

Зима пронеслась, и весна началась,
И птицы, на дереве каждом звеня,
Поют о весне, но невесело мне
С тех пор, как любовь разлюбила меня.

Шиповник расцвел для проснувшихся пчел.
Поют коноплянки в честь вешнего дня.
Их в гнездышке двое, сердца их в покое.
Моя же любовь разлюбила меня.

* * *

Был я рад, когда гребень вытачивал,
Был я рад, когда ложку долбил
И когда по котлу поколачивал,
А потом свою Кэтти любил.

И, бывало, под стук молоточка
Целый день я свищу и пою.
А едва только спустится ночка,
Обнимаю подругу мою.

Бес велел мне на Бэсси жениться,
Погубившей веселье мое...
Пусть всегда будет счастлива птица,
Что щебечет над прахом ее!

Ты вернись ко мне, милая Кэтти.
Буду волен и весел я вновь.
Что милей человеку на свете,
Чем свобода, покой и любовь?

Н Э Н С И

Муженек, не спорь со мной,
Не сердись напрасно,
Стала я твоей женой —
Не рабой безгласной!

— Признаю права твои,
Нэнси, Нэнси,
Ну, а кто ж глава семьи,
Дорогая Нэнси?

— Если ты мой властелин,
Подыму восстанье.
Будешь властвовать один,—
С тем и до свиданья!

— Жаль расстаться мне с тобой,
Нэнси, Нэнси,
Но смирюсь я пред судьбой,
Дорогая Нэнси!

— Погоди, дождешься дня:
Лягу я в могилу.
Но, оставшись без меня,
Что ты скажешь, милый?

— Небо в помощь призову,
Нэнси, Нэнси,
И авось переживу,
Дорогая Нэнси!

— Но и мертвая не дам
Я тебе покоя.
Страшный призрак по ночам
Будет пред тобою!

— Я жену себе найду
Вроде Нэнси, Нэнси —
И все призраки в аду
Затрепещут, Нэнси!

СМЕРТЬ И ДОКТОР ГОРНБУК

Иные книги лгут нам сплошь.
А есть неписаная ложь.
Ты и священников найдешь,
Что правду божью,
Впадая от восторга в дрожь,
Мешают с ложью.

Но в том, о чем я речь веду,
От правды я не отойду,
Как в том, что черт живет в аду
Иль в недрах Дублина.
(Ах, много — людям на беду —
Им душ загублено!)

Хлебнул я браги вечерком,
Но не был пьян, а под хмельком.
Я обходил, бредя пешком,
Бугры, канавы
И знал, что куст манит кивком,
А не лукавый.

Холмистый Кáмнок я узнал,
Едва лишь месяц заблестал.
Его рога считать я стал,
Шагая шире.
Сначала три я насчитал,
Потом — четыре...

Вослед за верным посошком
По склопу я трусил шажком —
Мне путь был издавна знаком
К запруде Вилли.
Но вдруг, сорвавшись, я бегом
Бежал полмили.

Тут нечто предо мной предстало
С косою острою, чье жало
С плеча костлявого свисало
И с острогой,
Что сталью под луной сверкала,
В руке другой.

С косою сажень вышиною
Оно стояло предо мною,
Без брюха, страшное, худое,
Горбом спина,
А что за ноги! Тоньше вдвое
Веретена.

Спросил я: — Друг! Узнать нельзя ли,
Должно быть, вы сегодня жали?
А мы ведь только сеять стали.
Я с вами рад
Вернуться в дом, где выпивали
Мы час назад!

— Я Смерть! — чудовище сказало,—
Но ты пока не бойся, малый!..
— Я не боюсь, хоть ты, пожалуй,
Меня убьешь.
Но я прошу: взгляни сначала
На этот нож!

Смерть отвечала мне: — Сынок,
Ты спрячь подальше свой клинок.
Подумай сам, какой в нем прок.
Его удары
Страшны не больше, чем плевков,
Для Смерти старой!

— Что ж, уговор — так уговор! —
Сказал я.— Бросим этот спор.

Присядь со мной на косогор —
Ведь ты устала —
И расскажи, что с давних пор
Перевидала.

— О да! — сказала Смерть, садясь, —
Почти что вечность пронеслась
С тех пор, как жать я принялась
По воле божьей.
Всем в мире надо жить, трудясь.
И Смерти — тоже.

Но у меня не жизнь, а мука.
Ты слышал имя Горнбука?
Уж так хитра его наука,
Что стар и млад —
От деда дряхлого до внука —
Меня стыдят.

Бывало, под косою длинной,
Подобно травам луговины,
Народ, не знавший медицины,
Ложится сплошь...
Теперь меня с косою старинной
Не ставят в грош!

Вчера я жертву поразила
Своим копьём — с такою силой,
Что семерых бы уложила,
Пронзив, как гвоздь,
Но острие лишь притупила,
Задев о кость.

Что это, думаю, за штука?
А это — дело Горнбука!
Тут помогла его наука
Или искусство:
Копье в ребро вошло без стука —
Как бы в капусту.

Больной остался бы калекой,
Не помоги ему аптекой
Или ланцетом лысый лекарь —
Ваш Горнбук.
Не раз он вырвал человека
Из цепких рук.

Он изгонял из тех заразу,
Кого и не видал ни разу,
Нагужься по его приказу,
Заклей пакет,
А он понюхает и сразу
Пришлет ответ.

Есть у него, как в магазине,
Все то, что нужно медицине:
Набор ножей, spiritus vini ¹,
Касторка, йод.
Он все лекарства по-латыни
Вам назовет.

Есть sal marinum — соль морская, →
Все кальции, какие знаю...
А разных трав любого края
Не перечеть.
И aqua (иль вода простая)
Там тоже есть.

Есть и опилки, срезы, крошки
Клешни клеща, блошиной ножки
И усиков какой-то мошки,
Яд комара,
Настой желез сороконожки
Et cetera... ²

Тут я воскликнул: — Бедный Джон!
Какой доход теряет он!
Коль вправду будет побежден
Любой недуг,
Кладбищенский зеленый склон
Изрежет плуг.

Смерть засмеялась: — Нет, не плуг
Изрежет этот мирный луг,
Которым твой владеет друг,
А сто лопат
Все ваши кладбища вокруг
Избороздят.

¹ Винный спирт (лат.).

² И так далее (лат.).

Где одного так любо-мило
В постели жизни я лишила,
Пустила кровь иль придушила
 Без долгих мук,—
Там двадцать душ загнал в могилу
 Ваш Горнбук.

Наш местный ткач — хороший малый —
Свою жену, что бредить стала,
Когда немножко захворала,
 Отвез к врачу,
И больше слова не сказала
 Она ткачу...

У парня заболел отец —
Богатый лэрд, и молодец
Послал отборных двух овец
 Врачу за средство,
Что принесет отцу конец,
 Ему — наследство.

Должно быть, от ночной простуды
Одной девчонке стало худо.
Врач сотворил над нею чудо:
 Его совет
Туда послал ее, откуда
 Возврата нет!

Таков у лекаря обычай.
За грош, не ведая приличий,
Морит людей он без различья
 День изо дня
И норовит моей добычи
 Лишить меня.

Пока терплю я поневоле.
Но разве он бессмертен, что ли?
Не избежит он общей доли.
 Придет как —
И будет мертв, как сельдь в рассоле,
 Ваш Горнбук!..

Еще бы Смерть сказала много,
Но вдруг, наполнив мир тревогой,
Часы пробили полночь строго
Из-за ветвей...
И я побрел своей дорогой,
А Смерть — своей.

* * *

Дружок мой пленен моим взором и станом.
Ему полюбились мой дом и родня.
Но, кажется, больше прельщен он приданым
И любит червонцы нежней, чем меня.

За яблочко яблоню любит мой милый,
Пчелу свою любит за будущий мед.
И так серебро его душу пленило,
Что в сердце местечка он мне не найдет.

Ему дорога не жена, а приплата.
Любовь для него — не любовь, а базар.
Хитер он, — и я уж не так простовата:
Пускай он попроще присмотрит товар!

Побегов не жди от прогнившего корня,
Зеленых ветвей — от сухого ствола.
Такая любовь ускользает проворней,
Чем тонкая, скользкая нить без узла!

НЕВЕСТА С ПРИДАНЫМ

Я пью за невесту с приданым,
Я пью за невесту с приданым,
Я пью за невесту с приданым,
С горой золотых для меня!

Долой красоты колдовское заклятье!
Не тоненький стан заключу я в объятья, —
Нужна необъятная мне красота:
Хорошая ферма и много скота.

Красивый цветок обольстит и обманет,
Чем раньше цветет, тем скорее увянет,
А белые волны пасущихся стад
И прибыль приносят, и радуют взгляд.

Любовь нам порою сулит наслажденье,
А вслед за победой идет охлажденье.
Но будят в душе неизменный восторг
Кружки, на которых оттиснут Георг.

ПАСТУХ

Брела я вечером пешком
И повстречалась с пареньком.
Меня укутал он платком,
Назвал своею милой.

Гнал он коз
Под откос.
Где лиловый вереск рос,
Где ручей прохладу нес,—
Стадо гнал мой милый.

— Пойдем по берегу со мной.
Там листья шепчутся с волной.
В шатер орешника сквозной
Луна глядит украдкой.

— Благодарю за твой привет,
Но у меня охоты нет
Платить слезами долгих лет
За этот вечер краткий!

— Нет, будешь ты ходить в шелках,
В нарядных, легких башмачках.
Тебя я буду на руках
Носить, когда устанешь.

— Ну, если так, тогда пойдем
С тобой по берегу вдвоем,
И я надеюсь, что потом
Меня ты не обманешь.

Но он ответил мне: — Пока
Растет трава, течет река
И ветер гонит облака,
Моей ты будешь милой!

Гнал он коз.
Под откос.
Где лиловый вереск рос,
Где ручей прохладу нес,—
Стадо гнал мой милый.

К Т И Б Б И

О Тибби, ты была горда
И важный свой поклон
Тем не дарила никогда,
Кто в бедности рожден.

Вчера же, встретившись со мной,
Ты чуть кивнула головой.
Но мне на черта нужен твой
Презрительный поклон!

Ты думала наверняка
Пленить мгновенно бедняка,
Прельщая звоном кошелька...
На что мне этот звон!

Пускай меня гнетет нужда,
Но я сгорел бы со стыда,
Когда тобой, что так горда,
Я был бы побежден.

Как ни остер будь паренек,
Ты думаешь, — какой в нем прок,
Коль желтой грязью кошелек
Набить не может он!

Зато тебе по нраву тот,
Кто состоятельным слывет,
Хотя и вежлив он, как скот,
И столько же умен.

Скажу я прямо, не греша,
Что ты не стоишь ни гроша,
А тем достатком хороша,
Что дома припасен.

С одной я девушкой знаком.
Ее и в платьице простом
Я не отдам за весь твой дом,
Сули хоть миллион!

С В А Д Ъ Б А
В Г О Р О Д К Е М О Х Л И Н

Когда был месяцев семи
Год восемьдесят пятый
И ливни спорили с людьми
За урожай несжатый,—

В то время мистер Так и Так
Отправился к невесте,
Чтобы отпраздновать свой брак
С ней и с деньгами тестя
В столь мокрый день.

Чуть солнце глянуло с небес
Сквозь полосу тумана,
Проснулась Нэлл, вскочила Бэсс,
Хоть было очень рано.

Утюг шипит, комод скрипит,
Мелькает ворох кружев...
Но Муза скромность оскорбит,
Их тайны обнаружив
В столь важный день.

Но вот — природе вопреки —
Стянули их корсеты,
И очень длинные чулки
На ножки их надеты.

Осталось — это не секрет —
Им застегнуть подвязки.
А впрочем, и такой предмет
Не подлежит огласке
 В столь строгий день.

Шелка упругие, шурша,
Едва дают дышать им.
И все же могут, не греша,
Они гордиться платьем.

Легко их в талии сломать,
Шумят их шлейфы сзади.
Что Ева-мать могла б сказать,
На пышный зад их глядя
 В воскресный день?

Вот в куртке праздничной, с хлыстом —
«Гей-го!» — подъехал Санди.
И Нэлл и Бэсс покинуть дом
Спешат, как по команде.

А вот Джон Трот — лихой старик.
Толст, как судья наш местный,
Он маслит, пудрит свой парик —
Да и сюртук воскресный
 В столь славный день...

* * *

Весной ко мне сватался парень один.
Твердил он: — Безмерно люблю, мол. —
А я говорю: — Ненавижу мужчин! —
И впрямь ненавижу, он думал...
Вот дурень, что так он подумал!

Сказал он, что ранен огнем моих глаз,
Что смерть его силы подточит.
А я говорю: пусть умрет хоть сейчас,
Умрет, за кого только хочет,
За Джинни умрет, если хочет.

Усадьбу, где полный хозяин он сам,
И свадьбу — хоть завтра — сулил он.
Но думаю: виду ему не подам,
Что дурочку сразу прельстил он,
Усадьбой и свадьбой прельстил он.

И что бы вы думали? Вдруг он исчез.
А вскоре нашел он дорожку
К моей же сестрице двоюродной — Бэсс.
Терпеть не могу эту кошку,
Глухую, поджарую кошку!

Хоть зла я была, но пошла погулять
В Дальгáрнок — там день был базарный.
И вдруг предо мною явился опять,
Как призрак, дружок мой коварный,
Все тот же мой парень коварный.

Ответив негодному легким кивком,
Пройти поспешила я мимо.
Но он, ошалев, словно был под хмельком,
Назвал меня милой, любимой,
Своей дорогой и любимой.

А я, между прочим, вопрос задала,
Глуха ли, как прежде, сестрица
И где по ноге она обувь нашла...
О боже, как стал он браниться,
Как яростно стал он браниться!

Молил он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели парня спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна.
Хоть завтра венчаться согласна!

КУЗНЕЦУ

Устал в полете конь Пегас,
Скакун крылатый Феба,
И должен был на краткий час
Сойти на землю с неба.

Крылатый конь — плохой ходок!
Скользя по мерзлым склонам,
Он захромал и сбился с ног
Под богом Аполлоном.

Пришлось наезднику сойти
И жеребца хромого
К Вулкану в кузницу вести,
Чтоб заказать подковы.

Колпак и куртку снял кузнец,
Работая до пота.
И заплатил ему певец
Сонетом за работу.

Вулкан сегодняшнего дня,
Твой труд ценю я выше.
Не подкуешь ли мне коня
За пять четверостиший?

О Д А Ш О Т Л А Н Д С К О М У П У Д И Н Г У
«Х А Г Г И С»

В тебе я славлю командира
Всех пудингов горячих мира, —
Могучий Хэггис, полный жира
И ребухи.
Строчу, пока мне служит лира,
Тебе стихи.

Дородный, плотный, крутобокий,
Ты высишься, как холм далекий,
А под тобой поднос широкий
Чуть не трещит.
Но как твои ласкают соки
Наш аппетит!

С полей вернувшись, землеробы,
Сойдясь вокруг твоей особы,
Тебя проворно режут, чтобы
Весь жар и пыл
Твоей дымящейся утробы
На миг не стыл.

Теперь доносится до слуха
Стук ложек, звякающих глухо.
Когда ж плотнее станет брюхо,
 Чем барабан,
Старик, молясь, гудит, как муха,
 От пищи пьян.

Кто обожает стол французский —
Рагу и всякие закуски
(Хотя от этакой нагрузки
 И свиньям вред),
С презреньем щурит глаз свой узкий
 На наш обед.

Но — бедный шут! — от пищи жалкой
Его нога не толще палки,
А вместо мускулов — мочалки,
 Кулак — орех.
В бою, в горячей перепалке
 Он сзади всех.

А тот, кому ты служишь пищей,
Согнет подкову в кулачище.
Когда ж в такой руке засвищет
 Стальной клинок, —
Врага уносят на кладбище
 Без рук, без ног.

Молю я Промысел небесный:
И в будний день, и в день воскресный
Нам не давай похлебки пресной,
 Яви нам благость
И ниспошли родной, чудесный,
 Горячий Хаггис!

О В С Я Н К А

Раз — овсянка,
Два — овсянка
И овсянка в третий раз.
А на лишнюю овсянку
Где мне взять крупы для вас?

Одиноким, неженатым
Не житье, а сущий рай.
А женился, так ребятам
Трижды в день овсянки дай.

Век живет со мной забота.
Не могу ее прогнать.
Чуть запрешь за ней ворота,
Тут как тут она опять.

Раз — овсянка,
Два — овсянка
И овсянка в третий раз.
А на лишнюю овсянку
Где мне взять крупы для вас?

ПОСЛАНИЕ ГАМИЛЬТОНУ

По поводу рождения у поэта близнецов

Рубцами хвалится боец —
Печатью молодечества.
Хвалу войне поет певец —
Проклятью человечества.

Велик не тот, кто сотню душ
Безвинных уничтожит.
Достоин чести скромный муж,
Что род людской умножит.

— Даны вам щедрые дары, —
Сказала нам природа, —
Но будьте столь же вы щедры
И множьтесь год от года.

Волью я в кровь струю огня,
Чтоб дружною четою
Вовеки жили у меня
Отвага с красотою!

Творец нехитрых этих строф
Был некий бард беспечный.
Он пел среди родных лугов
От радости сердечной.

В него влила природа-мать
Огня большую долю,
И не дерзал он нарушать
Родительницы волю.

Начертанный природой путь
Безропотно прошел он.
Нашел он родственную грудь,
Любви безмерной полон.

Он цвет любви берег весной
От яда и от града,
И щедрый урожай двойной
Поэту стал наградой.

Был в сентябре вознагражден
Он за любовь и верность.
Ему подругой был рожден
Наследник — новый Бернс,

Чтоб нашу родину певец
Грядущих поколений
Воспел достойней, чем отец,—
Звучней и вдохновенней.

О гений мира и любви,
Тебя мы призываем:
Шотландский край благослови
Обильным урожаем.

Пусть крепнет древний наш народ
И славится по праву,
И Бернсов род из года в год
Поет народу славу!

ПЕСНЯ РАБА-НЕГРА

В милом знойном Сенегале
В плен враги меня забрали
И отправили сюда — за море синее.
И тоскую я вдали
От родной моей земли
На плантациях Виргинии — гинии.

На моем родимом юге
Не бывает зимней вьюги,
 Ни морозов, ни снегов, ни инея.
Там шумят потоки вод
И цветы цветут весь год,
 Неизвестные Виргинии — гинии.

Под ударами бича,
Иго рабское влача,
 Провожу я дни в печали и унынии.
Горько вспомнить мне друзей
Вольной юности моей
 На плантациях Виргинии — гинии!

* * *

Зачем терпеть в расцвете сил
Ярмо порабощенья?
К оружию, братья! Наступил
Великий час отмщенья.

Твердят: безгрешны короли,
А руки их кровавы.
Мы сами троны возвели.
Тряхнуть их — наше право!

Девизом каждый патриот
Смерть иль свободу изберет.

Пусть примет мученика чин
Епископ, саном гордый.
Для пэров хватит гильотин,
Для вас — подвязок, лорды.

Давно нас деспоты гнетут,
А судьи — их орудье.
Но и над вами будет суд,
Неправедные судьи.

Еще сегодня ваш денек.
Зато и наш не так далек!

Пусть золотой наступит век,
Былое в бездну канет,
И человеку человек
Навеки братом станет.

И нам покажет молодежь,
Достойная свободы,
Что человек везде хорош, —
Таков он от природы.

Мы всех зовем на братский пир,
И первый тост: — Свобода. Мир.

* * *

Якобиты на словах,
Вам пою, вам пою.
Якобиты на словах,
Вам пою.
Якобиты на словах,
Обличу я вас в грехах
И ученье ваше в прах
Разобью.

Что есть правда? Что есть ложь?
Где закон? Где закон?
Что есть правда? Что есть ложь?
Где закон?
Что есть правда? Что есть ложь?
Длинный меч ли изберешь
Иль короткий вырвешь нож
Из ножен?

Героической борьбой
Что назвать? Что назвать?
Героической борьбой
Что назвать?
Героической борьбой
Звать ли распри и разбой,
Где в отца готов любой
Нож вогнать?

Хватит происков, ей-ей!
В этот век, в этот век.
Хватит происков, ей-ей,
В этот век.
Хватит происков, ей-ей.
Без непрошенных друзей
Пусть идет к судьбе своей
Человек!

О Т Р Ы В О К

Прощай, синева, и листва, и трава,
И солнце над краем земли,
И милые дружбы, и узы родства.
Свой жизненный путь мы прошли.

Кто волею слаб, кто судьбы своей раб, —
Трепещет, почуяв конец.
Но гибели час, неизбежный для нас,
Не страшен для гордых сердец.

Г О Р Е Ц

Мой горец — парень удалой,
Широкоплеч, высок, силен.
Но не вернется он домой —
Он на изгнание осужден.

Как мне его вернуть?
О, как его вернуть?
Я все бы горы отдала,
Чтоб горца вновь домой вернуть!

Соседи мирно спят в домах,
А я брожу в тиши ночной.
Сажусь и плачу я впотьмах
О том, что нет его со мной.

Ах, знаю, знаю я, кого
Повесить надо на сосне,
Чтоб горца — друга моего —
Вернуть горам, лесам и мне!

О ЧЕСТВОВАНИИ ПАМЯТИ
ПОЭТА ТОМСОНА

Ты спишь в безвременной могиле,
Но кажется, глядишь с усмешкой на устах
На тех, что голодом вчера тебя морили,
А пынче лаврами твой увенчали прах.

НАДПИСЬ
НА АЛТАРЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

Кто независим, прям и горд,
В борьбе решителен и тверд,
Кому равно претит судьба
Рабовладельца и раба,
Кому строжайший приговор —
Своей же совести укор,
Тому, чья сила — правота,
Открой, алтарь, свои врата!

НАДПИСЬ АЛМАЗОМ
НА ОКОННОМ СТЕКЛЕ В ТАВЕРНЕ

Не хвастайся, дряхлый рассудок людской.
Безумству — любовь и почет.
Сулишь ты, рассудок, уют и покой.
Безумство восторг нам дает!

О ПЕСНЕ ДРОЗДА,
КОТОРУЮ ПОЭТ УСЛЫШАЛ
В ДЕНЬ СВОЕГО РОЖДЕНИЯ —
НА РАССВЕТЕ 25 ЯНВАРЯ

Пой, милый дрозд, в глухой морозной мгле.
Пой, добрый друг, среди нагих ветвей.
Смотри: зима от песенки твоей
Разгладила морщины на челе.

Так в одинокой бедности, впотьмах
Найдешь беспечной радости приют,
Она легко встречает бег минут,—
Несут они надежду или страх.

Благодарю тебя, создатель дня,
Седых полей позолотивший гладь.
Ты, золота лишив, даришь меня
Всем, что оно не в силах дать и взять.

Приди ж, дитя забот и нищеты.
Что бог пошлет, со мной разделишь ты!

С О В А

О птица ночи! Жалобу свою
Ты изливаешь в полночь скорбным стоном —
Не оттого ль, что в северном краю
Родится холод — смерть росткам зеленым?

Не оттого ль, что, облетев, листва
Тебя лишит укромного навеса?
Иль зимних бурь страшишься ты, сова,
Ночной тоски безжизненного леса?

Твой стон летит в неслышащую тьму.
Всегда одна, зловеща и угрюма,
Ты не вверяешь в мире никому
Своих тревог, своей бессонной думы.

Пой, плакальщица ночи! Для меня
Твой грустный голос — тайная утеха.
В полночной тьме без звука и огня
Твои стенанья продолжает эхо.

Неужто лик земли не так красив,
Когда природа плачет в час ненастья?
Бедней ли сердце, горе пережив,
И от участия меньше ль наше счастье?

Нет, одинокий стоп из тишины
Мне по сердцу, хоть он рожден тоскою.
Он не похож на голоса весны,
На летний щебет счастья и покоя.

Пусть днем не слышно песен из гнезда
И самый день заметно стал короче,
Умолкла трель вечерняя дрозда, —
Ты в сумраке не спишь, певичка ночи.

С высокой башни где-нибудь в глуши,
Где ты ютишься в тайном закоулке,
Где лес и стены древние в тиши
На каждый звук рождают отклик гулкий, —

Твой хриплый голос для меня звучит,
Как трели соловья чете влюбленной.
Так ловит тот, кто всеми позабыт,
Унылый отзвук песни отдаленной...

ЖАЛОБА РЕКИ БРУАР
ВЛАДЕЛЬЦУ ЗЕМЕЛЬ,
ПО КОТОРЫМ ОНА ПРОТЕКАЕТ

I

О ты, кто не был никогда
Глухим к мольбам и стонам!
К тебе смиренная вода
Является с поклоном.

Во мне остался только ил.
Небесный зной жестокий
Ручьи до дна пересушил,
Остановил потоки.

II

Живая быстрая форель
В стремительном полете
Обречена попасть на мель,
Барахтаться в болоте.

Увы, ничем я не могу
Помочь своей форели.
Она лежит на берегу
И дышит еле-еле...

III

Я пролила немало слез
И пенилась от злости,
Когда какой-то бес принес
Поэта Бернса в гости.

Он написал мне пару строк,
А сочинил бы оду,
Когда увидел бы у ног
Бушующую воду!

IV

Давно ли я у грозных скал
Бурлила и ревела,
И водопад мой бушевал,
Вскипая пеной белой.

В те дни была я глубока,
Гордилась буйной силой,
И молодежь издалека
На берег приходила...

V

Прошу, припав к твоим ногам,
Во имя прежней славы
Ты насади по берегам
Кусты, деревья, травы.

Когда придешь под сень ветвей,
Плеснет, играя, рыба
И благодарный соловей
Тебе споет: спасибо!

VI

И жаворонок в вышине
Зальется чистой трелью,
И отзовется в тишине
Щегол своей свирелью.

И зазвенят у теплых гнезд,
Проснувшись спозаранку,
Малиновка и черный дрозд,
Скворец и коноплянка.

VII

Они от бурь покров найдут
В разросшихся дубравах.
И заяц-трус найдет приют
В моих кустах и травах.

Пускай прохожего ольха
Манит своей прохладой,
А дуб укроет пастуха
От ливня и от града.

VIII

Ко мне влюбленные весной
Придут на берег тайно.
И встретятся в тиши лесной
Как будто бы случайно.

Оберегая их покой,
Росы роняя слезы,
Благоуханною рукой
Прикроют их березы.

IX

И вьювь придет ко мне поэт
В часы, когда сквозь ветки
На побережье лунный свет
Свои начертит клетки.

По склонам тихо он сойдет,
По шахматным полянам
Послушать гулкий рокот вод,
Окутанных туманом.

X

Пусть елки тянутся ко мне
Своей зубчатой тенью
И видят в ясной глубине
Верхушек отраженье.

Пускай берез листва звенит
На каменных утесах
И мой боярышник хранит
Певцов звонкоголосых.

XI

Пусть, как цветы, в краю родном
Растут ребята наши,
Пусть будут крепче с каждым днем
И с каждым часом краше!

Греми до самых дальних дней,
Веселый клич заздравный:
За сыновей и дочерей
Моей отчизны славной!

ЭЛЕГИЯ
НА СМЕРТЬ МОЕЙ ОВЦЫ,
КОТОРУЮ ЗВАЛИ МЭЙЛИ

Пишу стихами или прозой,
А по щекам струятся слезы.
Судьбы исполнились угрозы:
 Погас мой свет.
Живут на свете овцы, козы,
 А Мэйли нет!

Моя душа тоской объята.
Я потерял не клад богатый,—
Иная, тяжкая, утрата
Гнетет певца.
Меня любила, точно брата,
Моя овца.

Таких друзей на свете мало.
Меня узнав за два квартала,
Она по городу бежала
За мной вослед
И так сердечно отвечала
На мой привет.

Она была овцою кроткой,
Ходила чинною походкой
И не валила загородки
В чужом саду.
Грехов за век ее короткий
Я не найду.

Ее кудрявого барашка
Кормлю я хлебом или кашкой.
Увы, он так похож, бедняжка,
На мать свою,
Что я над ним вздыхаю тяжко
И слезы лью.

Она была не нашей местной
Овцой, породы неизвестной:
Приплыл ее прапрадед честный,
Большой баран —
С ее прабабушкой совместно —
Из дальних стран.

Никто не снял с нее овчины.
Увы, единственной причиной
Ее безвременной кончины
Была петля...
И так же душишь люд невинный
Ты, конопля!

Пусть же все поэты Дуна
Настроят дудки или струны.
Пусть соберутся ночью лунной
Ко мне певцы
Прославить память Мэйли юной,
Моей овцы!

МЭГГИ С МЕЛЬНИЦЫ

Ты знаешь, что Мэгги намедни нашла?
Ты знаешь, что Мэгги намедни нашла?
Нашла жениха, дурака и бездельника,
И сердце разбила у бедного мельника.

Был мельник хорош и в труде, и в беседе,
Отважен, как лорд, и прекрасен, как леди.
Другой был невзрачный, пустой паренек,
Но туго набит был его кошелек.

Один обещал ей любовь и заботу,
Другой посулил посерьезнее что-то:
Гнедую лошадку с коротким хвостом,
С уздечкой в колечках, седлом и хлыстом.

Ох, деньги имеют изрядную силу,
Коль можно девицу купить за кобылу.
Приданое — важная в жизни статья,
Но дай мне любовь, дорогая моя!

СВАДЬБА МЭГГИ

Ты знаешь, что Мэгги к венцу получила?
Ты знаешь, что Мэгги к венцу получила?
С крысиным хвостом ей досталась кобыла.
Вот именно это она получила.

Ты знаешь, во что влюблена она пылко?
Ты знаешь, во что влюблена она пылко?
У Мэгги всегда под подушкой бутылка.
В бутылку давно влюблена она пылко.

А знаешь, как с Мэгги жених обвенчался?
А знаешь, как с Мэгги жених обвенчался?
Псаломщик был пьян, а священник качался
В то время, как суженый с Мэгги венчался.

А знаешь, чем кончилось ночью веселье?
А знаешь, чем кончилось ночью веселье?
Жених у постели свалился с похмелья.
Вот так и окончилось это веселье!

ЗАСТОЛЬНАЯ

У женщины нрав порой лукав
И прихотлив и прочее,—
Но тот, в ком есть отвага, честь,—
Нх верный раб и прочее.

И прочее,
И прочее,
И все такое прочее.
Одну из тех, кто лучше всех,
Себе в подруги прочу я.

На свете чту я красоту,
Красавиц всех и прочее.
От них отпасть,
Презреть их власть —
Позор, и грех, и прочее.

Но есть одна. Она умна,
Мила, добра и прочее.
И чья випа, что мне она
Куда милей, чем прочис!

ПЕСНЯ О ЗЛОЙ ЖЕНЕ

Со мной жепа не ладит,
Колотит, а не гладит.
Тому, кто волю даст жене,
Она на шею сядет.

Я в ней мечтал найти покой,
Но, видно, дал я маху.
Ах, никогда порыв благой
Не вел к такому краху.

Одну надежду я таю, —
Что ждет меня награда,
И, верно, буду я в раю,
Отбыв все муки ада!

ПЕСЕНКА О СТАРОМ МУЖЕ

О, если б ты улегся вдруг
В могилу, дряхлый мой супруг,
Твою утешил бы вдову
Веселый горец — милый друг.

На сковородке шесть яиц.
На сковородке шесть яиц.
Тебе — одно, мне — два яйца,
А три — для горца-молодца!

В горшке баранья голова.
В горшке баранья голова.
Похлебка мне, мясо — сму,
А рожки — мужу моему!

ПЕСНЯ

на мотив народной песни «Покупайте веники»

Покупайте веники!
Вот хороший веник,
Веничек из вереска.
Не жалейте денег!

Мне нужна жена —
Лучше или хуже,
Лишь была бы женщиной,
Женщиной без мужа.

Толстая, худая —
Это все равно.
Пусть уродом будет —
По почам темно.

Если молодая,
Буду счастлив с нею.
Если же старуха,
Раньше овдовею.

Пусть детей рожает, —
Было бы охоты.
А бездетной будет —
Меньше мне заботы.

Если любит рюмочку,
Пусть не будет пьяница.
А не любит рюмочки —
Больше мне останется!

О ЛИСИЦЕ,
КОТОРАЯ СОРВАЛАСЬ С ЦЕПИ
И УБЕЖАЛА
ОТ МИСТЕРА ГЛЕНРИДДЕЛЯ

Свободу я избрал сюжетом —
Не ту, любезную поэтам,
Язычницу с жезлом и в шлеме,
Воспетую в любой поэме
Былых времен. Совсем иной
Встает свобода предо мной.

Она мне чудится игривой
Кобылкой юной, легкогривой.
Как яблоко, она крепка,
Как полевая мышь, гладка,
Но неумелому жокею
На всем скаку сломает шею
И, закусивши удила,
Умчится дальше, как стрела.

Теперь, перевернув страницу,
Я расскажу вам про лисицу,
Как меж родных шотландских скал
Охотник рыжую поймал
И как дала дикарка ходу
Из душной клетки на свободу.

Гленриддель, убежденный виг!
Зачем ты, изменив на миг
Своим идеям, дочь природы
Лишил священных прав свободы?
Как мог ты, преданный добру,
Бедняжку ввергнуть в конуру
И цепью приковать, как суку,
К березе, дубу или буку?

Гленриддель, честный гражданин,
Своей отчизны верный сын,
Прогуливаясь у темницы
Сидящей на цепи лисицы,
Ты день за днем, за часом час
С друзьями обсуждал не раз
Великие идеи века —
Права на вольность человека
И право женщины любой
Свободной быть, а не рабой.

Лисица чутко вам внимала.
Она наслушалась немало
О хартиях народных прав,
О судьбах королей, держав,
О якобитах, вигах, тори
И о кровавом их раздоре.

Она услышала рассказ
О том, что делалось до нас, —
Как ангелы в былые годы,
Восстав, отпали от свободы,
За что, покинув райский сад,
Попали на галеры в ад;
Как в голову пришло Немврду
Цепями оковать свободу,
Как был закован пол мужской
Семирамидиной рукой
(Бог покарай Семирамиду
За эту тяжкую обиду!)
И как с тех пор, покинув трон,
Мужья бояться стали жен.

Лиса наслушалась историй,
Как древний Ксеркс — персидский тори —

Не знал важнее ремесла,
Чем резать глотки без числа,
Пока не объяснила Спарта
Ему, что значит «Magna Charta»;
Как диктовал указы Рим
Покорным данникам своим
И как полировал их нравы
Его огонь и меч кровавый.

Однако надо знать и честь, —
Примеров всех не перечесть, —
Но из плеяды знаменитой
Мы упомянем Билли Питта,
Что, как мясник, связав страну,
Распотрошил ее казну.

Все это слушала лисица,
Как ревностная ученица.
Красноречивей сотни книг
Ей объяснил хозяин-виг,
Какой царит у нас порядок,
В чем наша слава, в чем упадок.
Она услышала, что зло
Добра немало принесло,
Поскольку жулики и плуты —
Творцы свободы пресловутой...

НИЧЕГО

С приветом я к вам посылаю
Пегаса — конька своего.
Спросите, чего я желаю,
И я вам скажу: ничего!

Простите беспечность поэта.
Дышу я — и только всего.
А шум деловитого света
Не стóбит подчас ничего.

Процентчика мучат тревоги.
Червонец — его божество.
Но вот подведет он итоги —
И что же найдет? Ничего.

Отвешивать должен поклоны
Вельможа-старик для того,
Чтоб графской добиться короны.
А что ему в ней? Ничего.

Унылая ряса пресвитера —
Заветная цель одного.
Другой добивается митры.
А суть-то одна: ничего.

Влюбленному жизни дороже
На свете одно существо.
Но вот он женился — и что же
Нашел под тряпьем? Ничего.

Рифмует поэт беспокойный
И верит: его мастерство
Торжественных лавров достойно.
А что его ждет? Ничего.

Храбрится буян, угрожая,
Но тщетно его хвастовство,
И, кроме свирепого лая,
Не жди от него ничего.

Не верит поэту девица —
Ни просьбам, ни вздохам его,
Но скоро она убедится,
Что страшного нет ничего.

Ей по сердцу ласки поэта.
Упрямец достиг своего,
А что обещал ей за это?
По правде сказать, ничего...

Священник громит за неверие
С амвона ее и его.
Но попусту бьет артиллерия —
Поправить нельзя ничего.

Прощайте! У бурного моря
Я жду корабля своего.
И, если погибну я вскоре,
Что вам эта смерть? Ничего.

Останусь готовым к услугам
До смертного дня моего —
Коль есть у вас что-нибудь, — другом,
И другом, коль нет ничего!

ДВЕ СОБАКИ

Где в память Койла-короля
Зовется исстари земля,
В безоблачный июньский день,
Когда собакам лаять лень,
Сошлись однажды в час досуга
Два добрых пса, два верных друга.

Один был Цезарь. Этот пес
В усадьбе лорда службу нес.
И шерсть и уши выдавали,
Что был шотландцем он едва ли,
А привезен издалека,
Из мест, где ловится треска.
Он отличался ростом, лаем
От всех собак, что мы встречаем.

Ошейник именной, с замком,
Прохожим говорил о том,
Что Цезарь был весьма почтенным
И просвещенным джентльменом.

Он родовит был, словно лорд,
Но — к черту спесь! — он не был горд
И целоваться лез со всякой
Лохматой грязною собакой,
Каких немало у шатров
Цыган — бродячих мастеров.

У кузниц, мельниц и лавчонок,
Встречая шустрых собачонок,
Вступал он с ними в разговор,
Мочился с ними на забор.

А пес другой был сельский колли,
Веселый дома, шумный в поле,
Товарищ пахаря и друг
И самый преданный из слуг.

Его хозяин — резвый малый,
Чудак, рифмач, затейник шалый —
Решил — кто знает, почему! —
Присвоить колли своему
Прозванье «Люат». Имя это
Носил какой-то пес, воспетый
В одной из песен иль баллад
Так много лет тому назад.

Был этот Люат всем по нраву.
В лихом прыжке через канаву
Не уступал любому псу.
Полоской белой на носу
Самой природою отмечен,
Он был доверчив и беспечен.

Черна спина его была,
А грудь, как первый снег, бела.
И пышный хвост, блестящий, черный,
Кольцом закручен был задорно.

Как братья, жили эти псы.
Они в свободные часы
Мышей, кротов ловили в поле,
Резвились, бегали на воле
И, завершив свой долгий путь,
Присаживались отдохнуть
В тени ветвей над косогором,
Чтобы развлечься разговором.

А разговор они вели
О людях — о царях земли.

Ц е з а р ь

Мой честный Люат! Верно, тяжкий
Удел достался вам, бедняжки.
Я знаю только высший круг,
Которому жильцы лачуг
Должны платить за землю птицей,
Углем, и шерстью, и пшеницей.

Наш лорд живет не по часам,
Встает, когда захочет сам.

Открыв глаза, звонит лакею,
И тот бежит, сгибая шею.
Потом карету лорд зовет —
И копь с каретой у ворот.
Уходит лорд, монеты пряча
В кошель, длинней, чем хвост собачий,
И смотрит с каждой из монет
Георга Третьего портрет.

До ночи повар наш хлопочет,
Печет и жарит, варит, мочит,
Сперва попотчует господ,
Потом и слугам раздает
Супы, жаркие и варенья, —
Что ни обед, то разоренье!
Не только первого слугу
Здесь кормят соусом, рагу,
Но и последний доезжачий,
Тщедушный шут, живет богаче,
Чем тот, кто в поле водит плуг.
А что едят жильцы лачуг, —
При всем моем воображенье
Я не имею представленья!

Л ю а т

Ах, Цезарь, я у тех живу,
Кто дни проводит в грязном рву,
Копаются в земле и в глине
На мостовой и на плотине,

Кто от зари до первых звезд
Дробит булыжник, строит мост,
Чтоб прокормить себя, хозяйку
Да малышей лохматых стайку.

Пока работник жив-здоров,
Есть у ребят и хлеб и кров,
Но если в нищенский приют
Подчас болезни забредут,
Придет пора неурожаев
Иль не найдет бедняк хозяев, —
Нужда, недуги, холода
Семью рассеют навсегда...

А все ж, пока не грянет буря,
Они живут, бровей не хмурия.
И поглядишь, — в конце концов
Немало статных молодцов
И прехорошеньких подружек
Выходит из таких лачужек.

Цезарь

Однако, Люат, вы живете
В обиде, в нищете, в заботе.
А ваши беды замечать
Не хочет чопорная знать.
Все эти лорды на холопов —
На землеробов, землекопов —
Глядят с презреньем, свысока,
Как мы с тобой на барсука!

Не раз, не два я видел дóма,
Как управитель в день приема
Встречает тех, кто в точный срок
За землю уплатить не мог.
Грозит отнять у них пожитки,
А их самих раздеть до нитки.
Погами топает, кричит,
А бедный терпит и молчит.
Он с малых лет привык бояться
Мошенника и тунеядца...

Не знает счастья нищий люд.
Его удел — пужда и труд!

Люат

Нет, несмотря на все напасти,
И бедняку знакомо счастье.
Знавал он голод и мороз —
И не боится их угроз.
Он не пугается соседства
Нужды, знакомой с малолетства.
Богатый, бедный, старый, юный —
Все ждут подарка от фортуны.
А кто работал выше сил,
Тем без подарка отдых мил.

Нет лучшей радости на свете,
Чем свой очаг, жена и дети,
Малюток резвых болтовня
В свободный вечер у огня.
А кружка пенсовая с пивом
Любого сделает счастливым.
Забыв нужду на пять минут,
Беседу бедняки ведут
О судьбах церкви и державы
И судят лондонские нравы.

А сколько радостей простых
В осенний праздник всех святых!
Так много в городах и селах
Затей невинных и веселых.
Людей в любой из деревень
Роднит веселье в этот день.
Любовь мигает, ум играет,
А смех заботы разгоняет.

Как ни нуждается народ,
А Новый год есть Новый год.
Пылает уголь. Эль мятежный
Клубится пеной белоснежной.
Отцы усядутся кружком
И чинно трубку с табаком
Передают один другому.
А юность носится по дому.
Я от нее не отстаю
И лаю, — так сказать, пою.

Но, впрочем, прав и ты отчасти.
Нередко плут, добившись власти,
Рвет, как побеги сорняков
Из почвы, семьи бедняков,

Стремясь прибавить грош к доходу,
А более всего — в угоду
Особе знатной, чтобы с ней
Себя связать еще тесней.
А знатный лорд идет в парламент
И, проявляя темперамент,
Клянется — искренне вполне —
Служить народу и стране.

Цезарь

Служить стране?.. Ах ты, дворняжка!
Ты мало знаешь свет, бедняжка.
В палате досточтимый сэр
Повторит, что велит премьер.
Ответит «да» иль скажет «нет»,
Как пожелает кабинет.

Зато он будет вечерами
Блестать и в опере, и в драме,
На скачках, в клубе, в маскараде,
А то возьмет и скуки ради
На быстрокрылом корабле
Махнет в Гаагу и в Кале,
Чтобы развлечься за границей,
Повеселиться, покружиться
Да изучить, увидев свет,
Хороший тон и этикет.

Растратит в Вене и Версале
Фунты, что деды наживали,
Заглянет по пути в Мадрид,
И на гитаре побренчит,
Да полюбуется картиной
Боев испанцев со скотиной.

Неаполь быстро оглядев,
Ловить он будет смуглых дев.
А после на немецких водах
В тиши устроится на отдых
Пред тем, как вновь пуститься в путь,
Чтоб свежий вид себе вернуть
Да смыть нескромный след, который
Оставлен смуглою синьорой...

Стране он служит?.. Что за вздор!
Несет он родине позор,
Разврат, раздор и униженье.
Вот каково его служенье!

Люат

Я вижу, эти господа
Растратят скоро без следа
Свои поля, свои дубравы...

Порой и нас мутит лукавый.
— Эх, черт возьми! — внушает черт.—
Пожить бы так, как этот лорд!..

Но, Цезарь, если б наша знать
Была согласна променять
И двор и свет с его отравой
На мир и сельские забавы,—
Могли прожить бы кое-как
И лорд, и фермер, и батрак.

Не знаешь ты простого люда.
Он прям и честен, хоть с причудой.
Какого черта говорят,
Что он и зол и плутоват!
Ну, срубит в роще деревцо,
Ну, скажет лишнее словцо
Иль два по поводу зазнобы
Одной сиятельной особы.
Ну, принесет к обеду дичь,
Коль удалось ее настичь,
Подстрелит зайца на охоте
Иль куропатку на болоте.
Но честным людям никогда
Не причиняет он вреда.

Теперь скажи: твой высший свет
Вполне ли счастлив или нет?

Цезарь

Нет, братец, поживи в палатах —
Иное скажешь о богатых!
Не страшен холод им зимой,
И не томит их летний зной,
И непосильная работа
Не изнуряет их до пота,
И сырость шахт или канав
Не гложет каждый их сустав.
Но так уж человек устроен:
Он и в покое неспокоен.
Где нет печалей и забот,
Он сам беду себе найдет.
Крестьянский парень вспашет поле —
И отдохнет себе на воле.

Девчонка рада, если в срок
За прялкой выполнит урок.
Но люди избранного круга
Не терпят тихого досуга.

Томит их немочь, вялость, лень.
Бесцветным кажется им день,
А ночь — томительной и длинной,
Хоть для тревоги нет причины.

Не веселит их светский бал,
Ни маскарад, ни карнавал,
Ни скачка бешеным галопом
По людным улицам и тропам...
Все напоказ, чтоб видел свет,
А для души отрады нет!

Кто проиграл в турнире партий,
Находит вкус в другом азарте —
В почной разнузданной гульбе.
А днем им всем не по себе.
А наши леди!.. Сбившись в кучку,
Они, друг дружку взяв под ручку,
Ведут душевный разговор...
Принять их можно за сестер.

Но эти милые особы
Полны такой взаимной злобы,
Что, если б высказались вслух,
Затмить могли чертей и шлюх.

За чайной чашечкой в гостиной
Они глотают яд змеиный.
Потом, усевшись за столы,
Играют до рассветной мглы
В картишки — в чертовы картинки.
Плутуют нагло, как на рынке,
На карту ставят весь доход
Крестьянина за целый год,
Чтобы спустить в одно мгновенье...

Бывают, правда, исключения —
Без исключений правил нет, —
Но так устроен высший свет...

Давно уж солнце скрылось прочь,
Пришла за сумерками ночь...
Мычали на лугу коровы,
И жук гудел струной басовой,
И вышел месяц в небеса,
Когда простились оба пса.
Ушами длинными тряхнули,
Хвостами дружески махнули,
Пролаяв: — Славно, черт возьми,
Что бог не создал нас людьми!

И, потрепав один другого,
Решили повстречаться снова.

ЖАЛОБА ДЕВУШКИ

Я часто плачу по ночам
И каялась не раз,
Что верила твоим речам
И взорам лживых глаз.

Где нежный цвет девичьих щек?
А был он так румян!
Где прежний тесный поясок,
Что стягивал мой стан?

Я часто слышу злобный смех
Соседок за собой,
Хоть не один сокрытый грех
Найдется у любой.

Отец мой, вспомнив обо мне,
Ниц опускает взор.
И плачет матушка во сне,
Припомнив мой позор.

Услышав тяжкий шаг отца,
Я прятаться бегу,
И материнского лица
Я видеть не могу.

Был сладок цвет любви моей,
Но горький плод принес.
И каждый взгляд твоих очей
Мне стоил многих слез.

Пускай же радостного дня
Не будет у того,
Кто бросил в рубище меня
И сына своего!

ПРО КОГО-ТО

Моей душе покоя нет.
Весь день я жду кого-то.
Без сна встречаю я рассвет —
И все из-за кого-то.

Со мною нет кого-то.
Ах, где найти кого-то!
Могу весь мир я обойти,
Чтобы найти кого-то.

О вы, хранящие любовь
Неведомые силы,
Пусть невредим вернется вновь
Ко мне мой кто-то милый.

Но нет со мной кого-то.
Мне грустно отчего-то.
Клянусь, я все бы отдала
На свете для кого-то!

ПОДРУГА МОРЯКА

Чуть забудусь сном желанным,
Слышу гул морских валов.
Пусть мой друг за океаном
Будет счастлив и здоров.

Страх с надеждою счастливой
В сердце борются моем.
Над подушкой сиротливой
Тени шепчутся о нем.

Кто не знал тоски разлуки,
В чьей груди тревоги нет,
Счастья полный, чуждый муки
Любит солнечный рассвет.

Мне же ночь и сон милее.
Пусть не тает тьмы покров,
Чтобы слышала во сне я
Дальний плеск морских валов.

Д Э В И

Когда в цветы румяный май
Оденет наш зеленый край,
Я выйду словно невзначай
К тебе, мой милый Дэви.

Жди за Ведьминым холмом,
Милый Дэви, стройный Дэви.
Вместе день мы проведем,
Мой милый, стройный Дэви.

Как серебро, звенит ручей,
Поет влюбленный соловей,
И веет свежестью полей,
Когда брожу я с Дэви.

Едва зардевший небосклон
Встревожит зайца чуткий сон
И по росе поскачет он, —
Иду навстречу Дэви.

Когда ж погаснет свет дневной
И сумрак ляжет пеленой,
Свои объятия мне раскрой,
Мой милый, стройный Дэви!

Кого пошлем мы заседать
В парламенте и прочее?
Кто лучше может оправдать
Такие полномочия?

При всем при том,
При всем при том
Кого из нашей знати
Иль из народа мы пошлем
Решать дела в палате?

Вот мистер Гэрон. Кто из вас
Не знает патриота?
Кто не ходил к нему хоть раз
В открытые ворота?

При всем при том,
При всем при том
Он нам давно известен
И независимым умом,
И тем, что сердцем честен.

Достойных парней и подруг
В краю у нас немало,
Но Селькерк любит светский круг.
Как Селькерку пристало.

При всем при том,
При всем при том
К чему нам род старинный?
Не лорда в Лондон мы пошлем,
Пошлем мы гражданина!

Не в званьях суть и не в чинах,
Видали мы воочию,
Что лорд в блестящих орденах
Бывает глуп и прочее.

При всем при том,
При всем при том
Одно мы знаем твердо:
Что шут останется шутом
И в гордом званье лорда!

К нам едет хлыщ из-за холмов
С мошной родни богатой.
Безусый мальчик нас готов
Купить, как скот рогатый.

При всем при том,
При всем при том
Не пришлым шалопаям,—
Мы тем свой голос отдаем,
Кого давно мы знаем!

За дело Стюартов, друзья,
За Герона и прочее.
Ему мы все — одна семья —
Доверим полномочия.

При всем при том,
При всем при том
Не кошельку, не знати —
Мы голос чести отдаем
На благо всей палате!

ПЛЕНИТЬСЯ МОГ БЫ Я ТОБОЙ

Плениться мог бы я тобой:
Так хороша ты и мила, —
Когда бы ты к мольбе любой
Столь благосклонна не была.

Конечно, щедрость не порок,
Но ты любовь и доброту
Даришь, как глупый ветерок,
Что всех целует на лету.

Цветок шиповника в росе
Теряет блеск и аромат,
Когда его ласкают все,
Когда руками он измят.

Еще дано тебе цвести,
Но наконец настанет срок, —
Ты будешь брошена в пути,
Как этот сорванный цветок.

Сэнди и Джюки были соседи.
Сэнди был первым в застойной беседе.
Джоки — наследник отцовских поместий —
Мог бы понравиться каждой невесте.

Джоки женился на Мэджи богатой.
Сэнди — на Мэри без всякой приплаты
Джоки женился на деньгах тестя.
Сэнди нашел свое счастье в невесте.

* * *

Пора отчалить кораблю.
На много дней, на много лет
Умчится та, кого люблю,
И за кормою ляжет след

Бродить я буду меж камней,
На островок глядеть в тоске.
Здесь я в слезах простился с ней,
Там скрылся парус вдалеке.

Как часто с этой крутизны,
Где птицы жадные кричат,
Под гул крутящейся волны
Смотреть я буду на закат.

Благословен тот райский сад,
Где Нэнси бродит в тишине
И там, где все ласкает взгляд,
Немножко помнит обо мне.

* * *

Ты не там спала, где надо,
Ты спала не там.
Ты постель свою делила
С кем-то пополам.

С лица румянец твой сошел
От той бессонной ночи.
И платья твоего подол
Как будто стал короче.

Попала девушка впросак.
Тебе придется тяжело.
От всякой снеди натошак
Мутит тебя, бедняжка.

Под небом ночь ты провела.
Ты пела и плясала.
Но, видно, жадная пчела
Девчонку искусала.

Ты не там спала, девчонка
Ты спала не там,
Ты постель свою делила
С кем-то пополам.

* * *

Что сделала со мною мать,
Родная мать,
Родная мать.
Что сделала со мною мать
Во вторник поздней ночью:

Мне приказала лечь в кровать,
Такую мягкую кровать,
И, уложив меня в кровать,
Сказала: «Доброй ночи!»

Священник тоже поднултил —
Так подшутил!
Так подшутил!
Так надо мной он поднултил,
Сыграл со мною шутку:

Чужого парня напустил,
Большого парня напустил,
Верзилу-парня напустил
На бедную малютку!

Мои подруги и родня,
Моя родня,
Моя родня —
Одну оставили меня
Во вторник поздней ночью.

Одну оставили меня,
Не заступились за меня,
А я боялась, как огня,
Мужчины поздней ночью!

* * *

Сердца быстрое биенье
Мерит каждое мгновенье.
Так на кузнице в селенье
Молоточками куют,
В наковальню гулко бьют.

Обманул меня мой милый —
Тот, кого я так любила,
А забыть его нет силы.
Полно, сердце, не стучи,
Полно, сердце, замолчи.

* * *

Властитель ног да и сердец!
Какой в Шотландии певец
Не принесет хвалы венец
Твоей чудесной скрипке?

Был бы скучен этот свет,
Очень скучен, однозвучен,
Был бы скучен этот свет,
Скучен без улыбки!

Всю землю обойди вокруг,
Пойди на север и на юг —
Повсюду скука, милый друг,
Где нет тебя и скрипки.

Пусть нас зовет церковный причт
Или профессор — старый хрыч,
Чудесней таинства постичь,
Чем те, что знает скрипка.

САДОВНИК С ЛОПАТОЙ

Когда оденет Май в цветы
Деревья, травы и кусты,
Найдешь в саду до темноты
Садовника с лопатой.

Поют ключи зеленый луг.
Щеглы, дрозды зовут подруг.
И дышит негой все вокруг
Садовника с лопатой.

Едва багряный небосклон
Встревожит зайца чуткий сон,
Из-за кустов мы слышим звон
Садовничьей лопаты.

А только солнца шар зайдет
И полог ночи упадет,
Подруга ласковая ждет
Садовника с лопатой.

ДОМИК У РУЧЬЯ

— Куда торопишься чуть свет —
Направо или прямо? —
Она надменно мне в ответ:
— Куда послала мама!

— Где ты живешь, душа моя? —
Я продолжал упрямо.
Она сказала: — У ручья
Живу с моею мамой.

Нашел я домик у ручья,
И ночь прошла мгновенно.
А утром девушка моя
Была не столь надменна.

Пусть петуха заест хорек!
Заря еще не встала, —
Старуха-мать с постели — скок!
И нас вдвоем застала.

Она меня прогнала прочь,
Послав мне град проклятий,
И ну стегать бедняжку-дочь,
Стащив ее с кровати.

В твой тихий домик у ручья
Пришел бы я, малютка,
Когда бы матушка твоя
Спала не слишком чутко!

* * *

Побывал я между скал,
Славный парень, статный парень,
Вилли с братией видал,
Славный горский парень.

Там земли родной враги,
Славный парень, статный парень,
Заплатили нам долги,
Славный горский парень.

Так конец себе нашли,
Славный парень, статный парень,
Те, что села наши жгли,
Славный горский парень.

Греет черт сковороду,
Славный парень, статный парень,
Жарить герцога в аду,
Славный горский парень.

Заскулил кровавый пес,
Славный парень, статный парень,
Насмешил чертей до слез,
Славный горский парень.

ПЕСЕНКА

Жила-была тетка под старою ивой,
Она джентльменам готовила пиво.
Скрбгам.

У теткиной дочки была лихорадка.
Священник дрожал от того же припадка.
Раффам.

И тетка, желая прогнать лихорадку,
Обоих в одну уложила кроватьку.
Скрогам.

Боьного согрел лихорадочный пыл,
И жар у больной понемногу остыл.
Раффам.

* * *

Что предо мной король Луи
И Джордж с морскою силою!
Я предъявил права свои
На сердце Джинни милой.

Я избран ею в короли.
Пускай же вьются флаги.
Все государи всей земли
Передо мной — бродяги!

НА БЕРЕГУ РЕКИ ЭЙР

Спустился быстро мрак ночной,
Протяжен ветра дикий вой,
И тучи, полные дождя,
Несутся, цепью проходя.
Ушли охотники с болот,
И птицы над равниной вод
Слетелись вновь. А я с тоской
Брожу над Эйром, над рекой.

Оплакивает осень рожь,
Что полегла на нивах сплошь.
Полет зловещий ранних бурь
Смутил осеннюю лазурь.
Как страшно слышать грозный шквал
И ждать, что скоро пенный вал
Умчит, всем чувствам вопреки,
Меня от Эйр — родной реки.

Не разъяренная волна
В открытом море мне страшна,
Не смерть в бездонной глубине
Или в неведомой стране.
Но должен я, отчизна-мать,
Те узы кровные порвать,
Что в сердце раненом моем
Так прочно стянуты узлом.

И скоро будет далека
Моя родимая страна,
Места, где дорог каждый след
Любви и дружбы прежних лет.
Привет друзьям, врагам моим.
Любовь — одним и мир — другим.
Прощайте, травы, тростники
Родимой Эйр — моей реки!

* * *

У мамы тихо я росла
И так боюсь людей чужих.
О сэр, с ума бы я сошла
Наедине с одним из них!

П р и п е с:

Я так мала, я так мала.
Еще так рано стать мне дамой,
И я бы, право, не могла
На долгий срок расстаться с мамой.

Мне накануне рождества
Ночной наряд купила мать,
Но я боюсь, что кружева
Мне после свадьбы могут смять.

Побыть на свадьбе я не прочь,
Чтобы потом уйти домой.
Но так долга зимою ночь,
Что не пойду за вас зимой.

Вам лучше лета подождать,
Когда все яблони в цвету.
Вы приходите к нам опять,
Когда чуть-чуть я подрасту!

ПОЕДЕШЬ ЛИ В ИНДИЮ,
МЭРИ?

Поедешь ли в Индию, Мэри,
Покинув родимый кров?
Поедешь ли в Индию, Мэри,
По гребням гремящих валов?

Там зреют лимоны, маслины,
Растет ананас золотой.
Но что в этой Индии дальней
Сравнится с твоей красотой?

Клянусь я, что буду я верен
Тебе до последнего дня.
И если забуду я Мэри,
Пусть небо забудет меня.

И ты поклянись, моя Мэри,
Лилейную руку мне дай
Пред тем, как от родины милой
Умчусь я в неведомый край.

Любви нерушимая клятва
Связала невидимо нас.
И если судьба нас разделит,
Будь проклят тот день и час!

— Пришел ли ты пасти овец
Со мной в тиши лесной, брат,
Иль с поля битвы ты беглец
И видел страшный бой, брат?
— Бой Шерамурский был жесток.
Кровавый пенился поток,
Нам страх сердца сжимал в комок.
Такой был гром. И напролом
В лохмотье клетчатом своем
Шотландцы мчались в бой с врагом,
Что шел из трех краев, брат.

Мундиров ярко-красных рать
Не стала наших ждать, брат.
Пустилась жать да напирать,
Стволы в лесу ломать, брат.
Аргайль великий вел солдат.
Оружья сталь слепила взгляд,
Круша людей за рядом ряд.
Враги неслись, как саранча,
Рубили, резали сплеча
И тех топтали сгоряча,
Кто медлил умирать, брат.

Но парни в юбочках, плащах
И клетчатых штанах, брат,
Сомкнули строй, посеяв страх
Во вражеских рядах, брат.
Хоть силы вражьи велики,
Но задрожали их полки,
Когда послышалось: «В штыки!»
Когда клинок был обнажен
И с гневом вырван из ножен,
И дерзкий враг был поражен,
Бежал он впопыхах, брат.

Он показал такую рысь,
Какой не знал сам черт, брат.
Мы по пятам за ним гнались —
Сперва загнали в Форт, брат.
В Данблейне, поджигая хвост,

Он перебрался через мост
И полетел, стремглав, как дрозд.
Но запер Стерлинг-городок
Свои ворота на замок.
Любой солдат от страха взмок,
Хоть был недавно горд, брат...

* * *

Как мне не плакать день и ночь!
Мой друг-моряк умчался прочь,
Как мне унять тоску свою?
Он на морях с врагом в бою.
Лягу спать и встану вновь —
Он со мной — моя любовь.
Ночью сны, а мысли днем
Все о нем, всегда о нем.

На волнах и далеко,
В безбрежном море — далеко.
Ночью сны, а мысли днем —
О нем, кто в море далеко.

Когда томлюсь я в летний зной
И овцы сонные со мной, —
Подо мной дрожит земля.
То друг стреляет с корабля!
Пусть в бою его щадят
Лихая пуля и снаряд.
Судьба, ты мне конец пошли,
А не тому, кто там — вдали.

Не тому, кто далеко,
В безбрежном море — далеко.
Ночью сны, а мысли днем —
Лишь о нем, кто далеко.

А когда ложится тьма,
И за окном ревет зима,
И не глядит луна с небес,
И буря гнет угрюмый лес,

Я слышу волн морских прибой
И обращаюсь к ним с мольбой:
О, пощадите корабли
От милой родины вдали!

На морях и далеко,
В безбрежном море — далеко.
Ночью сны, а мысли днем —
О нем, кто в море далеко.

* * *

Оставьте романы!
В них только обманы.
Немало сердец уловил,
Поймав на крючок,
Что спрятан меж строк,
Безжалостный Роберт Моссгил.

Сперва «Грандисон»
Развеял ваш сон,
А после «Том Джонс» возмутил
Покой ваш девичий,
Чтоб стать вам добычей
Таких молодцов, как Моссгил.

* * *

Мою ладонь твоей накрой,
Твоей накрой,
Твоей накрой
И поклянись своей рукой,
Что будешь ты моя.

Я знал любви слепую власть,
И многих мук мне стоит страсть,
Но я любовь готов проклясть,
Пока ты не моя.

Мгновенный взор девичьих глаз
Мне сердце покорял не раз,
Но полюбил я лишь сейчас,
Красавица моя.

Мою ладонь твоей накрой,
Твоей накрой,
Твоей накрой
И поклянись своей рукой,
Что будешь ты моя!

* * *

Наследница-дочь на охоте была,
Пеленок с собой она в лес не взяла,
А ночью ребенка в лесу родила
И в свой завернула передник.

Передник был соткан из чистого льна,
Из белого, тонкого шит полотно.
Так вот малыша завернула она
В свой тонкий голландский передник.

В ту ночь пировал в своем замке старик.
Из бочки струилось вино, как родник.
И вдруг среди ночи послышался крик
Того, кто завернут в передник.

— Какой там ребенок кричит во всю мочь
На той половине, где спит моя дочь?
Его унесите немедленно прочь.
А ну, разверните передник.

— Да, это ребенок, а я его мать.
И, значит, он будет вас дедушкой звать.
Отец его будет ваш преданный зять,
А он — ваш достойный наследник.

— Да кто он такой — из дворян, из крестьян,
Тот дерзкий, что обнял твой девичий стан?
Кому только нужен крикун-мальчуган,
Завернутый в этот передник?

— Мой будущий муж в Эдинбурге живет.
Он первым из первых в столице слышет,
Он золотом шитый наряд мне пришлет,
Узнав, кто завернут в передник.

— Послушай-ка, дочка, твои терема
И все мои башни, дворы и дома,
Амбары с мукой и с зерном закрома
Получит мой внук и наследник,
Завернутый в этот передник!

* * *

Когда деревья обнажил
Своим дыханьем север,
Осенним вечером бродил
Я над рекою Эйр.
Мне где-то встретился старик,
В пути он изнемог
И головой седой поник
Под бременем тревог.

Меня спросил он: — Пешеход,
Куда ты держишь путь?
Богатства власть тебя ведет
Иль страсть волнует грудь?
А может, ты узнать успел
Невзгоды бытия
И горько на людской удел
Ты сетуешь, как я?

Под солнцем, где простерлась гладь
Лугов, степей, болот,
Везде на чопорную знать
Работает народ.
Светил мне дважды сорок лет
Усталый луч зимы,
Пока я понял, что на свет
Для мук родились мы.

Покамест молод человек,
Он не щадит часов,
За мигом миг короткий век
Растратить он готов.
Безумью предается он.
Страстям преграды нет,
Пока поймет он, что рожден
Для горестей на свет.

Умчится молодость, как дым,
И те года пройдут,
Когда полезен ты другим
И веришь сам в свой труд.
Нужда и старость — хуже пет
На всей земле четы.
Тогда увидишь, что на свет
Для мук родился ты.

* * *

Мой Джоки — славный молодец.
Никто в окрестности у нас
Так не зовет рожком овец,
Так не ведет девчонку в пляс.

Сказал он: пет синее глаз,
Пет стана тоньше моего.
О, как блажен короткий час,
Когда кругом нет никого.

Он целый день пасет овец
В грозу и ливень, в снег и зной.
Я жду: когда же наконец
Погонит стадо он домой!

И только вечером я с ним.
Меня в объятия заключив,
Клянется Джоки быть моим
И быть со мной, куда жив.

* * *

Когда молодежь на траве среди луга
Плясала под вечер Иванова дня,
Я вновь увидела неверного друга,
И рана открылась в душе у меня.

О скорби своей не скажу я ни слова.
Меня мой любимый успел разлюбить,
Но, может быть, в мире я встречу другого.
Не мог же он сердце навеки разбить.

До света мне слезы уснуть не давали,
Лились, будто ливень из туч грозовых.
Ах, горькие слезы, без вас бы едва ли,
Любовь пережив, я осталась в живых.

Пушкой серебро его блеском пленило,
Неверного друга не стану винить.
Но, если мне сердце его изменило,
Мое не могло бы ему изменить.

КРАСАВИЦЫ ДЕРЕВНИ МОХЛИИ

В деревне Мохли́и есть на славу невесты,
Красавиц таких нелегко отыскать.
Их платья, походка, манеры и жесты
Парижа и Лондона носят печать.

Мисс Миллар стройнее и тоньше, чем фея.
Мисс Марклайд мила, но умнее мисс Смит.
Мисс Бетти — румяна, мисс Мортон — с прищипым,
Но всех их, конечно, Джин Армор затмит.

* * *

Всеми забыта, нема,
Лишена тепла и движенья
Та, что была мотыльком
И летела на свет и тепло.

Только скудость ума
Отказать ей могла в уваженье,
Только отсутствие сердца
В любви отказать ей могло.

МИСС ФЕРРЬЕР

Норвал поэт и драматург
С язычицами узы.
Их в грош не ставит Эдинбург, —
Там есть живые музы.

Гомер прославил девять муз,
Но к черту суеверье!
Гораздо лучше девять мисс,
Прекрасных, как мисс Феррьер.

Вчера я был окутан мглой
И шел в тоске, в печали.
Закрыв туман густой, сырой
Передо мною дали.

Мой дух в унынии погряз,
Барахтался в бессилье.
Но на углу я встретил вас
И снова поднял крылья.

Я вам стихи на память шлю,
Навеянные вами.
И небеса за вас молю
И прозой и стихами!

* * *

Веселый май одел кусты.
Раскрылись свежие цветы.
В лучах зари проснулась ты,
Прелестнейшая Хлоя.

Набросив плащ, надев чулки,
Ты вышла к берегу реки,
О, как шаги твои легки,
Прекраснейшая Хлоя.

Ты, как утро, хороша,
Чудо-Хлоя, прелесть-Хлоя.
Шла ты лугом, не спеша,
Чудеснейшая Хлоя.

* * *

Люблю один я городок,
А в нем люблю я дом один —
За то люблю я этот дом,
Что в нем живет малютка Джин.

Никто, никто узнать не мог,
Куда спешу я вновь и вновь.
Про это знает только бог
И только ты, моя любовь.

Ты ждешь во мраке под листвой
В полночный час, в урочный час.
Завидев нежный облик твой,
Люблю я больше во сто раз.

ЭПИГРАММЫ

К ПОРТРЕТУ ДУХОВНОГО ЛИЦА

Нет, у него не лживый взгляд,
Его глаза не лгут.
Они правдиво говорят,
Что их владелец — плут.

ЭПИТАФИЯ БЕЗДУШНОМУ ДЕЛЬЦУ

Здесь Джон покоится в тиши.
Конечно, только тело...
Но, говорят, оно души
И прежде не имело!

ПОКЛОННИКУ ЗНАТИ

У него — герцогиня знакомая,
Пообедал он с графом на днях...

Но осталось собой насекомое,
Побывав в королевских кудрях.

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ
ШКОЛЬНОГО ПЕДАГА

В кромешный ад сегодня взят
Тот, кто учил детей.
Он может там из чертей
Воспитывать чертей.

ПРИ ПОСЕЩЕНИИ
БОГАТОЙ УСАДЬБЫ

Наш лорд показывает всем
Прекрасные владенья...

Так свнух знает свой гарем,
Не зная наслажденья.

НА ЛОРДА ГАЛЛОУЭЙ

I

В его роду известных много,
Но сам он не в почете.
Так древнеримская дорога
Теряется в болоте...

II

Тебе дворец не ко двору.
Попробуй отыскать
Глухую, грязную нору —
Душе твоей под стать!

КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ

Пусть книжный червь — жилец резного шкафа
В поэзии узоры прогрызет,
Но, уважая вкус владельца-графа,
Пусть пощадит тисненый переплет!

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

Прошел Джон Бушби честный путь.
Он жил с моралью в дружбе.
Попробуй, дьявол, обмануть
Такого Джона Бушби!

О ЧЕРЕПЕ ТУПИЦЫ

Господь во всем, конечно, прав.
Но кажется непостижимым,
Зачем он создал прочный шкаф
С таким убогим содержимым!

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ СЕЛЬСКОГО ВОЛОКИТЫ

Рыдайте, добрые мужья,
На этой скорбной тризне.
Сосед покойный, слышал я,
Вам помогал при жизни.

Пусть школьников шумливый рой
Могилы не тревожит...
Тот, кто лежит в земле сырой,
Был им отцом, быть может!

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОДНОЙ ОСОБЫ

В году семьсот сорок девятом
(Точнее я не помню даты)
Лепить свинью задумал черт.
Но вдруг в последнее мгновенье
Он изменил свое решенье,
И вас он вылепил, милорд!

ПОТОМКУ СТЮАРТОВ

Нет, вы — не Стюарт, ваша честь.
Бесстрашны Стюартов сердца.
Глупцы в семействе этом есть,
Но не бывало подлеца!

НА БЛАГОДАРСТВЕННОМ МОЛЕБНЕ ПО СЛУЧАЮ ПОБЕДЫ

О лицемерье, служишь ты молебны
Над прахом всех загубленных тобой.
Но разве нужен небу гимн хвалебный
И благодарность за разбой?

ОТВЕТ «ВЕРНОПОДДАННЫМ УРОЖЕНЦАМ ШОТЛАНДИИ»

Вы, верные трону, безропотный скот,
Пируйте, орите всю ночь напролет.

Позор ваш — надежный от зависти щит.
Но что от презрения вас защитит?

ПРИ ПОСЕЩЕНИИ РАЗРУШЕННОГО ДВОРЦА ШОТЛАНДСКИХ КОРОЛЕЙ

Когда-то Стюарты владели этим тронном
И вся Шотландия жила по их законам.
Теперь без кровли дом, где прежде был престол,
А их венец с державой перешел
К чужой династии, к семье из-за границы,
Где друг за другом следуют тупицы.
Чем больше знаешь их, тиранов наших дней,
Тем презираешь их сильней.

ПЕРЕВОДЧИКУ МАРЦИАЛА

О ты, кого поэзия изгнала,
Кто в нашей прозе места не нашел, —
Ты слышишь крик поэта Марциала:
«Разбой! Грабеж! Меня он перевел!..»

ОТВЕТ НА УГРОЗУ
ЗЛОНАМЕРЕННОГО КРИТИКА

Немало льву вражда ударов нанесла,
Но сохрани нас бог от ярости осла!

АКТРИСЕ МИСС ФОНТЕНЕЛЛЬ

Эльф, живущий на свободе,
Образ дикой красоты,
Не тебе хвала — природе.
Лишь себя играешь ты!

Позабудь живые чувства
И природу приневоль,
Лги, фальшивь, терзай искусство —
Вот тогда сыграешь роль!

К ПОРТРЕТУ
ИЗВЕСТНОЙ МИСС БЕРНС

Полно вам шипеть, как змеи!
Всех затмит она собой.
Был один грешок за нею...
Меньше ль было у любой?

ЯРЛЫЧОК НА КАРЕТУ
ЗНАТНОЙ ДАМЫ

Как твоя госпожа, ты трещишь, дребезжа,
Обгоняя возки, таратайки,
Но слетишь под откос, если оси колес
Ненадежны, как сердце хозяйки!

О ЗОЛОТОМ КОЛЬЦЕ

— Зачем надевают кольцо золотое
На палец, когда обручаются двое? —
Меня любопытная леди спросила.

Не став пред вопросом в тупик,
Ответил я так собеседнице милой:
— Владеет любовь электрической силой,
А золото — проводник!

КРАСАВИЦЕ. ПРОПОВЕДУЮЩЕЙ СВОБОДУ И РАВЕНСТВО

Ты восклицаешь: «Равенство! Свобода!»
Но, милая, слова твои — обман.
Ты ввергла в рабство множество народа
И властвуешь бездушно, как тиран.

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ ЭСКВАЙРА, КОТОРЫЙ БЫЛ ПОД БАШМАКОМ У ЖЕНЫ

Со дней Адама все напасти
Пристекают от жены.
Та, у кого ты был во власти,
Была во власти сатаны.

ЭПИТАФИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ЛАТЫНИ

Тебе мы кланяемся низко,
В последний раз сказав: «Амишь!»
Грешил ты редко по-английски.
Пусть бог простит твою латынь!

МИСС ДЖИННИ СКОТТ

О, будь у скóттов каждый клан
Таким, как Джинни Скотт,—
Мы покорили б англичан,
А не наоборот.

ЛОРД-АДВОКАТ

Слова он сыпал, обуян
Ораторским экстазом,
И краспоречия туман
Ему окутал разум.

Он стал затылок свой скрести,
Пуждаясь в смысле здоровом,
И где не мог его найти,
Заткнул прорехи правом...

ПРОПОВЕДНИКУ ЛЕМИНГТОНСКОЙ ЦЕРКВИ

Нет злее ветра этих дней,
Нет церкви — этой холодней.
Не церковь, а какой-то лёдник.
А в ней холодный проповедник.

Пусть он согреется в аду,
Пока я вновь сюда приду!

ТРАКТИРЩИЦЕ ИЗ РОСЛИНА

Достойна всякого почета
Владений этих госпожа.
В ее таверне есть работа
Для кружки, ложки и ножа.

Пускай она, судьбой хранима,
Еще полвека проживет.
И — верьте! — не промчусь я мимо
Ее распахнутых ворот!

О ПЛОХИХ ДОРОГАХ

Я ехал к вам то вплавь, то вброд.
Меня хранили боги.
Не любит местный ваш народ
Чинить свои дороги.

Строку из Библии прочти,
О город многогрешный:
Коль ты не выпрямишь пути,
Пойдешь ты в ад кромешный!

НА Д П И С Ь НА МОГИЛЕ ЧЕСТОЛЮБЦА

Покойник был дурак и так любил чины,
Что требует в аду короны сатаны.

— Нет,— молвил сатана.— Ты зол, и даже слишком,
Но надо обладать каким-нибудь умишком!

Э П И Т А Ф И Я ТВЕРДОЛОБОМУ ТРУСУ

Клади земли тончайший слой
На это сердце робкое,
Но башню целую построй
Над черепной коробкою!

Х У Д О Ж Н И К У

Прими мой дружеский совет:
Писать тебе не надо
Небесных ангелов портрет.
Рисуй владыку ада!

Тебе известней адский лорд,
Чем ангел белокурый.
Куда живее выйдет черт,
Написанный с натуры!

ДЕВУШКЕ
МАЛЕНЬКОГО РОСТА

На то и меньше мой алмаз
Гранитной темной глыбы,
Чтобы дороже во сто раз
Его ценить могли бы!

ЭПИТАФИЯ
ВЛАДЕЛЬЦУ УСАДЬБЫ

Джемс Грив Богхэд
Был мой сосед,
И, если в рай пошел он,
Хочу я в ад,
Коль райский сад
Таких соседей полон.

НЕТЛЕННЫЙ КАПИТАН

Пред тем, как предать капитана могиле,
Друзья бальзамировать сердце решили.
— Нет, — молвил прохожий, — он так ядовит,
Что даже червяк от него убежит!

В ЗАЩИТУ АКЦИЗНОГО

Вам, остроумцам, праздным и капризным,
Довольно издеваться над акцизным.

Чем лучше ваш премьер или священник,
С живых и мертвых требующий денег
И на приход глядящий с укоризной?
Кто он такой? Духовный ваш акцизный!

КАПИТАНУ РИДДЕЛИЮ
ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ ГАЗЕТЫ

Газетные строчки
Прочел я до точки,
Но в них, к сожалению, мало
Известий столичных,
Вестей заграничных.
И крупных разбоев не стало.

Газетная братья
Имеет понятие,
Что значат известка и глина,
Но в том, что сложнее,—
Ручаться я смею,—
Она, как младенец, невинна.

И это перо
Не слишком остро.
Боюсь, что оно не ответит
На все бесконечное ваше добро..
Ах, если б у солнца мне вырвать перо —
Такое, что греет и светит!

ТРИ ВЫВЕСКИ

I

Напоминает он лицом
Ту вывеску, что над крыльцом
Гремит, блестит,
Лаская слух и взор,
И говорит:
«Здесь постоянный двор».

II

Как эта голова чиста, пуста,
Припудрена, искусно завита!
Такую видишь в лавке брадобрея.
И каждый, кто проходит перед нею,
Одни и те же говорит слова:
— Вот голова!

А эта голова
 Могучего напоминает льва,
 Но только льва довольно мирного —
 Трактирного.

СТИХИ,
 НАПИСАННЫЕ АЛМАЗОМ
 НА ОКНЕ ГОСТИНИЦЫ

Мы к вам пришли
 Не тешить взгляд
 Заводом вашим местным,
 А для того,
 Чтоб смрадный ад
 Был местом,
 Нам известным.

Мы к вам стучались
 Целый час.
 Привратник не ответил.
 И дай нам бог,
 Чтоб так же нас
 Привратник ада встретил!

ЭПИТАФИЯ
 СТАРУХЕ ГРИЗЗЕЛЬ ГРИМ

Лежит карга под камнем сим.
 И не могу понять я,
 Как этой ведьме Гриззель Грим
 Раскрыла смерть объятья!

ЭПИТАФИЯ
 ВИЛЬЯМУ ГРЭХЕМУ, ЭСКВАЙРУ

Склоняясь у гробового входа,
 — О смерть! — воскликнула природа, —
 Когда удастся мне опять
 Такого олуха создать!..

НАДПИСЬ
НА ОФИЦИАЛЬНОЙ БУМАГЕ,
КОТОРАЯ ПРЕДПИСЫВАЛА ПОЭТУ
«СЛУЖИТЬ, А НЕ ДУМАТЬ»

К политике будь слеп и глух,
Коль ходишь ты в заплатках.
Запомни: зрение и слух —
Удел одних богатых!

ПО ПОВОДУ БОЛЕЗНИ
КАПИТАНА ФРЕНСИСА ГРОУЗА

Проведав, что Френсис в объятиях смерти,
Топ-топ — прибежали к одру его черти.
Но, слыша, как стонут под грузом больного
Тяжелые ножки кровати дубовой,
Они отказались принять его душу:
Легко ли поднять эту грузную тушу!

ЗЕРКАЛО

Ты обозвал меня совой,
Но сам себя обидел:
Во мне ты только образ свой,
Как в зеркале, увидел.

ЗНАКОМОМУ,
КОТОРЫЙ ОТВЕРНУЛСЯ
ПРИ ВСТРЕЧЕ С ПОЭТОМ

Чего ты краснеешь, встречаясь со мной?
Я знаю: ты глуп и рогат.
Но в этих достоинствах кто-то иной,
А вовсе не ты виноват!

Д Ж О Н С О Н У

Мошенники, ханжи и сумасброды,
Свободу невзлюбив, шипят со всех сторон.
Но если гений стал врагом свободы,—
Самоубийца он.

Л О Р Д У,
К О Т О Р Ы Й Н Е П У С Т И Л
В С В О И П А Л А Т Ы П О Э Т А
И Е Г О Д Р У З Е Й,
И Н Т Е Р Е С О В А В Ш И Х С Я А Р Х И Т Е К Т У Р О Й

Пред нами дверь в свои палаты
Закрыли вы, милорд.
Но мы — не малые ребята.
А ваш дворец — не торт!

Э П И Т А Ф И Я С А М О У Б И Й Ц Е

Себя, как плевел, вырвал тот,
Кого посеял дьявол.
Самоубийством от хлопот
Он господу избавил.

Э П И Т А Ф И Я
К Р И К Л И В О М У С П О Р Щ И К У

Ушел ли ты в блаженный рай
Иль в ад, где воют черти,—
Впервые этот вздорный лай
Услышат в царстве смерти.

Э П И Т А Ф И Я
Ц Е Р К О В Н О М У С Т А Р О С Т Е,
С А П О Ж Н И К У Г У Д У

Пусть по приказу сатаны
Покойника назначат
В аду хранителем казны,—
Он ловко деньги прячет.

МИСТЕРУ
ВИЛЬЯМУ МОЛЬ ОФ ПАНМУР,
КОТОРОГО ПОЭТ УВИДЕЛ
В НОВОМ ЭЛЕГАНТНОМ ФАЭТОНЕ
НА СКАЧКАХ (БЕГАХ)

Я согласиться должен, что бесспорно
Твой новый фаэтон имел успех.
Так некий вор мечтал, чтоб выше всех
Ему соорудили столб позорный.

* * *

Подаром, видимо, господь
Когда-то посулил:
Не только души, но и плоть
Восстанет из могил.

А то б вовеки не воскрес
Души лишенный Кардонесс!

ШОТЛАНДСКІЕ БАЛЛАДЫ

* * *

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого
Не убитого, живого.

БИТВА ПРИ ОТТЕРБУРНЕ

В день жатвы это произошло,
Когда мечут в лугах стога,
В Английских землях Дуглас решил
Поохотиться на врага.

Он выбрал Гордонов, Грэмов взял
И Липдсеев, славных ребят,
А Джорданы с ним не пустились в путь
И о том до сих пор скорбят.

Он сжег подчистую Долину Тайн,
Он сжег Бамброшира треть,
Три добрые башни Рэдсварских холмов
Он оставил в огне гореть.

И вот наконец до Ньюкасла донел
И объехал его кругом:
«Кто хозяин здесь? Кто хозяйка тут?
Чьи владенья и чей это дом?»

И тогда лорд Перси ответил ему —
В каждом слове звучала спесь:
«Я — хозяин! Я и моя жена
Всем владеем и правим здесь!»

«Я этому рад, и приятно мне,
Что над замком ты господиц,
Но прежде, чем я уйду за холмы,
Покорится из нас один».

И Перси взял боевое копьё
И выехал из ворот,
На Дугласа он, не щадя копя,
Ярсья, поскакал вперед.

А леди глядела на них со стены
И бледна словно смерть была,
Когда сталь шотландская, добрая сталь
Перси вышибла из седла!

«Когда бы нас не видал никто
На зеленом этом лугу,
Отобрал бы я твою жизнь — а так
Только меч отобрать могу».

«Ступай к Оттербурну, наверх ступай,
Дождись три полных дня,
И если меня не дождешься ты,
Можешь трусом назвать меня».

«Прекрасен и радостен Оттербурн,
Он на зависть иным местам,
Отраднo бывает глядеть на него,
Но кормиться нам печем там.

Там дикие птицы поют на ветвях,
И олень бежит по холмам,
Но хлеба нет и похлебки нет,
И кормиться нам нечем там.

И все же тебя я там буду ждать,
Что скудна еда — не беда,
И жалким трусом тебя назову,
Если ты не придешь туда».

И Перси ответил: «Кляпуть, что приду,
В том свидетель — всеильный бог!»
И Дуглас сказал: «Я тебя дождусь,
Тому моя честь — залог».

В Оттербурне они расседлали коней,
Где поля от росы мокры,
В Оттербурне они расседлали коней
И поставили там шатры.

И тот, кто богат, посылал слугу
С конями на выпас в луга,
А кто был незнатен и неимуц,
Тот сам себе был слуга.

И вдруг затревожился юный паж —
А заря уж была близка:
«Проснись, проснись, проснись, господин,
Я вижу Перси войска!»

«Ты лжешь, ты лжешь, ты бесстыдно лжешь,
Ты лжи на троих припас:
У Перси вчера еще не было войск,
Чтоб выставить против нас.

Но мне приснился недобрый сон:
Вдали от людей и жилья
Я видел, как мертвый выиграл бой,
И, кажется, это был я».

И он поскакал навстречу врагу,
Обнажив свой широкий меч,
Но шлем надежный он позабыл,
Охранявший во время сеч.

Их честь обоих на бой звала,
И с вождем повстречался вождь,
Скрестились мечи их, и пот потек,
Заструилась их кровь, как дождь.

И Перси свой смертоносный меч
Стремительно вскинул вверх,
И ударил Дугласа прямо в лоб,
И на землю его поверг.

И Дуглас пажу к себе подозвал:
«Беги, не жалея ног,
Чтобы сына сестры, чтобы сэра Хью
Я при жизни увидеть смог...»

«Мой милый племянник,— Дуглас сказал,—
Пустяк, если кто-то умрет;
Я ночью понял, что мне конец,
Что командовать твой черед.

Я знаю, тьма подступает ко мне,
Ибо рана моя глубока;
Возьми своих воинов и схорони
Меня под кустом орляка.

Зарой меня под кустом орляка,
Но без почестей, без похорон,
Чтоб никто из людей, никогда не узнал,
Где шотландский вождь погребен».

И Хью Монтгомери зарыдал,
Ибо скорбь была велика,
И сэра Дугласа похоронил
На лугу, под кустом орляка...

А бой не стихал, и крошились щиты,
И рассвет занимался вдали,
И много лихих англичан-храбрецов
До рассвета во тьму ушли.

От крови английской были красны
Гордонов рукава,
И Линдсеи были подобны огню,
Пожирающему дрова.

Друг друга жаждали Перси и Хью
Вышибить из седла,
И лязгала сталь, и вспотели они,
Ох, кровь между ними текла!

«Сдавайся, Перси, сдавайся живей,
Иначе тебя я убью!»
«Кому же я должен, раз вышло так,
Свободу вручить свою?»

«Ты должен сейчас победу признать
Не лорда, не мужика,
И даже мне не сдавайся ты —
А сдайся кусту орляка».

«Ни лилиям, рыцарь, ни орляку
Не вручу я свободу свою;
Лишь Дугласу был бы я сдаться готов
И Монтгомери, сэру Хью».

И, узнав, что Монтгомери перед ним,
Он в землю свой меч воткнул,
Монтгомери рыцарь учтивый был —
Он руку ему протянул.

Так закончен был Оттербурпский бой
В час, когда отступила ночь;
Под кустом орляка был Дуглас зарыт,
Увезен был сэр Перси прочь.

«З О Л О Т А Я С Л А В А»

На корабле «Золотая слава» — страх и смятенье:
Ходит галера турецкая рядом грозною тенью
У берега Южной Шотландии.

Юнга-юнец у команды спросил, вот как спросил он:
«Что, если я уничтожу галеру собственной силой?»

Юнга ответил сам капитан, так он ответил:
«Золота вдоволь добудешь себе подвигом этим».

«В кожу быка заверните меня, да, заверните,
Волнам соленым доверьте меня — за борт швырните!»

В кожу быка завернули его, да, завернули
И — поплывет он, потонет ли он — за борт швырнули.

Било, крутило, швыряло его, плыть было трудно,
И наконец он коснулся борта вражьего судна.

Турки беспечно курили табак, кости метали,
Юнга меж тем просверлил три дыры буром из стали.

Вновь просверлил он три раза корабль турок спесивых —
Хлынула в логово к туркам вода, ошеломив их.

Тщетно срывали кто плащ, кто чалму, кто свою феску —
Дыры заткнуть и пути преградить смертному плеску...

Било, крутило, швыряло его — боже, что было! —
И наконец к своему кораблю юнгу прибило.

«Бросьте конец мне, втащите на борт судна родного,
Слово сдержать наступила пора, верное слово!»

«Зря, — прогорланил в ответ капитан, — ждешь ты богатства:
Бросим тебя мы — уже нам пора в путь отправляться!»

Юнга с ответом не медлил ничуть, с дерзким ответом:
«Я потоплю вас, как тех потопил — знайте об этом!»

В дело пуская свой верный бурав снова и снова,
Ввергнул в пучину он тех, кто презрел верное слово,
У берега Южной Шотландии.

СЭР ЭНДРЬЮ БАРТОН

В листве распевало сто тысяч птиц,
На землю спустился полдневный зной,
Когда прогуляться за Темзой решил
Король английский Генрих Восьмой.

И только он реку успел пересечь,
В прохладные рощи жарою гоним,
Как сорок и сорок купцов-моряков
Колени, спеша, преклонили пред ним.

«Привет вам, богатые господа!
Привет вам, искусные моряки!»
«Король, в мореходстве мы знаем толк,
А вот от богатства мы далеки.

Для нас недоступны теперь порты
Французской, Испанской и Датской земли:
Коварный пират стережет нас в пути
И грабит нагруженные корабли».

«Я Богом клянусь, что моя страна
Могуча и сил ее не избыть!
Не знал до сих пор я, что некто есть,
Дерзнувший Англию оскорбить».

Вздохнули купцы и сказали: «Увы!
К торговле дорога нам заперта —
Проклятый шотландец ограбит нас
С одним кораблем против наших ста».

Король поглядел на баронов своих,
На лордов своих поглядел свысока:
«Неужто из вас никому невмочь
Доставить мне паглого моряка?!»

И Чарльз, лорд Ховард сказал: «Государь!
Готов я, извольте лишь повелеть,
Я выполню то, что угодно вам,
Берусь я насильника одолеть».

«Шесть сотен, по выбору, лучших бойцов
Тебе английская даст земля,
И будут матросы и капитан,
Искусны в вождении корабля».

«Врага отыщу я, — воскликнул лорд, —
Не только на море, но и в аду,
И не видать мне лица короля,
Коль Бартоня пленным не приведу!»

И первым призвал он к себе пушкаря,
Познавшего в битвах побед торжество,
Он прожил полвека и двадцать лет,
И Питером Сэймоном звали его.

«Мы в море идем, — сказал лорд Чарльз, —
И да поможет нам Бог в бою!
Ты выбран из многих; сто пушкарей
Тебе под начало я отдаю».

«Спасибо, милорд, я выбором горд,
Я счастлив, что в битву иду опять;
Повесьте, милорд, на рее меня,
Если промажу я хоть на пядь».

И лучника Ховард призвал — стрелка,
Познавшего в битвах побед торжество,
Был родом из Йоркшира храбрый стрелок,
И Вильямом Хёрсли звали его.

«Мы в море идем, — сказал лорд Чарльз, —
И да поможет нам Бог в бою!
Ты выбран из многих; сотню стрелков
Тебе под начало я отдаю».

«Спасибо, милорд, я выбором горд,
Я счастлив, что в битву иду опять;
Повесьте, милорд, на рее меня,
Если промажу я хоть на пядь».

Копейщиков, лучников и пушкарей
На судно приняли моряки
И за день один с Иванова дня
Всю Темзу проплыли до устья реки.

И там начался их морской поход,
Три раза ночами сменились дни,
И дивный корабль повстречался им,
И путь ему преградили они.

И Чарльз, лорд Ховард, на мостик взоидя,
Сказал капитану: «Поведай о том,
Как имя твое и куда ты плывешь,
Откуда ты родом и где твой дом».

«Милорд, я купец и моряк Гарри Хант,
Правдиво и чисто сердце мое,
И мы из Ньюкасла — я и корабль,
Там наша гавань и там жильё».

«Тогда расскажи нам, о Гарри Хант,
Ты плавал здесь ночи и дни подряд:
Встречался ли дерзкий грабитель тебе —
Сэр Эндрью Бартон, рыцарь-пират?»

И Гарри вздохнул и сказал: «Увы,
Я знаю его — не прошло и дня,
Как я его пленником был, милорд,
И он дочиста разорил меня.

Я по морю плыл, торопясь в Бордо,
А Бартон-шотландец навстречу шел,
Он взял мое судно на бордаж,
И вот теперь я и нищ, и гол.

И вот теперь я всего лишен,
И унижение я терплю,
Поэтому в Лондон держу я путь,
Спешу я за помощью к королю».

«К чему торопиться? — воскликнул лорд. —
Коль ты мне поможешь, — промолвил он, —
За каждый пенс, что он взял у тебя,
Ты будешь шиллингом награжден».

«Избави вас Бог, — воскликнул Хант, —
От таких мыслей и дел, милорд;
Храни вас Господь! Неизвестно вам,
Каков он, этот шотландский черт!

Крепки и проворны матросы его,
А сам он из стали и в сталь одет,
На мачтах тараны укреплены,
Сулящие недругу много бед.

Отважны сто восемьдесят солдат,
Без счету и луков, и копий там,
И тридцать орудий, несущих смерть,
В порядке расставлены по бортам.

На гибель свою в абордажном бою
Столкнуться бы с Бартоном вам пришлось:
Он, брусся-тараны обрушив на вас,
Пробил бы корабль до воды, насквозь!»

«Дурной же ты вестью встречаешь нас!
Как видно, изрядная будет резня!
Но в Англию я притащу его,
Или в Шотландию он — меня».

«Тогда вам отличный нужен пушкарь,
Который не оплошает, милорд,
Проворный, умеющий в цель попадать,
Чтобы врагу продырявить борт.

К тарану, милорд, их нельзя подпускать;
Вам нужен отменный лучник-стрелок,
Чтоб ни один из врагов, милорд,
Влезть на площадку, на грот не мог.

Тогда не придется бояться вам
Свирепых, отважных шотландских псов;
А завтра — храни вас Господь, милорд! —
Вы с Бартоном встретитесь в семь часов.

Вчера я связал себя клятвой молчать,
А нынче не в силах себя побороть;
Я клятву нарушил, я все рассказал,
Но верю: простит этот грех Господь.

Шесть пушек мне дайте на мой корабль
И пушкарей, как и пушек, шесть,
Чтоб мог я сразиться с моим врагом.
Мы завтра увидимся, ваша честь!»

.....
Корабль, на котором сэр Эндрью плыл,
Был золотом весь изукрашен так,
Что Чарльз, лорд Ховард, сказал: «Клянусь,
Шотландец этот — достойный враг.

Снимите знамена и вымпел — долой,
Чтоб их увидеть никто не мог,
И, как на купеческом корабле,
Оставьте голым белый флагшток».

И мимо пирата они прошли,
Даже не выглянув из кают.
«Кто эти хамы, — Эндрию спросил, —
Которые честь мне не воздают?!

На этих широких дорогах морских
Хозяин я — вот уж четвертый год,
Никто тут не плыл, меня не спросив, —
Ни лиссабонский, ни лондонский скот.

И вдруг торгошаи оскорбили меня,
Такая обида — совсем не пустяк;
Догнать их, взять их на абордаж
И вздернуть на рее наглых собак!»

И пушки пиратов открыли пальбу,
Чтоб гордый корабль повернул назад,
И сбили фок-мачту у англичан,
Четырнадцать было убито солдат.

«Эй, Саймон, сюда! — лорд Ховард позвал. —
За дело! Пора тебе слово сдержать.
Клянусь, что на рее повешу тебя,
Если промажешь ты хоть на пядь».

Был Саймон старик, но к битвам привык
И духом был тверд, как все мастера:
Он девять ярдов цепи стальной
Заправил в дуло, кроме ядра.

Прицелился он, и выпалил он,
И дым за клубился, и грянул гром,
И Бартон глянул и увидал,
Что борт его шлюпа пробит ядром.

О Боже, как Бартон был омрачен,
Когда он увидел, что вышло так!
«Рубите канаты! Пора наступать!
Сейчас нашу силу узнает враг!»

О Боже, как Ховард доволен был,
Когда он увидел, что вышло так!
«Труба, запевай! Греми, барабан!
Поднять на флагштоке военный флаг!»

«Вперед, мои воины! — Бартон сказал. —
Вперед, ибо нет иного пути:
Похоже, что лорд-адмирал короля
Сюда соизволил за мной прийти».

У Саймона сын был, умелый пушкарь,
И Бартон уменье это узнал,
Когда уложил своим выстрелом тот
Еще шестьдесят человек наповал.

А Хант подобрался с другой стороны —
В купце разгорелся воинский пыл —
Фок-мачту он залпом в куски разнес
И воинов множество погубил.

«Да, плохи дела, — сэр Эндрью вздохнул, —
Признаться пора — плохая игра;
Сильнейшим врагом оказался тот,
Что был моим пленником лишь вчера.

Мой добрый Гордон, поди сюда,
Ведь ты не страшишься ни смерти, ни рац,
Три сотни фунтов получишь ты,
Если обрушишь на них таран».

И на грот-мачту, сил не щадя,
Карабкаться стал моряк удалой,
Но Вильям Хорсли, спустив тетиву,
Пробил ему череп разящей стрелой.

И грохнулся Гордон вниз с высоты,
И застонал, и тотчас затих,
И увидала шотландская рать,
Что храброго Гордона нет в живых.

«Послушай, Джеми, племянник мой,
Ты можешь прославить наш род и клан,
Шесть сотен фунтов получишь ты,
Если обрушишь на них таран».

И на грот-мачту, сил не щадя,
Взбираться стал Гамильтон удалой,
Но Вильям Хорсли, спустив тетиву,
Пробил ему череп разящей стрелой.

И рухнул Джеймс Гамильтон с высоты,
И захрипел, и кончил игру;
Недаром уэльсец как-то изрек,
Что жадность не приведет к добру.

О Боже, как Бартон был омрачен
Кончиной последнего из семьи!
«Теперь я на мачту полезу сам —
Скорей принесите доспехи мои!

Доспехи с насечкою золотой,
В сраженьях спасавшие грешную плоть,
Джон Бартон носил их, мой храбрый брат,
Да упокоит его Господь!»

И вот принесли ему латы его,
И он их тотчас на себя надел,
И все говорили, что может он
Не опасаться ни пуль, ни стрел.

«Поди сюда, Хорсли, — лорд Чарльз сказал, —
Ты нынче хозяин своей судьбе:
Стреляй хорошенько, не промахнись —
И рыцарство выстрел доставит тебе!»

«Я буду стараться, — ответил стрелок, —
Я помню о Боге и короле;
Но у меня только две стрелы,
И как бы мне не висеть в петле».

Прицелился метко он, и стрела
Прошла меж латами под рукой
И Бартону грудь пронзила насквозь,
И хлынула алая кровь рекой.

И все же за мачту держался он —
Отвага была, и сила была,
И тут-то, над воротом пролетев,
Пробила череп ему стрела.

«Вперед, мои воины! — Бартон сказал. —
Я ранен, но я не убит, я жив!
Как только кровь перестанет течь,
Я в битву ринусь, меч обнажив.

Вперед, мое войско! Английские псы
Привыкли кусаться исподтишка;
Вперед, за Шотландию! Бейтесь с врагом
И слушайте звук моего рожка!»

И только замолк его звонкий рожок,
Сказал Гарри Хант: «Я бьюсь об заклад,
Мы можем взойти на его корабль —
Убит и не встанет рыцарь-пират».

Ворвавшись гурьбой на пиратский корабль,
Они увидели шотландских солдат,
Погибших от ядер и стрел, — а в живых
Осталось лишь тридцать и шестьдесят.

Лорд Ховард взял в руки тяжелый меч
И голову Бартоу напрочь снес,
И пленные воины, отворотясь,
Сдержать не сумели бессильных слез.

Он за борт тело велел швырнуть,
В одежду упрятав три сотни крон:
«Куда бы ни вынесло море тебя,
Этого хватит для похорон!»

И, голову Бартона взяв с собой,
Они повернули и вспять пошли;
В канун Новогодья на Темзу-реку
Приплыли военные корабли.

Лорд Ховард письмо королю написал,
Гонца отправил с письмом вперед:
«Не знал еще ни один король
Такого подарка под Новый год.

Прекрасней подарка ни сталью меча,
Ни золотом не добыть никому,
Он сердце ваше развеселит —
Ведь в Англии равного нет ему».

И Генрих приветствовал их и сказал,
Что ценит услуги британский трон,
Что очень хорош пиратский корабль,
Что судна такого не видывал он;

Был раньше один боевой корабль —
И вдвое больше стало теперь,
И груз драгоценный, богатый приз
Захвачен короной почти без потерь.

«Кто сделал это? — спросил король. —
Кому я обязан в этой войне?»
«Купцу Гарри Ханту, и Хорсли-стрелку,
И Саймону-пушкарю, и мне».

«Купец Гарри Хант получит от нас
Казну сэра Эндрью, и цепь, и рог
За то, что он доблестно нам служил
И сделал все, что умел и мог.

Мы Хорсли доходные земли дадим,
И будет он в рыцари посвящен,
А Ховарда титул высокий ждет —
Граф Ноттингем будет отныне он.

Ты, Саймон, стар, и готовы мы
Лелеять тебя и семью твою:
Пять сотен фунтов золотом я
За верную службу тебе даю».

Пришла королева, и леди ее
Пришли поглядеть на трофей боевой,
На рыцаря Бартона посмотреть —
Героя, прославленного молвой.

Но, увидав его мертвый лик,
Вздыхнул государь и промолвил так:
«Я сотни бы фунтов не пожалел,
Чтоб жив он остался, этот смельчак.

Вручить по полкроны его морякам
На память о том, кто нами убит,
И к братцу Джеми, их королю,
Доставить с почетом и без обид!..»

КАПИТАН КАР

Случилось это в Мартынов день,
Когда замело пути;
Сказал своим людям Кржавый Кар:
«Нам надо приют найти».

(Ох, тошно, тошно, хоть помирай,
Тоскуют душа и плоть,
Ох, самая тошная из ночей,
Помилуй меня, господь!)

«Ура, капитан, куда хочешь, правь,
А мы — за твоим конем!»
«Мы в замок двинемся, в Крэйкенбро,
Уж там-то мы отдохнем.

Прекрасный замок — богат, велик
И в крепкий камень одет,
И леди-красотка сейчас одна —
Хозяина дома нет».

А леди глядела в тот самый час
В поля с крепостной стены
И вдруг увидала: к замку несут
Всадников скакуны.

«Взгляни, конюший, взгляни, капеллан,
И ты, дворецкий, взгляни:
Я вижу, как скачет много людей,
И думаю — кто они?

Быть может, супруг ненаглядный мой
Домой прискакал наконец?»
Но это был Кар, вероломный Кар,
Предатель, убийца, лжец.

И только был к ужину стол накрыт
И молитвы вознесены,
Как спешили Кар и его отряд
У крепостной стены.

«Сдавайся, леди! И я клянусь:
Мы ночь проведем вдвоем,
Ты будешь моею, а поутру
Хозяйкой войдешь в мой дом».

А старшего сына в озноб и в жар
Постыдный бросал испуг;
Сказал он: «О мать, покорись ему,
Иначе нам всем каюк!»

«Я лучше умру, но за честь и дом
Сражусь из последних сил,
И пусть христианский узнает мир,
Что женщину Кар убил!

Подайте сюда пистолеты мои,
Подайте ружье сюда,
И я застрелю кровавого пса,
Не ведающего стыда!»

И леди, не дрогнув, стала стрелять
Из пистолетов своих,
Но пули, предателя миновав,
Прикончили трех других.

«Я долг исполняю, — сказала она, —
Я крест до конца несу,
Ни лорду, ни смерду я замок не сдам,
Ни Кару, кровавому псу.

От Кара я требую, чтобы он
Загладил измены грех:
Пускай уцелеет мой старший сын,
Наследник владений всех».

«Спустите мальчишку вниз со стены,
Закутавши в простыню,
Я парня на руки сам приму,
И сам его сохраню».

Так вымолвил Кар и вновь согрешил,
Как всю свою жизнь привык:
У мальчика вырезал сердце он
И вырвал из уст язык.

Да, вырезал сердце он и язык
И все завернул в платок,
Швырнул — и кровавый комок упал
У материнских ног.

«Будь проклят, убийца, безбожный Кар,
Ты смертный содеял грех:
Тобою мой первенец был убит,
Наследник владений всех».

Тогда сказал ее младший сын:
«О мать, покорись ему!
Оружье сложи и отдай ключи —
Наш замок в огне, в дыму».

«Все золото я б отдала свое,
Чтоб кончился этот бой,
Чтоб западным ветром огонь и дым
Развеяло над тобой».

И леди в спальню прошла — а там
Уже загорался пол,
И детям вымолвила она:
«Молитесь! Конец пришел».

Старик-дворецкий, седой как лунь,
Сказал, поглядев в окно:
«О леди, все кончено, мы в кольце,
Погибнуть нам суждено».

...Лорд Гамильтон ночью тревожно спал,
И он увидал во сне,
Что дома убита его жена
И замок его в огне.

«Эй, воины, живо седлайте коней!
Эй, слуги мои, ко мне!
Мне снилось, что кто-то убил жену,
А замок горит в огне».

И рыцарь немедля вскочил в седло,
И вихрем помчался конь,
Но дрогнуло гордое сердце его,
Когда он узрел огонь.

И он протрубил в голосистый рог,
К нему приложив уста,
И двести Гамильтонов гурьбой
Спешились у моста.

«О, если б нынешнюю беду
Я мог бы узнать вчера,
Ватага разбойничья не ушла б
От плахи и топора!»

Будь проклят, убийца, Кровавый Кар,
Ты смертный содеял грех,
Тебе расплатиться за кровь и смерть
Не хватит владений всех.

Уж если не мог ты не убивать,
Так взял бы ты жизнь мою,
Не тронув злодейской своей рукой
Жену мою и семью!»

УНЫЛЫЕ БЕРЕГА ЯРРОУ

Они решили за вином
Пойти к реке, сразиться.
Они друг другу поклялись,
Что будут честно биться.

— Не покидай, любимый муж,
Супружеского крова!
Мой брат родной тебя предаст
На берегах Ярроу.

— Прощай, жена, мне в путь пора.
Я знаю: поздорову
Мне не вернуться с берегов
Унылого Ярроу.

Она супруга обняла,
Не говоря ни слова.
Он сел в седло и поспешил
На берега Ярроу.

Он въехал на гору и вниз
Взглянул с холма крутого
И увидал девятерых
На берегу Ярроу.

— Зачем явились? Выпить власть
Со мной вина хмельного?
Или пришли мечом махать
На берегах Ярроу?

А я пожаловал сюда
Не для питья хмельного,
А я пришел мечом махать
На берегах Ярроу!

Он уложил девятерых
На берегах Ярроу,
Покамест шурин не вонзил
В него меча стального.

— Ступай теперь домой, — сказал
Он шурину сурово. —
Вели сестре, чтоб забрала
Мой труп с болот Ярроу.

— Мне сон приснился. Я была
К несчастью готова.
Мне снилось: вереск я рвала
На берегах Ярроу.

Она взошла на холм и, вниз
Взглянув с холма крутого,
Увидела девятерых
На берегах Ярроу.

Она среди них его нашла
И кровь его багрову,
Из раны бьющую, пила
На берегу Ярроу.

— Не плачь о мертвом муже, дочь!
Найдем тебе другого,
Получше муженька, чем тот,
Убитый у Ярроу.

— Попридержи язык, отец!
Не нужно мне другого.
Нет мужа лучшего, чем тот —
Убитый у Ярроу.

Будь прокляты твои быки,
Будь прокляты коровы,
Пусть все они сойдут с ума
На пастбищах Ярроу!

В Дамфелине король попивает вино
И кубком стучит о стол:
«Где найти моряка мне лихого, чтоб он
Мой добрый корабль повел?»

И тогда сидевший у ног короля
Царедворец седой встает:
«Изо всех мореходов сэр Патрик Спенс —
Отменнейший мореход».

И король тотчас написал приказ
И печать приложил — и вот
Сэру Патрику Спенсу приказ вручен,
Гулявшему без забот.

«О, кто же мой враг, подстроивший так,
Чтобы встретился я с бедой?
Чтобы вышли мы посреди зимы
Воевать с ледяной водой?»

В Норвежские земли, в Норвежский край
Зимой нележки пути;
Но дочку нашего короля
Я должен туда отвезти».

В понедельник с утра снарядили корабль
И, спеша, в непогоду ушли,
А к исходу среды увидали ряды
Скал прибрежных Норвежской земли.

Не неделю шел пир, не неделю одну —
Три недели вместо одной,
И вельможи норвежские стали роптать:
«Вы сорите нашей казной!»

Королевны приданое тратите вы,
Груды золота и серебра».
«Вы лжецы, господа, лжете вы без стыда,
Вы поистине лгать мастера!»

Я с собою полбушеля золота взял,
Я с собою привез серебро,
Так что хватит вполне и команде и мне,
Чтобы ваше не трогать добро!»

Будет снег ли с дождем, или град, или гром —
Поутру мы отчалим домой!..»
«Капитан мой, увы, как рискуете вы,
Ждать погоды пора штормовой:

Я глядел в вышину и увидел луну
Молодую — со старой в руке;
Если в море сейчас мы отправимся, нас
Ждет крушение невдалеке».

Они утром проплыли не лигу одну,
И не две, а около трех, —
Ощетинилось море, и ветер задул,
И застала их буря врасплох.

«Нас настигла беда! Ну-ка, малый, сюда!
Подмени меня, стань у руля,
Курс держи и не трусь — я на мачту взберусь
Посмотреть, не видна ли земля».

Он и шага, и шага пройти не успел,
Он всего лишь полшага ступил,
Когда вспененный вал борт пробил и прорвал
И всю палубу вмиг затопил.

«Эй, ни с места, назад! Стой, держись за канат!
Стой, куда цела голова!
Видишь, волны, вливаясь за воротник,
Выливаются сквозь рукава».

Чтобы дыры заткнуть и продолжить свой путь,
Они груз притащили сюда:
В ход пошла и пенька, в ход пошли и шелка,
Но, как прежде, хлестала вода.

Было лордам шотландским невмочь промочить
Каблуки башмаков щегольских,
Но еще до конца представленья — насквозь
Шляпы сверху промокли у них.

Долго, долго их женам придется сидеть
И, губами едва шевеля,
Умолять небеса, чтоб узреть паруса
Долгожданного корабля.

Долго, долго их женам придется стоять,
Драгоценностями звеня,
Ожидая супругов, которых они
Не увидят до Судного дня.

День субботний минул, и воскресный прошел,
Понедельник настал — и тогда
Пуховые перины, одна за другой,
Колыхаясь, приплыли сюда.

Нужно лишь полпути к Эбердурду пройти —
Там до дна саженей пятьдесят,
Обретается там Патрик Спенс, капитан,
И у ног его лорды лежат.

КИНМОНТ ВИЛЛИ

О Сэжелде лживом знаешь ли ты?
О Скрупе коварном известно ль тебе?
Они захватили Кинмонта Вилли,
Чтоб вздернуть шотландца тайком на столбе.

Ах, было б у Вилли хоть двадцать стрелков,
Хоть двадцать таких же, как Вилли, ребят,
Предателям лживым не знать бы поживы,
Хоть было их трижды по пятьдесят.

Связав ему ноги под брюхом коня,
Скрутив ему руки тугой бечевой,—
Пятеро справа и пятеро слева —
Его проволоком через Лиддел конвой.

Его проволоком через Лиддел конвой,
Провез по карлайльским пустынным местам,
А в замке Карлайле копей расседлали
И Скрупу оставили пленника там.

«Я пленник, но волен спросить у тебя:
Скажи, покровитель предательских дел,
Кто тут не боится закона Границы?
Кто с Баклэхом храбрым тягаться посмел?»

«Заткни свою глотку! Шотландцы твои
Тебе не помогут, тебя не найдут,
И, прежде чем ты этот замок покинешь,
Клянусь, что за все ты расплатишься тут!»

«Лорд Скруп, я душою своею клянусь,
Что ты предаешься тревоге пустой;
Поведать хочу я: в трактирах ночуя,
Всегда я по счету платил за постой».

Известие это до наших дошло,
И Баклѣха вѣсть обожгла, как огнем,
Что Кинмонта грубо наемники Скрупа
Похитили в час между ночью и днем.

Он по столу в гнѣве хватил кулаком,
Да так, что вино его брызнуло вверх:
«Уж ежели Скрупу не отомщу я,
Да буду я проклят отныне вовек!

Да разве мой шлем — это вдовий платок,
А пика — лозе безобидной родня,
А взмахи десницы — как ахи девицы,
Что мог англичанин унижить меня?!

Неужто похитили Вилли они,
Когда перемирие на рубеже?
Наверно, решили, что Баклѣх отважный
Не страж на шотландской границе уже!

Неужто похитили Вилли они
В своем ослепленьѣ, в бесстыдстве своем?
Наверно, забыли, что Баклѣх умеет
Вскочить на коня и ударить копьѣм!

Да если бы не было мира сейчас,
Да если б войны наступила пора,
То замок Карлайл, как снег бы, растаял,
Будь он из гранита и серебра.

Английскою кровью я б замок омыл,
Разбойничье логово сжег бы дотла,
Вовеки не знал бы никто в Камберленде,
Где крепость коварного Скрупа была!

Но пет с англичанами нынче войны,
Есть мир — и да будет во веки веков!
Ни девушек их, ни парней я не трону,
Но Кинмонта Вилли спасу от оков!»

И кликнул он сорок лихих молодцов —
Один воспитал их и пестовал род;
Единственным был не из нашего клана
Отважный и доблестный сэр Эллиот.

И кликнул он сорок лихих молодцов,
Все кровные родичи, каждый за всех, —
В зеленых перчатках, и шпоры на пятках,
И синие перья венчали доспех.

И ехали десять из нас впереди
С рожками и горнами, как егеря;
И ехали десять с начальником рядом,
Стальными клинками на солнце горя;

И ехали десять на добрых конях
С поклажей из лестниц, ломов и лопат;
И ехали десять безмолвную стражей;
В Вудхаусли двигался грозный отряд.

Мы Бетибл-ленд миновали, и вот
В чужие владенья вошли наконец;
Кого же вначале мы там повстречали?
Нам встретился Сэкелд, предатель и лжец.

«Куда вы, охотники, держите путь?» —
Спросил у десятки охотничьей он.
«Травить мы английского едем оленя,
Который ступил за шотландский кордон».

«Куда вы, о воины, держите путь?» —
Спросил у охраны начальника он.
«Хотим изловить мы того негодяя,
Который нарушил Границы закон».

«Зачем эти длинные лестницы вам?
Куда направляетесь вы, мастера?»
«Воронье гнездо разорить собрались мы,
Его ведь давно уничтожить пора».

«Безмолвные стражи, далек ли ваш путь?
Куда вы спешите, никак не пойму?»
Но Дикки из Драйхопа, старший десятки,
Ни слова в ответ не промолвил ему.

«Ни с места, воруги, здесь наша земля!
Разбойники, дальше дороги вам нет!»
А Дикки — он снова не молвил ни слова
И только проткнул его пикой в ответ.

Тогда мы направились дальше, в Карлайл,
И Иден разлившийся пересекли,
Набухший водою, грозивший бедою,
Но мы и людей, и коней сберегли.

Мы к Стеншоу вышли, к песчаной косе,
И ветер пахнул на бойцов, и тотчас
Нам спешиться всем приказал предводитель,
Чтоб конское ржанье не выдало нас.

Когда же покинули Стеншоу мы,
То ветер завыл, загудел, и вдали
Гроза разразилась и небо затмилось,
Когда мы под стены Карлайла пришли.

Ползком пробирались, почти не дыша,
Приставили длинные лестницы вмиг,
Полезли по стенам, и в раже военном
Сам Баклѐх всех ранее крыши достиг.

Дозорного Баклѐх за горло схватил,
К ногам опустил на свинцовый настил:
«Тебя я закинул бы через границу,
Когда бы условия мира не чтил!

Горнист, начинай же, чтоб лорд услышал,
Чтоб он пробудился от песни ночной!»
И грянула гордо мелодия горна:
«Где тот, что осмелится спорить со мной?»

За дело взялись мы, за дело взялись:
Мы клич испустили, зовущий на бой,
Свинец мы рубили, дыру мы пробили
И в залу свалились вопящей гурьбой.

Почудилось им, будто рать короля
Обрушилась, словно лавина в горах,
На деле же двадцать и двадцать шотландцев
У тысячи в душах посеяли страх.

К чертям мы сшибали ломами замки,
Решетки зубилами рушили мы,
Старались, ругались, пока не добрались
До Кинмонта Вилли, до нижней тюрьмы.

И вот мы добрались до нижней тюрьмы,
Где Вилли был цепью прикован к стене:
«Привет тебе, воин! Ты что-то спокоен,
Ты спишь, о последнем не думая дне!»

«О братья, привет вам! Уже я не сплю —
Я спал на пороге последнего дня.
Поклоп мой отчизне, и клану, и жизни,
И храбрым парням, что дрались за меня!»

И Роуен Рыжий его подхватил
(Таких силачей не бывало и нет!);
«Эй, Роуен Рыжий, постой, погоди же,
Я лорду пошлю мой прощальный привет.

Прощай, мой хозяин, любезнейший Скруп,
Известный радушием и добротой!
Мой долг сохранится до встреч на границе —
Тогда я тебе заплачу за постой!»

И с криком и гиком ватага парней
Из замка долой земляка понесла,
При каждом движенье железные цепи
Гремели, как медные колокола.

«Несчетное множество раз на конях
Скакал я и лесом, и горной тропой,
Но зверя такого, как Роуен Рыжий,
Клянусь, никогда я не знал под собой!

Несчетное множество раз скакунов
Я шпорил, скача через ров и забор,
Но небом клянусь я, что в жизни ни разу
Таких тяжеленных не нашивал шпор!»

Мы к Стеншоу вышли, и тут загремел
Трезвон колокольный и пение труб,
И тысяча конных примчалась вдогонку,
Их вел за собою разгневанный Скруп.

И Баклѣх свернул к полноводной реке,
Туда, где она бушевала, как зверь,
И ринулся в буйство потока с отрядом,
И выплыл на том берегу без потерь.

К английскому берегу стал он лицом
И бросил перчатку: «Визит за визит!
Мы в Англии лорду пришлось не по вкусу?
В Шотландии нас он пускай навестит!»

Лорд Скруп, потрясенный, недвижно стоял,
Как каменный, — сдвинуться с места не мог,
С растерянным видом смотрел он на Иден,
Когда переплыли мы грозный поток:

«Наверное, ведьма его родила,
А может, из пекла пожаловал он?
Я в чертову воду не прыгнул бы сроду,
Сули мне судьба хоть богатство, хоть трон!»

ГРЭЙМ И БЬЮИК

В Карлайл поехал старый Грэйм,
Его там Роберт Бьюик ждал,
Они вина хватили всласть,
И хмель обоих разобрал.

Старик лорд Грэйм провозгласил:
«Сэр Роберт Бьюик, будь здоров!
Теперь налей за сыновей,
За дружбу наших молодцов!»

«О, был бы сын твой так учен,
Такой же книгочий, как мой,
Как братьям, можно было б им
Оборонять наш край родной.

Да, был бы сходен он с моим
По грамоте и по уму!..
Но он невежда и простак,
И он неровня моему».

Старик лорд Грэйм достал кошель,
По счету заплатил сполна,
Прибавил крону, чтобы всем
Налили доброго вина,

Потом в конюшню он пошел,
Где было тридцать три коня,
Вскочил в седло, и в замок свой
Он поскакал, всю гоня.

«Добро пожаловать, отец!
Где пропадал ты до сих пор?»
«В Карлайле был я; там меня
Из-за тебя постиг позор.

В Карлайле Роберт Бьюик мне
Сказал, что ты с чурбаном схож,
Что сыну умному его
В друзья ненужен и негод.

Ты в школе лодыря гонял,
И ты не преуспел ни в чем;
Благословения не жди,
Пока позор не снят мечом!»

«Отец, решать мечами спор
И кровь пролить — избави бог!
Был Билли Бьюик другом мне,
И он меня учил, как мог».

«Молчи, безмозглый остолоп!
Вступить не хочешь с Билли в бой —
Мою перчатку подними,
И я, старик, сражусь с тобой!»

Тут Кристи Грэйм затрепетал,
Стал бел как мел, вперед шагнул:
«Отец, перчатку вновь надень,
Ее, наверно, ветер сдул!»

«Молчи, болван, не прекословь,
Укороти язык дрянной!
Коль честь мою не защитишь —
Клянусь, сразишься ты со мной».

Тут Кристи Грэйм ушел к себе,
Чтоб все обдумать и понять:
Сражаться ли ему с отцом
Или на друга меч поднять?

«Коль друга я убью, то мне
Не видеть Божьего лица;
Но будет трижды смертный грех —
Ударить старого отца.

Да, если друга я убью —
То Божья воля, не моя;
Да будет так! Но я клянусь,
Что вслед за ним умру и я».

Он опоясался мечом,
Стальные латы, шлем надел;
Да, стать природного бойца
Была дана ему в удел!..

Прервем о Кристи Грэйме сказ
И речь о том мы поведем,
Как Билли Бьюик в этот день
Учил юнцов владеть мечом.

Когда ж он им внушил азы
Атак, защит и ретирад,
Он взял под мышку свой клинок
И обошел отцовский сад.

Он глянул за ограду вдаль,
Чтоб видеть все, что есть вовне,
И рыцаря увидел он
В доспехах ратных, на коне.

«О, кто там скачет, кто спешит,
Поблескивая сталью лат?
Наверно, это Кристи Грэйм,
Мой побратим, мой милый брат.

Привет тебе, мой старый друг,
Добро пожаловать в наш дом!»
«О, горе мне! Сегодня я
Пришел не другом, а врагом.

Ведь мой отец в Карлайле был,
С твоим отцом столкнулся он,
А тот сказал, что я чурбан,
И я растерян и смущен.

Я в школе лодыря гонял,
И я не преуспел ни в чем;
Лишусь благословенья я,
Когда не кончу спор мечом».

«Спаси нас бог от этих дел!
Не лучше ли друзей найти,
Чтоб наших стариков отцов
Сумели к миру привести?»

«Мой добрый друг, нам недосуг
Тут заниматься болтовней!
Ведь ты мужчина, спору нет,
Так выходи на бой со мной».

«Но у тебя броня, и щит,
И шлем, и длинное копьё».
«Сейчас сравняется с твоим
Все снаряжение мое!»

Свой шлем из стали сбросил он,
О землю звякнула броня,
Копье воткнул он, кинул щит,
К ограде привязал коня.

Тут Билли Бьюик скинул плащ,
Псалтырь свой выронил из рук
И враз перескочил туда,
Где ждал его любимый друг.

Они сражались два часа,
И не кончался ратный пыл,
С обоих пот ручьями тек,
И каждый невредимым был.

Но вот удар смертельный Грэйм
Нанес внезапно, и клинок
Вошел глубоко слева в грудь —
И Билли Бьюик наземь лег.

«Встань, побратим, о Билли, встань!
Скажи хоть слово, не молчи:
Ты насмерть ранен — иль тебя
Спасут Всевышний и врачи?»

«Прочь, прочь отсюда, Кристи Грэйм!
Садись скорее на коня
И уезжай, чтобы никто
Не знал, что ты убил меня».

«О Билли, я тебя убил,
Сразил я друга юных лет;
Я не уйду — поклялся я,
Что я умру за другом вслед».

Он укрепил свой меч в холме,
И в двадцать футов взял разгон,
И набежал на острие,
И мертвым пал на землю он.

Тогда к поверженным бойцам
Сэр Роберт Бьюик подоспел:
«Вставай, — сказал, — мой храбрый сын,
Ты победить врага сумел!»

«Молчи, отец, ни слова! Тут
Не место чванной болтовне,
Ты мог бы мирно пить вино,
Оставив жизнь ему и мне.

Могилу вырой для двоих,
Вместительней других могил,
Но ближе к солнцу положи
Его — он дважды победил».

«Увы, — сэр Бьюик зарыдал, —
Я сам виною всех невзгод!
Был Билли лучшим изо всех,
Кем славеи был наш древний род!»

«Увы! — изрек старик лорд Грэйм.—
Меня страшней карает рок:
Когда бы Кристи был со мной,
Я все б границы пересек.

И если б тридцать три врага
Меня пленили на войне,
Один лишь Кристи изо всех
Вернуть сумел бы волю мне.

Надежды нет, и счастья нет,
Я ключ утратил и замок;
Когда бы Кристи был со мной,
Всю землю обойти б я мог!..»

Ю Н Ы Й Л О Г И́

Я вам спою, коли хотите,
Одни старинные стихи,
Как государю в плен попался
Беспутный юный лорд Логи.

В тюрьму он брошен в Эдинбурге,
Кармайкл в темнице ключарем,
Мэй Маргарет по лорду сохнет
И сокрушается по нем.

«Не плачь, Мэй Маргарет, не сетуй;
Мне слезы — хуже, чем враги!
Сходи-ка лучше к государю
Просить за юного Логи.

Она одежды поправляет,
Играет прядью золотой:
«Коль жизнь Логи не получу я,
Прощусь, Шотландия, с тобой!»

Она явилась к государю,
Чтобы припасть к его стопам.
«Но что, Мэй Маргарет, случилось?
О чем взываешь слезно к нам?»

«Яви мне милость, государь мой!
Яви мне милость, помоги!
А всё, о чем я умоляю, —
Пообещай мне жизнь Логи!»

«О нет, Мэй Маргарет! Как можно?
Свой пыл, прошу, побереги!
Во всей Шотландии соковищ
Не хватит, чтоб спасти Логи!»

Украив у государя гребень,
У государыни — кинжал,
Мэй все Кармайклу отсылает,
Чтоб отомкнул в тюрьме подвал.

Она Логи послала злата
И серебра, чтоб весел был,
И в две руки по пистолету,
Чтоб, как спасется, так палил.

К Толбутской лестнице прокравшись,
Логи пальнул из двух стволов,
И государь в своих покоях
Сперва не мог сказать двух слов.

«Извольте, слуги, торопиться
И привести Кармайкла к нам!
Я об заклад готов побиться,
Что сам Логи стреляет там!»

Когда Кармайкл согнул колено
В поклоне верного слуги,
Его спросил король сердито:
«А где наш пленник — лорд Логи?»

Кармайкл тотчас отворотился,
Слеза прожгла, видать, его!
«Вы, государь, мне знак послали,
И лорд отпущен под него!»

«Ты что, Кармайкл, — над нами шутишь?
Над нами шутишь ты? Ну что ж!
К утру мы завтра суд назначим,
И сам в темницу ты пойдешь!»

К Мэй Маргарет Кармайл явился,
И не было на нем лица.
«О, ежели Логи с тобою,
Пусть выйдет хоть на полсловца!»

Мэй Маргарет отворотилась,
Смех разбирал, видать, ее!
«Яйцо разбилось — пташки нету,
И каждый получил свое!»

Один корабль из Лейта вышел,
Другой — пришел в Квинс-Феррский порт;
Ее сынку отец сыскался —
Логи, беспутный юный лорд.

СЭР ДЖЕЙМС РОСС

Изо всех шотландских отважных вождей,
Изо всех достославных имен
Самым храбрым был сэр Джеймс Росс,
Лучший рыцарь былых времен.

Он ростом был, как могучий дуб,
Что на голой вершине рос,
Когда он плечом поводил, вокруг
Разлеталась копна волос.

Вождь могучего клана, сэр Джеймс Росс,
Если он начинал речь,
Призывая на битву, пятьсот человек,
Как один, хватались за меч.

Он в кровавых схватках лупил англичан,
За шотландские бился права,
Трижды он побеждал их, пока ему
Не исполнилось двадцать два.

Он Матильду прекрасную нежно любил,
Деву чистую, как душа.
Королева Шотландии не была
Вполовину так хороша.

Долго гордая дева твердила ему:
Эта крепость не сдастся вам!
Но глаза ее признавались в любви,
Вопреки строптивым словам.

Наконец испытала верность его,
И на милость сменила гнев,
И невинное сердце ему отдала,
Пылким сердцем взамен овладев.

Но прекрасной Матильды жестокий отец,
Бьюхан-лорд, невзлюбил юнца,
Джона Грэйма сосватал ей и велел
Поступать по воле отца.

Повстречались возлюбленные тайком
В чаще леса в одну из ночей,
Там, где ива плакучая косы свои
Окунает в быстрый ручей.

Хитрый Дональд лежал между тем в траве,
Джона Грэйма единственный брат,
Он хотел на любовников поглядеть
И послушать, о чем говорят.

И печальная дева сказала так:
— Невзлюбил тебя мой отец,
Джону Грэйму он руку мою отдает,
Значит, нашей любви — конец.

Да исполнена будет воля отца,
И противиться смысла нет.
Ты другую невесту отыщешь себе,
Леди знатную юных лет.

Ты забудешь скоро Матильду свою,
И не будет прошлого жаль.
Пусть же счастье станет уделом твоим,
А моим уделом — печаль.

— Что я слышу? — воскликнул сэр Джеймс Росс. —
Где же, милая, клятвы твои?
И Матильда за Джона Грэйма пойдет,
Хоть клялась мне в вечной любви?

Пусть меня пронзит его острый меч,
Но не мне бояться угроз! —
Крепко обнял рыцарь невесту свою
И прижал ее к сердцу Росс.

— Я хотела, рыцарь, тебя испытать,
Мне же нечего думать тут:
Брачным ложем мне станет могила, клянусь,
Если Грэйму меня отдадут!

Так прими же, юноша, мой поцелуй,
Коллебаний в душе моей нет,
Пусть все беды на свете меня поразят,
Если я нарушу обет!

И, поклявшись друг друга до гроба любить,
Разлучились они наконец.
Дональд рыцарю крикнул, покинув кусты:
— Обернись, безбородый юнец!

Обернулся быстро бесстрашный Росс
И сверкнувший выхватил меч,
Ибо Дональда острый клинок успел
Плащ ему на плече рассечь.

— Честь любимого брата мне дорога,
Мстит за Джона моя рука! —
Рыцарь быстро назад три шага отступил
И успел спастись от клинка.

И в ответ он поднял ружье свое,
Размахнулся, как только мог,
И обрушил на голову Дональда сталь,
И рассек ему череп и мозг.

Рухнул Дональд на землю — безжизненный прах,
И ничем ему не помочь.
— Так со всеми врагами я поступлю! —
Молвил Росс и отправился прочь.

К замку лорда Бьюхена он поспешил,
Поспешил через темный лес
И, любимой окно в темноте отыскав,
Прямо в сад через стену залез.

— Спишь ли ты, дорогая Матильда моя?
Я прошу: не спи в этот час.
Это я — несчастливый возлюбленный твой,
Ожидает разлука нас.

Я сейчас отправлюсь на Скай, где живут
Все мои друзья и родня,
За меня сразиться с жестоким врагом
Подниму сторонников я.

— О, не делай так, мой любимый Джеймс! —
Отвечает ему она. —
Ты побудь до рассвета в моем саду,
Ибо ночь жутка и темна.

До рассвета я буду тебя охранять,
А к твоим я пажу пошлю,
Побежать быстрее и на помощь звать
Весь твой клан я ему велю.

Он улегся на землю, закутавшись в плащ,
А она отослала пажу
И сама всю ночь простояла вблизи,
За его безопасность дрожа.

Между тем проворно маленький паж
Побежал по холмам и долам.
А навстречу ему — Джона Грэйма отряд,
Впереди же тот ехал сам.

— Ты куда так торопишься, маленький паж,
В час, когда полагается спать?
— Я бегу поднимать Джеймса Росса клан,
На защиту хозяина звать.

Ибо Дональда Грэйма он нынче убил,
Тот погиб от его руки,
И теперь он один во владеньях чужих,
А друзья его далеки.

— Брат мой умер? — воскликнул неистовый
Грэйм. —

Пусть позор на меня падет,
Если подлый убийца завтра к утру
От руки моей не умрет!

Я тебя награжу, если скажешь мне,
Где сейчас находится он?
— Он у лорда Бьюхена дремлет в саду,
А Матильда хранит его сон.

И, пришпорив коней, поскакали они,
Слова лишнего не говоря,
И увидели башни замка вдали
В час, когда занималась заря.

Их Матильда встретила у ворот,
И спросил Матильду сэр Джон:
— Джеймса Росса случайно не видела ты?
Не заглядывал в замок он?

— Да,— сказала Матильда,— в полдень вчера
Он проехал мимо ворот,
Он, как видно, спешил: своего коня
Погонял нещадно вперед.

Он теперь в Эдинбурге, наверно, давно,
Если конь в пути не упал...
— Значит, мне солгал твой маленький паж,
Что всю ночь он под деревом спал?

Как ломала Матильда руки свои!
Как власы на себе рвала!
— Храбрый Росс, я хотела тебя спасти,
А выходит — тебя предала!

В это время рыцарь проснулся в саду,
Он услышал Матильдин плач,
Он поднялся, выхватил грозный меч
И отбросил в сторону плащ.

— На твоём мече со вчерашнего дня
Брата кровь, но сегодня днем
И твоя, Джеймс Росс, нечестивая кровь
Будет скверно вонять на моем.

— Хорошо говоришь! — отвечал ему Росс.—
Но не в слове — сила мужчин.
Отпусти людей — и доблесть свою
Испытаем один на один.

Ибо часто за словом скрывается трус.
Меч мой тяжек. В былые дни,
Он на поле брани сверкал впереди,
Когда ты держался в тени.

И вперед, вызывая Грэйма на бой,
Храбро выступил юный вождь.
Тот смутился и спину ему показал,
Ибо знал хорошо его мощь.

Пали четверо самых отважных бойцов
В тот же миг от его меча,
Но Джеймс Росс напролом между ними шел,
Джона Грэйма средь них ища.

К нему сзади бесчестно подкрался Грэйм
И ударил рыцаря в бок,
Из отверстия хлынула алая кровь,
И от крови пояс намок.

Но оружия не выронила рука,
И ступала твердо нога
До тех пор, пока его грозный меч
Не прошел сквозь сердце врага.

Рухнул Грэйм, как поваленный бурей дуб,
Рядом с ним опустился Росс,
Ослабел, и не мог шевельнуть рукой,
И как будто к земле прирос.

А Матильда, увидев, как он упал,
Умоляла Грэйма людей:
— О пощаде молит Бьюхена дочь —
Да не будет отказа ей!

Умирающий голос ее услышал,
И открыл перед смертью глаза,
И уставил их на Матильду свою,
И почти неслышно сказал:

— Ты напрасно просишь о жизни смерть,
Бесполезен со смерти спрос.
Путь мой кончен. Возлюбленная, прощай! —
И забылся, и умер Росс.

И Матильда из теплой раны его
Меч достала нетвердой рукой:
— Я иду за тобою, сэр Джеймс Росс,
Я иду вослед за тобой!

Прислонила к земле рукоять меча,
Острие направила в грудь,
И упала на милого своего,
И отправилась в дальний путь.

ДВА БРАТА

Жили два брата. Вместе росли,
Вместе учились в школе.
Один другому однажды сказал:
— Давай поборемся, что ли?

Они боролись, Вильям и Джон,
И Джон упал на поляну,
А Вильям упавшему Джону ножом
Нанес смертельную рану.

— Возьми меня на́ спину, брат дорогой,
К ручью отнеси с поляны
И рану прозрачной водою омой,
Чтобы кровь не текла из раны.

И Вильям на спину ношу взвалил,
К ручью отправился с нею
И рану прозрачной водою омыл,
Но кровь текла все сильнее.

— Возьми меня на́ спину и отнеси
На кладбище, брат мой милый,
Могилу глубокую выкопай мне
И меня уложи в могилу.

И Вильям на спину брата взвалил,
И отнес на погост унылый,
И могилу глубокую вырыл ему,
И его уложил в могилу.

— Но что я скажу дорогому отцу,
Если спросит меня: где Джон?

— Скажи отцу: за бочонком вина
В Лондон уехал он.

— А что же я матери нашей скажу,
Если спросит меня: где Джон?

— Скажи: купить тебе новый наряд
В Лондон уехал он.

— А что я отвечу нашей сестре,
Если спросит меня: где Джон?

— Скажи: за ее обручальным кольцом
В Лондон уехал он.

— А что мне ответить милой твоей,
Если спросит меня: где Джон?

— Скажи ей: твой Джон на погосте лежит
И домой не вернется он.

ТРАГЕДИЯ ДУГЛАСОВ

— Проснись поскорее, мой лорд, мой супруг,
Надень свой тяжелый доспех.

Пусть люди не скажут, что Дугласа дочь
Обвенчана тайно от всех.

Проснитесь, проснитесь, мои сыновья,
Седлайте коней вороных.

Пусть люди не скажут, что Дугласа дочь
Венчамась тайком от родных!

Беглянка несется на белом коне,
А рыцарь — на сером за ней.
В руке его — меч, на поясе — рог,
И оба торопят коней.

Назад оглянулся и слушает он,
Что слышится в поле глухом.
Там слышится топот и ржанье коней —
Семь рыцарей скачут верхом.

— Мой шелковый повод, подруга, возьми.
Держи моего жеребца.
Средь чистого поля я встречу один
И братьев твоих, и отца!

Стояла она, смотрела она,
И горько ей было смотреть,
Как шестеро братьев один за другим
Должны за нее умереть.

Стояла она, смотрела она
И слез удержать не могла,
Когда наконец ее старый отец
Свалился с крутого седла.

— Опомнись, опомнись, безжалостный лорд.
Постой, не рази до конца.
Я нового друга могла бы найти,—
Найду ли другого отца?

Сняла она с шеи узорный платок
Голландского полотна.
Но алая кровь из отцовской груди
Бежала, как струйка вина.

— Ты хочешь ли дальше поехать со мной
Иль, может, вернешься к родне?
— Поеду с тобой, мой единственный друг,—
Других не оставил ты мне!

Опять они скачут вперед и вперед.
Луна над полями взошла,
С коня он спустился у бледной воды
И снял свою даму с седла.

Вот оба склонились уста освежить
Студеной водою ручья.
Но кровью горячего сердца его
Под ним обагрилась струя.

— Ты ранен, ты ранен,— сказала она,—
И кровь твоя в воду бежит!
— О нет, дорогая, пурпурный мой плащ
В воде, отражаясь, дрожит.

Опять они скачут при свете луны,
Несутся всю ночь напролет.
У темного замка сошел он с коня
И крикнул, стучась у ворот.

— Открой поскорее, сударыня-мать,
Усталого сынапусти.
Желанную гостью на краткую ночь
Ему довелось привезти.

Спеши приготовить для сына постель,
Вели ее мягче постлать.
Жену молодую со мной положи —
И долго мы будем спать!

Он тихо скончался ночью порой,
Подруга — в предутренней мгле.
Пусть горестный жребий влюбленной четы
Не ждет никого на земле!

У церкви Марии беглянка лежит,
А рядом — погибший любовник.
Над ней белоснежная роза цветет,
Над ним — темно-красный шиповник.

Кусты разрослись и ветвями сплелись,
И в мае цветут они оба,
И шепчут они, что лежат в их тени
Два друга, любивших до гроба.

БАРОН БРЕКЛИ

Ехал Инвери берегом Ди, не скучал,
На заре у Бреклийских ворот постучал.

«Эй! — кричит он. — Бреклийский Барон! Где вы есть?!
Вам на гибель мечей тут не счесть, ваша честь!»

Леди Брекли проснулась — слышит, с воли кричат,
И коровы в долине тревожно мычат.

«Супруг мой, вставайте и наших коров
Отбейте у Драммуарранских воров!»

«Я встать не могу и вернуть своего —
Если десять их против меня одного!»

«Тогда — эй, служанки! — отвадим беду!
Берем свои прялки — я в бой вас веду!»

Был бы муж мой мужчиной — наказал бы воров,
Не лежал, не глядел бы, как уводят коров!»

Тут Барон отвечает: «Я приму этот бой,
Только жаль мне, жена, расставаться с тобой!»

Целуй меня, Пэгги, за меч я берусь.
Я войны не хотел, но войны не боюсь!

Целуй меня, Пэгги, но впредь не вини,
За то что меня одолеют они!»

А как Брекли с копьём поскакал через вал,—
Наряднее мир никого не видал.

А как Брекли верхом устремился в поля,—
Храбрей никого не видала земля.

А с Инвери тридцать и трое стоят.
А с Брекли никто — только сам он и брат.

Хоть Гордоны славная были семья —
Не сладить двоим с тридцатью четырьмя.

Исколот кинжалами с разных сторон,
Изрублен мечами, пал наземь Барон.

И от берега Ди и до берега Спей,
Если Гордон ты — горькую чашу испей!

— Ходил ли ты в Брекли, видал ли ты сам,
Как милая Пэг убивается там?

— И в Брекли ходил я, и видел я сам,
Как милая Пэг улыбается там!

С убийцей Барона спозналась она —
И кормит его, и поит допьяна!

— Позор тебе, леди! О, как ты могла?!
Злодею ворота зачем отперла?

— С ним ела она и пила допьяна,
С предателем Инвери спелась она.

Была до утра с ним она, а потом
Проводила из Брекли безопасным путем.

«Через Биррс,— говорит,— через Абойн пойдешь;
Через час за холмы Глентенар попадешь!»

А в людской горевали, а в зале был пир,
А Бреклийский Барон отошел в лучший мир.

Д Ж О Н Н И - Ш О Т Л А Н Д Е Ц

Шотландец Джонни хоть куда
Был воин; он пошел
Служить английскому двору
За деньги и за стол.

Да только служба при дворе
Недолгою была:
Принцесса, дочка короля,
От Джонни понесла.

До тронной залы слух дошел,
Где сам король сидел,
О том, что дочерью его
Шотландец овладел.

«О, если правду слышу я,—
А, видно, слух не врет —
Я в башню заточу ее,
И там она умрет!»

А Джонни путь домой держал,
Скакал во весь опор,
Видать, не без причины он
Английский бросил двор.

Но вот в один прекрасный день
Наш Джонни загрузил,
И он пришел в зеленый лес
И там заговорил.

«О, где гонца найду, чтоб он
Приказ исполнил мой —
Прекрасной Англии достиг
И поспешил домой?»

Тут вышел юноша к нему,
Красив, желтоволос,
Дай, Боже, матери его
Прожить свой век без слез!

«Вот я, гонец, и я могу
Приказ исполнить твой —
Прекрасной Англии достичь
И поспешить домой».

Он через реки без мостов
Перебирался вброд,
Он разувался на лугах
И вновь бежал вперед.

И вот у замка он стоит
И видит в вышине
Верхушку башни, и окно,
И девушку в окне.

«Рубаху эту, знак любви,
Издавека несу,
Ее хозяин ждет тебя
В Шотландии, в лесу.

Рубахи шелковой рукав
Твоей расшит иглой;
Идем к шотландцам — там тебя
Ждет Джонни удалой».

Повисли слезы у нее
На кончиках ресниц:
«Не научилась я летать
У ветра и у птиц.

Кругом решетки и замки,
Сто стен и сто препоп,
И мой убор не золотой —
Из крепкой стали он.

Но ты награду заслужил,
Вот кошелек, лови!
А вот письмо — оно полно
Печали и любви...»

И поспешил гонец назад,
И быстро мчался он,
Вот снова лес густой кругом,
Вот Джонни Пинтахтон.

Письмо он отдал, рассказав
О том, что видел сам,
И Джонни стал читать письмо
И волю дал слезам:

«Я в путь пойду — я не могу
Оставить палачам
Ее, с которой ложе мы
Делили по ночам!»

«Но, сын мой, ты же согрешил,—
Сказал ему отец,—
И если схватят там тебя,
Тогда тебе конец!»

И тут могучий рыцарь встал,
Друг Джонни, побратим:
«Пятьсот бойцов я поведу,
Мы Джонни защитим...»

...Взяв первый город, бить они
Взялись в колокола;
Их волей месса во втором
Отслужена была;

А в третьем барабанный бой
Устроили такой,
Что лорды все и сам король
Утратили покой.

Вот Джонни к замку короля
Подъехал на коне,
Увидел башню, и окно,
И короля в окне.

«Ты кто: король шотландский Джеймс,
Иль из его родни,
Иль знатный чужеземный гость,
Иль герцог Олбени?»

«Нет, я не Джеймс, не Олбени,
Не герцог, не барон —
Я сын шотландских рощ и гор,
Я Джонни Пинтахтон!»

«О, если так тебя зовут,
А, видно, ты не врешь, —
Ты до рассвета, до зари,
Повешенный, умрешь!»

А рыцарь-друг ответил так:
«Опомнись, бог с тобой —
Пять сотен лучников моих
Пойдут за Джонни в бой».

Тогда король захохотал
И произнес сквозь смех:
«Здесь итальянский рыцарь — вас
Он уничтожит всех!»

Воскликнул Джонни: «С пришлецом
Сразиться я не прочь,
Но если он падет в бою,
Так ты отдашь мне дочь».

И страшный чужеземец в бой
Рванулся сгоряча,
Но смерть нашел на острие
Шотландского меча.

И Джонни у меча спросил:
«Готов ли ты рубить?
Кого еще из этих псов
Ты жаждешь погубить?»

«Писца сюда! — вскричал король, —
Приданое считать!»
«Попа сюда! — вскричал жених. —
Нас браком сочетать!»

Приданое мне ни к чему —
Ни земли, ни казна —
Лишь та нужна мне,
Что была со мною так нежна».

ПРЕКРАСНЫЙ ЗАМОК ЭРЛИ

Это случилось июльским днем,
Когда стали желтеть хлеба.
Между Эрли и Эргайлом началась
Не на жизнь, а на смерть борьба.

Герцог Монтроз написал письмо:
«Грозный Эргайл, и часу не жди,
Выступай с утра и своих людей
Замок Эрли грабить веди!»

Из окна высокого леди глядит,
И печальный у леди взгляд:
Она видит, что грабить замок ее
Грозный Эргайл ведет отряд.

— Спустись, леди Маргарет,— он говорит,—
Спустись, поцелуй меня,
Или камня на камне в замке твоём
Не оставлю к исходу дня.

— Я не стану, Эргайл, тебя целовать,
Я не буду с тобой вдвоем,
Если камня на камне к исходу дня
Не оставишь в замке моем.

— Где приданое? — Эргайл у леди спросил.—
Отвечай, все равно найду!
— Что ж, ищите! Оно вверху и внизу,
Над ручьем, что течет в саду...

Они долго искали и там, и тут,
Перерыли все, что могли,
И в душлистом дереве возле ручья
На закате его нашли.

Эргайл леди за стройную талию взяла
И повлек к ручью за собой.
Ах, как леди рыдала, покуда шел
В добром замке Эрли разбой!

— Был бы дома мой благородный лорд,
А не с Чарли в дальнем краю,
Никакой бы Кемпбелл взять не сумел
Замок Эрли в честном бою.

Я отважному лорду, — рыдала она, —
Семерых сыновей родила.
Но случись мне и вдвое больше родить —
Всех бы Чарли я отдала!

ЛОРД ДЕРВЕНТУОТЕР

Король сочинил посланье,
Приложил золотую печать
И послал его лорду Дануотерсу,
Наказав тотчас прочитать.

А послал он его не с пажом, не с пажом,
Не с лордом каким-нибудь, —
Благороднейший рыцарь Шотландской земли
С письмом отправился в путь.

Как первую строчку Дануотерс прочел —
Довольной улыбка была,
А как прочитал половину письма
Слез за слезой потекла.

«Коня мне скорее! — он приказал. —
Коня мне скорее сюда!
Мне в славный город Лондон спешить
Нужно, как никогда!»

Тут с родильной своей постели
Жена говорит ему:
«Составь завещанье, Дануотерс,
Чтоб по слову нам жить твоему!»

«Я тебе оставляю, мой старший сын,
Все замки в поместьях моих.
А тебе оставляю, мой младший сын,
Десять тысяч монет золотых.

Оставляю прекрасной леди моей,
Богоданной моей жене,
Ровно треть наследных владений моих,
Чтоб жила госпожой, как при мне».

Даже мили не проскакали они,
И споткнулся скакун под ним;
«Дурная примета! — Дануотерс сказал. —
Не вернусь я домой живым!»

В славный город Лондон примчав, он пошел
Ко двору короля самого.
В славном городе Лондоне лорды и знать
Обвинили в измене его.

«Я — предатель! Предатель! — он говорит. —
Оттого, что верно служу.
Оттого, что для Якова-короля
Пять тысяч войска держу.

В славном городе Лондоне лордов и знать
Мою казнь прошу посетить,
В славном городе Лондоне лордов и знать
Мою леди прошу не забыть.

А сто фунтов, что в правом кармане моем,
Раздайте — меня помянуть!
А сто фунтов, что в левом кармане моем,
Раздайте кому-нибудь!»

Д Ж О Н Н И К О У П

Посланье Джонни Коуп шлет,
Он Чарли встретиться зовет:
Мол, драться, если ты не трус,
Научу тебя завтра утром!

В ответ на дерзостную речь
Рванул из ножен Чарли меч:
— За мной, — воскликнул он, — друзья,
Мы встретимся с Коупом утром!

— Эй, Джонни, ты уже идешь?
В большие барабаны бьешь?
Коль ты идешь — я подожду,
Подожду тебя дома утром.

— Ты мастер говорить слова,
Посмотрим: сила какова!
Как рябчик, согнанный с гнезда,
От нас побежишь ты утром!

Подумал Джонни: — Чур меня!
Неплохо бы иметь коня,
Чтобы от этих молодцов
Удрать бы подальше утром.

— Эй, Джонни, от беды беги,
Ты лучше шкуру сбереги,
Рога трубят, и утро статъ
Обещает кровавым утром.

Вернулся Джонни. — Где отряд? —
Встречая, люди говорят.
— Черт его знает! — он в ответ. —
Я расстался с ним рано утром.

— Забыл ты, Джонни, о стыде,
Коль всех своих людей в беде
Оставил и принес нам весть
О своем поражении утром.

— Я испугался не врагов,
А только звука их рогов.
Когда-нибудь я всех побую,
А пока говорю: с добрым утром!

ЛЭРД ДРАМ

Лэрд Драм жену себе стал искать,
Когда занимался день,
И девою прекрасной пленился он,
А дева жала ячмень.

«О нежный цветок, о прелестный цветок,
О счастье мое, о!
Не угодно ли стать тебе леди Драм
И оставить жнивье, о?»

«Не могу, не могу принять, добрый сэр,
Предложение твое, о.
Никак невозможно мне стать леди Драм
И оставить жнивье, о!»

Ты любовь другой предложи, добрый сэр,
Предложи ты не мне, о!
Потому что я в жены тебе не гожусь,
А грех не по мне, о!

Мой отец всего-навсего лишь пастух,
Вон пасет он овец, о.
Если хочешь, пойдн спросись у него —
Пусть решает отец, о!»

Лэрд Драм не медля пошел туда,
Где отара овец, о.
И родительское согласие дает
Лэрду Драмe отец, о.

«Пускай моя дочка в письме не сильна
И книжек не чтец, о,
Но сыр умеет варить и доить
Коров и овец, о.

Будет веять она на твоём току,
Жито в скирды уложит, о,
Вороного коня оседлает в поход,
Снять ботфорты поможет, о».

«Разве ж нет у нас грамотеев в церквах?
Я им подать плачу, о!
Сколько надо, читать, писать и считать
Я ее обучу, о!»

Обучу твою дочь и писать и читать,
Только дай ты мне срок, о;
Ей коня моего не придется седлать
И снимать мне сапог, о!»

Но кто наварит нам свадебный эль?
Кто хлеб испечет нам, о?
Увы, не могу я тебе сказать,
Кто окажет почет нам, о!»

И Драм поскакал к родимым горам,
Чтоб все приготовить заранее.
И вышли, крича: «К нам с невестой Драм!» —
Тамошние дворяне.

«Наш Драм, он богат и парень хоть куда,
И Пэгги Куттс неплоха!
Но он бы мог найти себе жену
Знатнее, чем дочь пастуха!»

Тут поднял голос брат его Джон:
«Считаю зазорным, о,
Что низкого рода ты выбрал жену,
И это позор нам, о!»

«Язык придержал бы ты, брат мой Джон!
Позора нам нету, о!
Женился я, чтобы множить добро,
А ты, чтоб транжирить, о!»

Я был на знатной женат, и она
Гневливо топала, о,
Когда перед нею я представлял
В поклоне не до полу, о!

Я был на знатной женат, и она
Смеялась над нами, о!
В наш замок поместный въезжала она,
Кичась жемчугами, о!

Но ту за богатство любили все,
А Пэгги — за прелесть, о!
Для въезда в Драм ей всего-то нужны
Друзья любезные, о!»

Их было четыре и двадцать дворян
У Драмских ворот, о.
Но Пэгги приветствовать ни один
Не вышел вперед, о!

Под белы руки лэрд Драм ее взял
И ввел ее сам, о:
«В поместный замок наш родовой
Пожалуйте, леди, о!»

Он трижды в щеку ее целовал
И в подбородок, о,
А в губы вишневые двадцать раз —
«Пожалуйте, леди, о!»

Тебя хозяйкой на кухне моей
Видеть хочу я, о,
И — госпожою в замке моем,
Когда ускачу я, о.

Тебе я до свадьбы не раз говорил,
Что я тебя ниже, о!
И вот мы лежим на ложе одном,
И нету нас ближе, о!

А когда мы с тобой из жизни уйдем,—
Лежать нам двоим, о.
И равно будет могильный прах
Твоим и моим, о!»

ВДОВА С ГРАНИЦЫ

Мой милый муж построил дом
И весь его увил вьюнком,
И краше не было в стране,
Чем дом, что он построил мне.

Но кто-то раз в полдневный час
Услышал песнь, увидел нас
И в тот же день привел солдат —
И был мой дом огнем объят.

Мой муж убит в своем дому,
И все добро в огне, в дыму,
Сбежали слуги, ночь темна,
С убитым милым я одна.

Вдыхая холод мертвых губ,
Я в саван обрядила труп
И причитала день и ночь,
И не пришел никто помочь.

Я тело на плечах несла,
Сидела я и снова шла,
И лег он в земляной чертог,
И дерн зеленый сверху лег.

Но не понять вам, каково
Мне было хоронить его,
Как было мне дышать невмочь,
Когда я уходила прочь.

Не улыбнусь я никому
С тех пор, как он ушел во тьму,—
Сумела сердце мне связать
Волос его золотая прядь.

ЗАВЕЩАНИЕ СНЕГИРЯ

— День добрый, милый снегирек!
Откуда ты, мой свет?
— Да вот на этом на кусте
Пою я двадцать лет!

Из птиц, певавших на кусте,
Злосчастней птицы нет.
Исполни, добрый человек,
Печальный мой завет.

Возьми ты мой прекрасный клюв,
Клевавший зерна впрок,
Пусть герцог Гамильтон из него
Сделает звонкий рог.

Возьми прекрасный алый пух
С любой моей щеки,
Пусть леди Гамильтон себе
Набьет пуховики.

Возьми ты правую лапку мою
И мост почини через Вир, —
Свая получится хоть куда!
Прочней не видывал мир.

Возьми ты левую лапку мою
И мост почини через Тей, —
Свая получится хоть куда!
Мир не видал прочней.

Возьми красивые перышки ты
Из моего хвоста
И дай их Гамильтоновым пажам —
Сойдут за цепи спроста.

Возьми красивые перышки ты
Из моего хохолка
И доброму юноше дай, и вели
Позвать мне духовника.

Но тут садится зарянка на куст,
Горюет и слезы льет:
— Какое мне дело до юношей всех,
Коль мой любимый умрет!

Тогда повернулся к ней снегирек,
Словно на троне король:
— А ты отсюда, красотка моя,
Скорее исчезнуть изволь!

Ю Н Ы Й У О Т Е Р С

Июльской порой, когда ветер сырой,
Круглый стол собрался поутру;
И явилось множество статных мужей,
Как велел король, — ко двору.

Королева с высокой башни глядит:
Кто-то мчит по холмам и долам;
И, тотчас верхового признав, говорит:
«Юный Уотерс торопится к нам!»

Его пеший люд бежал впереди,
Конный люд скакал позади,
А летевший по ветру плащ золотой
Сколот был на его груди.

Конь сверкал золотой уздой впереди,
Серебром подков позади,
А ветер, летевший встречь скакуну,
Уступал могучей груди.

И королеву вкрадчивый лорд
Коварно спросил тогда:
«Скажи нам, кто же прекрасней из всех,
Съехавшихся сюда?»

«И лордов, и лэрдов видела я,
И знатных рыцарей тож, —
Но краше Уотерсова лица
Хоть век ищи — не найдешь!»

Но тут закричал ревнивый король,
От злости забыв себя:
«Да будь он краше стократ, чем есть, —
Всех краше я для тебя!»

«Ты не лорд и не лэрд, — говорит она, —
Ты государь и король.
В прекрасной Шотландии нет никого
Высокоchtимого столь».

Но образумить не мог короля
Ни довод ее, ни резон,
И вот из-за королевиних слов
Уотерс на смерть осужден.

Схватили Уотерса юного и
Швырнули в темный подвал.
Скрутили Уотерса юного, и
Палач кандалы заклепал.

Мне довелось через Стерлинг скакать
Поутру и впотьмах,
Не довелось через Стерлинг скакать
В заклепанных кандалах.

Мне довелось через Стерлинг скакать
Белым днем и в но́чи,
Не довелось через Стерлинг скакать
К месту, где ждут палачи.

И вот уже к лобному месту несут
Младенца его — сына,
И вот уже к лобному месту ведут
Уотерсова рысака.

И вот уже к лобному месту везут
Жену из отчих краев,
И вот уже юный Уотерс погиб
Из-за королевиних слов.

Э П П И М О Р Р И

Четыре и двадцать горцев из Керн
Примчались верхом, осадили замок,
Чтоб Эппи Морри украсть, потому что
Эппи идти не хотела замуж.

Мать ее тотчас из дому вышла,
Месяц светил на аллеи парка,
Но дочку она не могла увидеть,
Так их оружие сверкало ярко.

«Оставь меня, мама, оставь, не трогай,
Я девой была и останусь девой,
В Стрэтдоне нет человека такого,
Который меня бы женою сделал».

Эппи к седлу они прикрутили
И торопливо, как от погони,
Прямо к священнику поскакали
Быстро — как только могли их кони.

Они к священнику в дом вломились,
Загомонили, грозя оружием:
«Ты обвенчай ее с Вилли — иначе
Мы по тебе панихиду отслужим!»

«Оставь меня, добрый старик, не трогай,
Я девой была и останусь девой,
В Стрэтдоне нет человека такого,
Который меня бы женою сделал».

«Оставь меня, Вилли, оставь, не трогай,
Гибелью мне не грози напрасно:
Вас обвенчать не могу и не смею,
Если девушка не согласна».

Снова Эппи они схватили,
Крикнули: «Черта ли нам в законе!» —
И прискакали, примчались в Кери
Быстро — как только могли их кони.

Там, торопясь, отслужили мессу,
И без попа их благословили,
И проводили к брачному ложу
Молодоженов — Эппи и Вилли.

«Оставь меня, Вилли, оставь, не трогай,
Не прикасайся ко мне, немилый,
Прежде, чем я невинность утрачу,
Я с тобою померюсь силой».

Чепчик она сорвала, швырнула,
Встала пред Вилли, готова к бою:
«Прежде, чем я невинность утрачу,
Я до утра буду биться с тобою!»

Долгая, долгая ночь миновала,
Утренний свет засиял, и вскоре
Девушка к ним распахнула двери
И поздоровалась с Эппи Морри:

«Здравствуй, женщина молодая!
Встань, и вина мы отведаем вместе».
«Девушкой можешь назвать меня ты,
Я, как и ты, не теряла чести».

«Вилли, себя на постели брачной
Ты не сумел показать мужчиной,
Стала б девица твоей женою,
А ты оставил ее невинной».

«Оставь меня, леди, оставь, не трогай,
Я девой была и останусь девой,
В Стрэтдоне нет человека такого,
Который меня бы женою сделал».

Тут Бедборлей появился в спальне,
Весь, как на бой, обвешан оружием:
«Едем домой ко мне, Эппи Морри,
Я тебе буду хорошим мужем!»

«Вилли, ступай, коня приведи мне,
Будь ты мужчиной хоть в этом деле
Во славу девственной Эппи Морри,
Неуязвимой в брачной постели.

Лунный фонарь закачался в небе,
Солнце на Запад ушло, за скалы;
А Джону Форсайту стоит лишь свистнуть —
Я бы сама к нему прискакала!»

Ю Н Ы Й Д Ж О Н С Т О Н

Полковнику юному Джонстон сказал,
Вино попивая хмельное:
«Когда б на моей ты женился сестре,
Твою бы я сделал женою».

«О нет, на сестре я твоей не женюсь
За земли твои и поместья;
Но с ней на досуге я вовсе не прочь
Побыть, как с любовницей, вместе.

О нет, на сестре я твоей не женюсь
За золото и за богатство,
Но буду, пока отдыхаю я здесь,
С твоею сестрой забавляться».

У юного Джонстона добрый был меч,
Короткий, остроконечный,
И Джонстон обидчика им поразил,
И тот замолчал навечно.

А Джонстон в покои сестры побежал,
Помчался, подобно оленю.
«Как долго, о брат мой, в отлучке ты был,
Дивлюсь твоему промедленью».
«Я в школе замешкался — там школяров
Учил я согласному пенью».

«Мне нынешней ночью привиделся сон —
Не знаю, к добру или к худу:
Мой юный возлюбленный мертвым лежал,
Тебя же искали повсюду».

«Пускай меня ищут, по следу бегут —
Лежит бездыханным полковник,
Его я вот этим мечом заколол,
А был твоим милым покойник».

«Когда ты и вправду его заколол
И тем обездолил меня ты,
Хотела бы я, чтоб повешен ты был,
Чтоб ты не ушел от расплаты!»

И Джонстон к любимой своей побежал,
Помчался, подобно оленю.
«Как долго, о друг мой, в отлучке ты был,
Дивлюсь твоему промедленью».
«Я в школе замешкался — там школяров
Учил я согласному пенью».

«Мне нынешней ночью привиделся сон —
Не знаю, к добру или к худу:
Мой брат окровавленный мертвым лежал,
Тебя же искали повсюду».

«Пускай меня ищут, по следу бегут —
Лежит бездыханным полковник,
Его я вот этим мечом заколол,
А был твоим братом покойник».

«Когда ты и вправду его заколол,
Меня эта весть сокрушает;
Но смерть его меньше тревожит меня,
Чем месть, что тебе угрожает.

Войди — чтоб уснуть и беду переждать,
Не сыщешь укрытья спокойней,
Я буду сидеть у окна и стеречь,
Чтоб ты не столкнулся с погоней».

В постели возлюбленной, в спальне ее
Не пробыл он и получаса —
Две дюжины всадников были внизу,
Отряд легкоконный примчался.

«О леди, ты сверху глядишь из окна
И видишь, наверное, много;
Приметила ль рыцаря ты на коне,
Спешившего этой дорогой?»

«А цвета какого был пес беглеца?
И цвета какого был сокол?
И масти какой был могучий скакун,
Примчавший его издалека?»

«Был весь окровавлен и сокол его,
И пес окровавлен рычавший;
Но снега белее был гордый скакун,
Его от погони умчавший».

«Да, красного цвета был пес беглеца,
Да, красного цвета был сокол,
И был белоснежным могучий скакун,
Примчавший его издалека.

Но спешьте, сойдите с коней, господа,
Вот хлеб и вино — подкрепитесь,
Когда его конь так силен, то уже
За Лайн переправился витязь».

«Спасибо за хлеб тебе и за вино,
Но всем нам пора торопиться,
Я б трижды три тысячи фунтов отдал,
Чтоб схвачен был подлый убийца!..»

«Лежи, мой любимый, спокойно лежи,
Усни, — обманула врага я,
Уже далеко он, а я начеку,
Тебя от беды сберегая».

У юного Джонстона добрый был меч,
Короткий, остроконечный,
И Джонстон пронзил им бедняжку Эннет,
Склоненную к другу беспечно.

«На что, о мой Джонстон, прогневался ты?
За что мне беда эта злая?
Приданое матери, деньги отца,
Себя — не тебе ль отдала я?»

«Живи, доживай, моя леди, лови
Последние жизни мгновенья;
Сюда ни один из шотландских врачей
Не явится для исцеленья!»

«Да, смерть моя близко! Ты видишь и сам:
Уже мои руки ослабли,
И мне на колени из раны в груди
Кровавые падают капли.

Возьми мою лютню, садись на коня
И там, на равнине унылой,
Ты сможешь играть безмятежно и петь,
Забыв о загубленной милой...»

Он вывел коня, но еще не успел
В седле поудобней усесться,
Как двадцать четыре разящих стрелы
Со свистом вошли в его сердце...

К Е Н Н Е Т

— Мне открылся твой жребий, жестокий лорд,
Я предвижу паденье твое!
Гордо лилия утром в саду расцвела —
Злой мороз заморозил ее.

Когда честные плакали — ты хохотал,
Беззащитных бил, как овец.
Не заплачет никто о семействе твоём,
Когда всем вам настанет конец.

Этой ночью ты пьешь дорогое вино —
Так упейся искристым вином!
Завтра солнце упьется кровью твоей,
Не успевши взойти над холмом.

Белоснежные всадники видятся мне,
В их руках сверкают мечи:
Скоро, Кеннет, во прах твоя гордость падет —
Им недолго сверкать в ночи.

Черный пес сегодня всю ночь скулил,
Чуя то, что нельзя узреть:
В белый саван одета супруга твоя,
И в глазах у Маргарет — Смерть!

Так вещал прорицатель, со страхом в глазах,
Став лицом белей, чем стена,
И торчали дыбом его волоса,
Как щетина у кабана.

В замке Кеннета песни веселья всю ночь
Не смолкали и свет не гас,
Драгоценные кубки искристым вином
Наполнялись множество раз.

— Был бы Вильям со мной, мой любезный сын,
Нашей славы опора и страж...
Не успел сказать — распахнулась дверь,
И вбежал испуганный паж:

— Я их видел, хозяин, за ближним холмом,
Я их видел — числа им несть,
Тьма блистательных всадников в черной броне,
И один из них крикнул: «Мечь!»

Юный кравчий, который с улыбкою нес
Лорду Кеннету полный бокал,
Побледнел и на пол его уронил.
И храбрейший смущенно молчал.

На оленьей охоте случилось ли вам
Вожака стрелой поражать?
Точно так же от ужаса стадо дрожит
И не может даже бежать.

— Лорду Вильяму быстро несите, гонцы,
Весть, что замок отца осажден!
— Отпирают ворота — вы слышите, лорд?
Кто-то скачет сюда... Это — он!

— Добрый день, я сказал бы, мой доблестный сын,
Но, увы, этот день не таков,
Ты явился в злой, а не в добрый час,
Чтобы встретить отцовских врагов.

— Будет проклята эта позорная мысль!
Ибо враг отца моего —
Враг и мне. И не ты ли меня с малых лет
Не бояться учил никого?

— Знать бы раньше... — с тоскою промолвил отец.
— Знаем нынче! — сын отрубил. —
Не к лицу нам бабская болтовня. —
И три раза в рог протрубил.

Этой ночью Маргарет плохо спалось,
Сон бежал от ее ресниц,
И едва слышала трубный звук —
Торопливо спустилась вниз.

— Что случилось, Кеннет? — спросила она. —
Кто трубил на рассвете в рог?
Мне приснилось во сне, будто капает кровь
На прекрасный белый цветок.

— Это ты, мой Вильям, мой сын дорогой,
Разбудил меня в ранний час?
— Эти лилии — мы, дорогая мать,
Кровь врага — эта кровь на нас.

— Чью же кровь собирается сын мой пролить?
Не пора ли забыть вражду?
Я-то думала: мир возвещает труба.
А она возвещает беду?

Все молчали и взгляд отводили, пока
Не решился Вильям сказать:
— Торжества над врагами, удачи в бою
Ты не раз нам желала, мать.

Пусть же крестное знаменье длани твоей
Нас и в этот раз защитит,
Чтобы нынче, с победой вернувшись, на гвоздь
Отдыхать я повесил щит.

Не слыхала ты, чтобы Вильям твой
С поля боя позорно бежал,
Но слыхала, как Вильяма клич боевой
Смертным страхом врагов поражал.

Если нам суждено в этой битве пасть —
Не забудут люди про нас,
И о наших делах на высокой скале
Начертают правдивый рассказ.

— Торопитесь! Уолтер скачет сюда,
Взор его нетерпением горит,
Он соратников, скачущих ветра быстрей,
За медлительность громко бранит.

— Я клянусь, — крикнул Вильям, — мы встретимся
с ним,

Я собью с Уолтера спесь,
Поглядим-ка на деле, каков этот лев!
Вы же все оставайтесь здесь.

— Нет! — воскликнул лорд Кеннет. — Не тяжек еще
Для руки этот меч боевой.
Если я испугаюсь свирепых врагов —
Смейтесь все над моей сединой!

Кеннет с сыном из замка ринулись вон,
За воротами строились в ряд
В сталь одетые лучшие воины их.
Громким криком их встретил отряд.

— Эй, гонец, скажи Уолтеру так:
Для чего ты сюда пришел?
Почему оружия воинственный звон
Огласил этот мирный дол?

— Знай, — ответил Уолтер, — что этой рукой
Дам я Кеннетам твердый ответ,
И напомни-ка им о жестоких делах,
Что творили они много лет.

Кто убил моего дорогого отца?
Кто принес разрушение туда,
Где безоблачным утром в замке моем
Возвещала радость труба?

Не успел ответа гонец передать,
Как летучие стрелы взвились.
От излишнего пыла стрелявших они
Поразили небесную высь.

— Так всегда стреляют наши враги! —
Молвил Вильям, стрелой не сражен. —
Я воюю не ветром, а этим мечом! —
И рванул клинок из ножен.

И под сводом из стрел устремились они
С громким кличем: «Ни шагу назад!»
Так под радугой черная туча порой
Громовой испускает раскат.

Тут отважный Уолтер с коня соскочил
И в сторонку отвел под уздцы.
— Пусть проклятье на головы наши падет,
Коль помыслят о бегстве бойцы!

Непреклонен и тверд был Уолтера шаг,
Твердо щит он держал пред собой.
Неизвестно: кто бы кого одолел,
Если б мог повториться бой.

В ожидании Маргарет возле окна,
В окружение служанок своих.
Вдруг внезапного ветра могучий порыв
Просвистел через замок — и стих.

— Кто там крикнул внизу? Не стряслось ли беды?
Не ворвались ли в замок враги?
— Кеннет с Вильямом — оба убиты в бою,
Торопись, хозяйка, беги!

Закричали служанки, а ей, увы,
Даже вскрикнуть уже не успеть:
Лишь вздохнула тяжело, склонила главу,
И глаза ей закрыла Смерть.

Д Ж О Н Н И И З Б Р Е Д И С Л И

Поднялся Джонни майским утром,
Спросил воды — лицо умыть.
«С цепей спустите серых гончих,
Но — до охоты — не кормить!»

Узнала мать его об этом,
Ломает руки, слезы льет:
«О Джонни, что ты вдруг задумал!
Тебя в лесу погибель ждет!

У нас хлебов пшеничных вдоволь,
У нас вина хоть пруд пруди!
Останься лучше дома, Джонни!
За дичью в лес не уходи!»

Но Джонни взял свой добрый лук,
Взглянул — бежит ли свора,
И за дичиной поспешил
В чащобы Дёррисдора.

Когда он мимо Мерримесс
По тропке узкой поспешал,
Заметил он, что в стороне
Олень средь вереска лежал.

Стрела запела — зверь вскочил,
Но меток был удар стрелка;
Оленя раненого псы
Настигли возле ростника.

Оленя Джонни ободрал,
Срэзал мясо с костей
И потчевал кровожадных псов,
Словно господских детей.

И столько оленины съели они
На пиршестве том лесном,
Что сам он и кровожадные псы
Заснули мертвецким сном.

Стороной той старый оборвыш брел —
Будь он проклят во веки веков!
Потому что направился он в Хислингтоп,
Где Семеро Лесников.

«Что нового скажешь, седой босяк,
Что нового скажешь нам?»
«Ничего, — говорит он, — кроме того,
Что увидел, не веря глазам!»

Когда проходил я у Мерримесс,
Среди заповедных лесов,
Красивейший юноша крепко спал
В окружении серых псов.

Рубашка была на юноше том
Голландского полотна,
Поверх нее богатый камзол
Из линкольнского сукна.

Две дюжины на камзоле блестит
Пуговиц золотых,
И морды в оленьей крови у псов,
Кровожадных и злых».

Тогда заявляет Первый Лесник —
Глава остальных шести:
«Если это Джонни из Бредисли,
Нам лучше бы не идти!»

Тогда заявляет Шестой Лесник
(Сын младшей сестры того):
«Если это Джонни из Бредисли,
Пойдемте уьем его!»

А первой стрелюю каждый Лесник
В колено ему попал.
Тогда заявляет Седьмой Лесник:
«Пометче — и он пропал!»

А Джонни, к дубу спиной привалясь,
В камень упер стопу
И всех Лесников, oprичь одного,
Свалил на лесную тропу.

А тому Леснику три ребра сломал,
И ключицу ему перебил,
И скрюченным бросил его на седло,
Чтобы миру вестником был.

«О певчая пташка, сыщись в лесу,
Что накажу — просвисти!
Ты к матушке милой моей лети —
Проси ее к Джонни прийти!»

И к родимой его прилетает скворец;
На окошко сел и поет.
А припев его песенки был такой:
«Что-то Джонни домой не идет!»

И взяли они из орешины жердь,
Еще из терновника шест,
И многое множество их пошло
За раненым Джонни в лес.

И говорит его старая мать,
А горькие слезы текут:
«Ты не слушал, Джонни, советов моих —
Вот и встретил погибель тут!»

Случалось мне в Бредисли приносить
И малый груз, и большой.
Не случалось мне в Бредисли приносить,
О чем извелась душой.

И горе тому босяку-старика —
Будь он проклят во веки веков!
Высочайшее дерево в Мерримесс
Сколь угодно взрастило суков».

А луку Джонни теперь не стрелять,
Серым псам не бежать никуда.
В Дёррисдеррской Джонни лежит земле,
Отохотившись навсегда.

Л Э М К И Н

На белом свете Лэмкин
Всех лучше камень клал.
Он замок Вири строил,
А денег не видал.

«Плати давай, лорд Вири!
Давненько я гожу!»
«Где взять мне денег, Лэмкин?
Я в море ухожу!»

«Плати давай, лорд Вири!
Плати по всем счетам!»
«Где взять мне денег, Лэмкин,
Коль землю не продам?»

«Не платишь мне, лорд Вири?
Сам на себя пеняй!
Когда домой вернешься,
Заплачешь, так и знай!»

Лорд Вири сел на корабль,
Поплыл по морской волне.
Берець свой новый замок
Наказывал жене.

Была там негодница нянька
Из тех, кому в петлю идти.
Нянька с Лэмкином спелась,
Покуда хозяин в пути.

С Лэмкином спелась нянька,
Стал он ей первый друг;
Она его в замок впустила,
Когда отпустили слуг.

«Эй, нянька, а где же слуги,
Которые знают меня?»
«Они на гумне молотят —
Придут на исходе дня!»

«Эй, нянька, а где ж служанки,
Которые знают меня?»
«Они на речке стирают —
Придут на исходе дня!»

«Эй, нянька, а где их дети,
Которые знают меня?»
«Азбуку в школе читают —
Придут на исходе дня!»

«Эй, нянька, а где хозяйка,
Которая знает меня?»
«Шьет на своей половине —
Придет среди бела дня!!»

Тогда беспощадный Лэмкин
Вынимает нож из ножон,
И хозяйкиного младенца
Ножом ударяет он.

И он колыбель качает,
И подлая нянька поет.
А на пол из колыбели
Кровь тихонько течет.

Тут молвит хозяйка замка
Из приоткрытых дверей:
«Эй, нянька, младенец плачет!
Уйми его поскорей.

Уйми младенчика, нянька,
Соской уйми его!»
«Он не уймется, хозяйка,
Ничем и ни от чего!»

«Уйми младенчика, нянька,
Уйми его бубенцом!»
«Он не уймется, хозяйка,
Даже за графство с дворцом!»

«Уйми младенчика, нянька,
Гремушкой его уйми!»
«Он не уймется, хозяйка,
Покамест мать за дверьми!»

Шагнула леди с приступка —
Ей под ногу камень попал.
Шагнула с другого приступка —
Пред нею Лэмкин стоял.

«О, сжался, жестокий Лэмкин!
Сжался и спрячь свой нож!
Мало тебе младенца —
Еще и меня убьешь?»

«Убить ли мне ее, нянька,
Или оставить живой?»
«Убей, беспощадный Лэмкин,
Убей за нрав ее злой!»

«Тогда — для господской крови,
Ведь леди ваша знатна, —
Скорей посудину вымой,
Чтоб чистой была она!»

«Зачем посудина, Лэмкин?
Пусть кровь ее на пол течет!
Неужто и тут окажем
Дворянской крови почет?»

Три месяца промелькнули,
Лорд Вири вернулся в срок,
Но сердце его томилось,
Когда ступил на порог.

«Чья это кровь, — говорит он, —
По полу разлита?»
«Она из сердца хозяйки
И, точно янтарь, чиста!»

«А это чья кровь, — говорит он, —
Мое обагрила жильё?»
«Она из сердца младенца,
И нету чище ее!»

О черный дрозд, ты сладко поешь
В шиповнике у земли,
Но Лэмкину горше стенать пришлось,
Когда его вешать вели!

О серый дрозд, ты сладко свистишь
В терновнике на заре,
Но няньке горше стенать пришлось,
Когда ее жгли на костре!

Э Д В А Р Д

1

«Чьей кровию меч ты свой так обагрил?
Эдвард, Эдвард?
Чьей кровию меч ты свой так обагрил?
Зачем ты глядишь так сурово?»

«То сокола я, рассердяся, убил,
Мать моя, мать,
То сокола я, рассердяся, убил,
И негде добыть мне другого!»

2

«У сокола кровь так красна не бежит,
Эдвард, Эдвард!
У сокола кровь так красна не бежит,
Твой меч окровавлен краснее!»
«Мой конь красно-бурый был мною убит,
Мать моя, мать!
Мой конь красно-бурый был мною убит,
Тоскую по добром коне я!»

3

«Конь стар у тебя, эта кровь не его,
Эдвард, Эдвард!
Конь стар у тебя, эта кровь не его,
Не то в твоём сумрачном взоре!»
«Отца я сейчас заколол моего,
Мать моя, мать!
Отца я сейчас заколол моего,
И лютое жжет меня горе!»

4

«А грех чем тяжёлый искупишь ты свой,
Эдвард, Эдвард?
А грех чем тяжёлый искупишь ты свой?
Чем съмешь ты с совести ношу?»
«Я сяду в ладью непогодой морской,
Мать моя, мать!
Я сяду в ладью непогодой морской,
И ветру все парусы брошу!»

5

«А с башней что будет и с домом твоим,
Эдвард, Эдвард?
А с башней что будет и с домом твоим,
Ладья когда в море отчалит?»

«Пусть ветер и буря гуляют по ним,
Мать моя, мать!
Пусть ветер и буря гуляют по ним,
Доколе их в прах не повалят!»

6

«Что ж будет с твоими с детьми и с женой,
Эдвард, Эдвард?
Что ж будет с твоими с детьми и с женой
В их горькой, беспомощной доле?»
«Пусть по миру ходят за хлебом с сумой,
Мать моя, мать!
Пусть по миру ходят за хлебом с сумой,
Я с ними не свижуся боле!»

7

«А матери что ты оставишь своей,
Эдвард, Эдвард?
А матери что ты оставишь своей,
Тебя что у груди качала?»
«Проклятье тебе до скончания дней,
Мать моя, мать!
Проклятье тебе до скончания дней,
Тебе, что мне грех нашептала!»

Д Ж О Р Д Ж К Е М П Б Е Л Л

Долиной реки
И по горной стране
Доблестный Кемпбелл
Скакал на коне.

Оседлан и взнуздан
Был конь вороной.
Без всадника в полночь
Пришел он домой.

Встала с постели
Старая мать.
Жена молодая
Вышла встречать.

«Зелен мой луг,
Но никем он не кошен.
Бедный ребеночек мой
Не доношен!»

Оседланный, взнузданный,
Конь вороной,
Обрызганный кровью,
Вернулся домой.

Тяжко вздымались
Бока у коня.
Стремя о пряжку
Билось, звеня.

ГИЛ МОРРИС

Гил Моррис сыном эрла был,
Но всюду славен он
Не за богатое житье
И не за гордый тон,
А из-за леди молодой
Из Кэрронских сторон.

«О, где гонец, кому чулки
Мне с башмаками дать?
Пусть к лорду Барнарду спешит —
К нам леди в гости звать!
О Вилли, быть тебе гонцом,
Подходишь ты вполне,
И, где другой пойдет пешком,
Помчишься на коне!»

«О нет! О нет, мой господин!
Задача не по мне!
Я ехать к Барнарду боюсь
С письмом к его жене.
«Мой Вилли, милый Вилли мой,
Мой птенчик дорогой,
Меня послушаться нельзя —
Ступай и — бог с тобой!»

«Нет! Нет! Мой добрый господин!
Зеленый лес — твой дом!
Оставь свой замысел, оставь,
Чтоб не жалеть потом!»
«Скачи к ним в замок, я сказал,
К нам госпожу зови!
А не исполнишь мой приказ —
Умоешься в крови!

Пусть плащ принять благоволит,
Весь в золоте, с каймой,
Пускай придет совсем одна,
Чтоб свидетелься со мной.
Отдай рубашку ей мою,
Что вышита крестом,
И поскорей проси прийти,
Чтоб лорд не знал о том».

«Ну что ж! Я выполню приказ,
Но месть найдет тебя,
Не хочешь слушать слов моих,
Пеняй же на себя.
Лорд Барнард мощен и свиреп,
Не терпит сраму он,
И ты до вечера поймешь,
Сколь мало ты силен!

Приказ твой — для меня закон,
Но горе будет, знай!
Все обернется не добром —
Сам на себя пеняй!»
И, мост разбитый повстречав,
Он лук сгибал и плыл,
И, на зеленый луг ступив,
Бежал что было сил.

И, к замку Барнарда примчав,
Не крикнул: «Отвори!» —
А в стену лук упер и — прыг! —
И тотчас был внутри!
Он страже слова не сказал
О деле о своем,
А прямо в зал прошел, где все
Сидели за столом.

«Привет, милорд и госпожа!
Я с делом и спешу!
Вас, госпожа, в зеленый лес
Пожаловать прошу.
Благоволите плащ принять
Весь в золоте с каймой.
А посетить зеленый лес
Вам велено одной.

Не эту ли рубашку вы
Расшили всю крестом?
Гил Моррис вас просил прийти,
Чтоб лорд не знал о том».
Но леди топнула ногой
И бровью повела,
И речь ответная ее
Достоиную была:

«Ты, верно, к горничной моей
И спутал имена!»
«Нет, к леди Барнард послан я.
По-моему, вы — она!»
Тут хитрая мамка с дитем на руках
Молвила в стороне:
«Если это Гил Моррис послал,
Очень приятно мне!»

«Ты врешь, негодница мамка, врешь!
Ибо для лжи создана!
Я к леди Барнард послан был.
По-моему, ты — не она!»

Но грозный Барнард между тем
Озлился и вспылал;
Забыв себя, дубовый стол
Он пнул, что было сил, —
И утварь всю, и серебро
Сломал и перебил.

«Эй, платье лучшее свое
Снимай, жена, с крюка!
Пойду взгляну в зеленый лес
На твоего дружка!»

«Лорд Барнард, не ходи туда,
Останься дома, лорд;
Известно всем, что ты жесток
Не менее, чем горд».

Сидит Гил Моррис в зеленом лесу,
Насвистывает и поет:
«О, почему сюда люди идут,
А мать моя не идет?»
Как пряжа золотая Минервы самой,
Злато его волос.
Губы, точно розы в росе,
Дыханье — душистей роз.

Чело его, словно горный снег,
Над которым встал рассвет.
Глаза его озер голубей.
А щеки — маков цвет.
Одет Гил Моррис в зеленый наряд
Цвета юной весны.
И долину он заставил звенеть,
Как дрозд с верхушки сосны.

Лорд Барнард явился в зеленый лес,
Томясь от горя и зла, —
Гил Моррис причесывает меж тем
Волосы вокруг чела.
И слышит лорд Барнард, как тот поет;
А песня такой была,
Что ярость любую могла унять,
Отчаянье — не могла.

«Не странно, не странно, Гил Моррис, мне,
Что леди ты всех милей.
И пяди нет на теле моем
Светлее пятки твоей.
Красив ты, Гил Моррис, но сам и пеняй
Теперь на свою красу.
Прощайся с прекрасной своей головой —
Я в замок ее унесу».

И выхватил он булатный клинок,
И жарко блеснул клинок,
И голову Гила, что краше нет,
Жестокий удар отсек.

Прекрасную голову лорд приказал
Насадить на копые
И распоследнему смерду велел
В замок нести ее.

Он тело Гила Морриса взял,
Седла поперек взвалил,
И привез его в расписной покой,
И на постель положил.
Леди глядит из узких бойниц,
Бледная точно смерть,
И видит, голову на копые
Несет распоследний смерд.

«Я эту голову больше люблю
И эту светлую прядь,
Чем лорда Барнарда с графством его,
Которое не обскакать.
Я Гила Морриса своего
Любила, как никого!»
И в подбородок она и в уста
Давай целовать его.

«В отцовском доме я тебя зачала,
Ославив отцовский дом.
Растила в добром зеленом лесу
Под проливным дождем.
Сидела, бывало, у зыбки твоей,
Боясь тебя разбудить.
Теперь мне к могиле твоей ходить —
Соленые слезы лить!»

Потом целовала щеку в крови
И подбородок в крови:
«Никто и ничто не заменят мне
Этой моей любви!»
«Негодная грешница, прочь от меня!
Твое искупление — смерть!
Да знал бы я, что он тебе сын,
Как бы я мог посметь?!»

«О! Не кори, лорд Барнард, не мучь
Злосчастную ты меня!
Пронзи мне сердце кровавым клинком,
Чтоб не видеть мне бела дня!

И если Гила Морриса смерть
Твою ревность унять могла,
Сгуби, лорд Барнард, тогда и меня,
Тебе не желавшую зла!»

«Теперь ни тьма, ни белый свет
Не уймут моей маеты,—
Я стану скорбеть, я стану точить
Слезы до слепоты.
Достаточно крови пролил я —
К чему еще кровь твоя?
О, почему вместо вас двоих
Бесславно не умер я?»

Мне горше горя слезы твои —
Но как я мог, как я мог
Своею проклятою рукой
Вонзить в него клинок?
Не смоят слезы, госпожа,
Содеянного во зле!
Вот голова его на копье,
Вот кровь на сырой земле.

Десницу я проклял за этот удар,
Сердце — за злую мысль,
Ноги за то, что в лесную дебрь
Безудержно понеслись!
И горевать я стану о нем,
Как если б он сын мне был!
И не забуду страшного дня,
Когда я его сгубил!»

КОСПАТРИК

Коспатрик за море послал людей,
Коспатрик послал за невестой своей,
И корабли Зеленой земли
К шотландскому берегу подошли.

Две дюжины были свитой морской,
Две дюжины были с пшеничной мукой,
Две дюжины — с хлебом печеным в мешках,
Две дюжины — с золотом в сундуках.

В шелка и в бархат наряжена,
Весь путь беспрестанно рыдала она,
А Вилли-стремянный и ночью и днем
Держался рядом с ее конем.

«Быть может, сползают подушки седла?
Быть может, дорога тебе тяжела?
А может, повод для слез иной —
Что ты Коспатрика будешь женой?»

«О нет, моей грусти не то виной,
Что я Коспатрика буду женой:
Мне горьких слез потому не унять,
Что я оставила добрую мать.

Но, юноша милый, поведай мне.
Какой обычай в твоей стране?»
«Обычай Коспатрика, так скажу,
Не может обрадовать госпожу.

Семь раз на принцессах он был женат,
Семь раз отсылал их в слезах назад,
Их ночью на ложе свое привлекал
И груди им поутру отсекал.

Но если ты раньше не знала мужчин,
Для страха и трепета нет причин;
А если твоя под угрозой грудь,
Найми служанку какую-нибудь».

И крикнула леди служанку свою:
«Пять тысяч марок тебе даю,
Если решишься в обличье моем
С Коспатриком ночь провести вдвоем...»

Когда отзвонили колокола
И ночь испытания в дом пришла,
Служанку с Коспатриком отвели
В спальню, где рядом они легли.

«А ну-ка, кровать, не таи от меня,
И ты, одеяло, и ты, простыня,
И ты мне ответь, мой надежный клинок,
С девой ли я на ложе возлегу?»

«Да, девушка эта и впрямь чиста,
Да только девушка эта — не та,
У этой не смяты цветы чистоты,
Да только не с этой обвенчан ты!»

Коспатрик в гневе вскочил, как зверь,
Коспатрик в гневе захлопнул дверь
И, пробежав через двадцать зал,
Он к матери в опочивальню вбежал.

«О, знал ли хоть кто-нибудь из христиан
Такое коварство, такой обман?!
Я девушке скромной сердце вручил —
И бабу с начинкою получил!»

«Спокойнее, сын мой, останься тут,
И пусть друзья тебя развлекут,
А я между тем пойду погляжу
На леди твою, на твою госпожу».

Старуха дородна была и сильна,
И двери с петель сорвала она:
«А ну-ка, скажи, от кого твой плод?
Кто он: слуга, или смерд, или лорд?»

«О, выслушай, мать, расскажу я тебе
О горестной, тяжкой моей судьбе.
Мы были сестры, нас было семь
Сестер прекрасных, известных всем.

Случилось все это погожим днем,
Когда мы покоńczyли с нашим шитьем;
Мы бросили жребий — кому из сестер
Идти за цветами в зеленый бор.

Увы, мне! Я младшей была в семье,
Но худшая доля досталась мне:
Мне жребий выпал идти туда —
Вот так и подкралась ко мне беда.

От старших сестер был наказ мне дан —
Рвать красные розы и пряный тимьян,
Рвать красные розы, омелу рвать,
Чтобы цветами обрадовать мать.

И только я стала собирать цветы,
Юноша сказочной красоты,
Нарядно одет и нарядно обут,
Подобный принцу, явился тут.

И девушка ль я или нет — меня
Он там продержал до скопчания дня,
И девушка ль я или нет — но мы
В лесу оставались до самой тьмы.

Он дал мне свою белокурую прядь,
Велел мне беречь ее и сохранять;
Он дал ожерелье — сказал, что спасет
Оно от несчастий и от невзгод;

Он дал мне кольцо золотое — его
Велел он беречь мне пуще всего». —
«И где же они, отвечай, не таи,
Сокровища редкостные твои?»

«О матушка милая, все они в том
Со мной неразлучном ларце золотом». —
«Что ж, дочка, сиди, дожидайся, — сейчас
Узнаю, к добру ли твой странный рассказ».

Оставив невестку вздыхать и рыдать,
Явилась к Коспатрику старая мать:
«А где ожерелье твое — талисман,
Который на случай беды тебе дан?»

А где золотое колечко — его
Беречь я велела пуще всего?» —
«Все это я в дар преподнес ввечеру
Прекрасной девице в заморском бору».

Но отдал бы я все владенья сполна,
Чтоб в эти покои явилась она,
Не пожалел бы и жизни земной,
Чтоб стала — хоть на день! — она мне женой».

«О сын мой, владенья свои пожалей,
Девушка эта под кровлей твоей;
И здравствуй на долгие времена:
Ты и красавица — муж и жена».

...И тридцати не минуло дней,
Как мальчик здоровый родился у ней,
И схож был красивым своим лицом
С Коспатриком он — со своим отцом.

Коспатрик здравицу провозгласил,
Коспатрик крикнул что было сил:
«Закутайте леди мою в шелка!
В парном молоке искупайте сынка!!!»

ВЕРНЫЙ СОКОЛ

— Недаром речью одарен
Ты, сокол быстрокрылый:
Снеси письмо, а с ним поклон
Моей подруге милой!

— Я рад снести ей письмецо
По твоему приказу.
Но как мне быть? Ее в лицо
Не видел я ни разу.

— Легко ты милую мою
Отыщешь, сокол ясный.
Среди невест в ее краю
Нет более прекрасной.

Пред старым замком, сокол мой,
Садись на дуб соседний.
Сиди и пой, когда домой
Придет она с обедни.

Придет с подругами она —
Их двадцать и четыре.
Нет счету звездам, а Луна
Одна в полночном мире.

Мою подругу ты найдешь
Меж дев звонкоголосых
По гребням, что сверкают сплошь
В ее тяжелых косах.

Вот сокол к замку прилетел
И сел на дуб соседний
И песню девушкам запел,
Вернувшись с обедни.

— За стол садитесь пить и есть,
Красавицы девицы,
А я хочу услышать весть
От этой вольной птицы.

— Свою мне песню вновь пропой,
Мой сокол сизокрылый.
Какую весточку с тобой
Прислал сегодня милый?

— Тебе я должен передать
Короткое посланье.
Твой друг не в силах больше ждать
И молит о свиданье.

— Скажи: пускай хлеба печет,
Готовит больше солода
И пусть меня на свадьбу ждет,
Покуда пиво молодо.

— Залого просит твой жених,
Он чахнет в ожиданье.
Кольцо и прядь кудрей твоих
Пошли в залог свиданья!

— Для друга прядь моих кудрей
Возьми, о сокол ясный.
Я шлю кольцо с руки моей
И встретиться согласна.
Пусть ждет в четвертой из церквей
Шотландии прекрасной!

К отцу с мольбой пошла она,
Склонилась у порога:
— Отец, мольба моя — одна.
Исполни, ради бога!

— Проси, проси, родная дочь,—
Сказал отец сурово,—
Но выкинь ты из сердца прочь
Шотландца молодого!

— О нет, я чую свой конец.
Возьми мой прах безгласный
И схорони его, отец,
В Шотландии прекрасной.

Там в первой церкви прикажи
Бить в колокол печальный.
В соседней церкви отслужи
Молебен погребальный.

У третьей дочку помяни
Раздачей подавня.
А у четвертой схорони...
Вот все мои желанья!

В светлицу тихую пошла
Красавица с поклоном,
На ложе девичье легла
С протяжным, тихим стоном.

Весь день, печальна и бледна,
Покоилась в постели,
А ночью выпила она
Питье из сонных зелий.

Исчезла краска нежных губ,
Пропал румянец алый.
Три дня недвижимая, как труп,
Красавица лежала...

Сидела в замке у огня
Столетняя колдунья.
— Ох, есть лекарство у меня! —
Промолвила ворчунья.

— Огонь велите-ка раздуть,
А я свинец расплавлю,
Струей свинца ожгу ей грудь
И встать ее заставлю!

Ожгла свинцом колдунья грудь,
Ожгла девице щеки,
Но не встревожила ничуть
Покой ее глубокий.

Вот братья дуб в лесу густом
Сестре на гроб срубили
И гроб дубовый серебром
Тяжелым обложили.

А сестры старшие скорей
Берутся за иголку
И саван шьют сестре своей,
Рубашку шьют из шелку...

— Спасибо, верный сокол мой,
Мой вестник быстрокрылый.
Вернулся рано ты домой.
Ну, что принес от милой?

— Принес я прядь ее кудрей,
Кольцо и обещанье
Прибыть к четвертой из церквей
Шотландских на свиданье.

— Скорее, паж, коня седлай,
Дай меч мой и кольчугу.
С тобой мы едем в дальний край
Встречать мою подругу!

Родные тело в храм внесли
И гулко отзвонили,
К другому храму подошли
И мессу отслужили.

Вот в третьем храме беднякам
Раздали подаянье.
Потом пошли в четвертый храм,
Где милый ждал свиданья.

— Эй, расступитесь, дайте путь,
Вы, родичи и слуги.
В последний раз хочу взглянуть,
В лицо моей подруги!

Но лишь упала пелена
С лица невесты милой,
Она воспрянула от сна
И с ним заговорила:

— О, дай мне хлеба поскорей,
О, дай вина немного.
Ведь для тебя я столько дней
В гробу постилась строго.

Эй, братья! Вам домой пора.
Погромче в рог трубите.
Как обманула вас сестра,
Вы дома расскажите.

Скажите всем, что не лежу
Я здесь на ложе вечном,
А в церковь светлую вхожу
В наряде подвенечном,

Что ждал в Шотландии меня
Не черный мрак могилы,
А ждал на паперти меня
Избранник сердца милый!

ПРЕКРАСНАЯ АННИ
ИЗ ЛОХ-РОЯН

— О, кто мне станет надевать
Мой легкий башмачок,
Перчатку тесную мою,
Мой новый поясок?

Кто желты косы гребешком
Серебряным расчесет?
Кто, милый друг мой, без тебя
Мое дитя утешит?

— Тебе наденет твой отец
Нарядный башмачок,
Перчатку — матушка твоя,
Сестрица — поясок.

Твой братец косы гребешком
Серебряным расчесет.
Пока твой милый далеко,
Господь дитя утешит!

— Где взять мне лодку и гребцов,
Готовых в путь опасный?
Пора мне друга навестить...
Я жду его напрасно!

Родной отец ей дал ладью.
С семьей она простилась.
Младенца на руки взяла
И в дальний путь пустилась.

Златые мачты далеко
Сверкали в синем море.
Шелка зеленых парусов
Шумели на просторе.

Она плыла по гребням волн
Не более недели,
И лодка к замку подошла —
К ее желанной цели.

Глухая ночь была темна,
И ветер дул сердитый,
И плакал мальчик на груди,
Плащом ее прикрытый.

— Открой, лорд Грэгори, открой!
Мне страшен мрак глубокий,
Гуляет ветер в волосах,
И дождь мне мочит щеки.

Она стучалась без конца,
Но спал — не слышал милый.
Вот вышла мать его к дверям.
— Кто там? — она спросила.

— Открой, открой мне, милый друг.
Я — Анни из Лох-Рбян.
В моих объятьях твой сынок
Озяб и неспокоен.

— Поди ты прочь, поди ты прочь!
Русалка ты из моря,
Ты фея злобная — и нам
Сулишь печаль и горе!

— Я не русалка, милый друг,
Клянусь, не злая фея.
Я — Анни верная твоя.
Впусти меня скорее!

— Коль Анни вправду бы ждала
Там, за моим порогом, —
Она явилась бы ко мне
С любви моей залогом!

— А ты забыл, как пировал
У нас в отцовском зале,
Как наши кольца мы с тобой
Друг другу передали.

Прекрасный перстень ты мне дал
И взял мой перстень чудный.
Твой был червонно-золотой,
А мой был изумрудный.

Открой, открой мне, милый друг.
Впусти меня скорее.
Твой сын к груди моей прильнул,
Дрожа и коченея!

— Поди ты прочь, поди ты прочь!
Я двери не открою.
Тебя давно я позабыл
И обручен с другою.

— Коль ты другую полюбил,
Коль ты нарушил слово,
Прощай, прощай, неверный друг.
Не встретиться нам снова!

Она пошла от замка прочь,
Лишь выглянула зорька.
В свою ладью она вошла
И стала плакать горько.

— Эй, уберите, моряки,
Вы мачту золотую.
На место мачты золотой
Поставьте вы простую.

Достаньте парус, моряки,
Из грубой, серой ткани.
В шелках и золоте не плыть
Забытой, бедной Анни!

Проснулся милый той порой
И грустно молвил он:
— Мне снился сон, о мать моя,
Мне снился тяжкий сон.

Я видел Анни, мать моя,
Мне страшно и теперь.
Она под ветром и дождем
Стучалась в нашу дверь.

Мне снилась Анни, мать моя,
Я вспомнить не могу.
Лежала мертвая она
У нас на берегу.

— Мой сын! Тут женщина была
С ребенком в эту ночь.
Я не решилась их впустить
И прогнала их прочь...

О, быстро, быстро он встает,
Бежит на берег моря
И видит: парус вдалеке
Уходит, с ветром споря.

— Вернись, о милая, вернись!
Эй, Анни, слушай, слушай! —
Но каждый крик под грохот волн
Звучал слабей и глуше.

— Эй, Анни, Анни, отзовись.
Вернись, пока не поздно! —
Чем громче звал он, тем сильней
Был грохот моря грозный.

Там ветер гнал за валом вал.
Ладья неслась, качалась.
И скоро Анни в пене волн
К его ногам примчалась.

Она неслась к его ногам
В бушующем прибое,
Но не вернулось вместе с ней
Дитя ее родное.

К груди подруги он припал.
В ней не было дыханья.
Он целовал ее в уста,
Хранившие молчанье.

— О злая мать! Пусть ждет тебя
Жестокая кончина
За смерть возлюбленной моей
И маленького сына!

О, помни, помни, злая мать,
Страданья бедной Анни,
Что за любовь свою ко мне
Погибла смертью ранней!

РУСАЛКА

В эту пятницу утром
Неслись мы вперед,
Оставляя маяк вдалеке.
Видим: следом за нами
Русалка плывет
С круглым зеркальцем,
С гребнем в руке.

Нам вдогонку
Летел ураган.
А кругом океан
Бушевал.

Убирать паруса
Приказал капитан
В это утро,
В последний аврал.

Показалась русалка
И скрылась опять.
И сказал
Наш матрос молодой:
— Я оставил на родине
Старую мать.
Пусть не ждет она сына домой.

Выйдет к берегу мать,
Будет паруса ждать
При бесчисленных звездах и луне.
Пусть напрасно не ждет,
Слез горючих не льет,
Пусть поищет, пошарит на дне!

Наши утлые шлюпки
Сорвала волна,
И сказал капитан удалой:
— Будет плакать моя
Молодая жена.
В эту ночь она станет вдовой!

По горбатым волнам
Мы неслись без руля,
И сказал
Наш запасливый кок:
— Не дождется земля
Моего корабля,
А меня не дождется сынок!

Мы работали дружно,
Тонули мы врозь —
Это было судьбой суждено.
Уцелевшей доски
Под рукой не нашлось,
И пошли мы на темное дно,
на дно,
па дно,

За русалкой
На темное дно!

ВОДЯНОЙ

Над колыбелькою склоняюсь,
Земная женщина поет:
«Не знаю я, кто твой отец,
В какой сторонке он живет...»

Вдруг встал в дверях на склоне дна
Страны неведомой жилец:
«Не бойся, милая, меня,
Я сына твоего отец.

Я человек лишь на земле,
Я дивный зверь среди зыбей,
И не доплыть на корабле
До берегов страны моей».

Большой кошель ей подает,
В нем звонко золото звенит,
«Возьми все золото, мой свет,
Малютку сына мне верни...

В погожий, ясный, летний день
Я заберу его с собой,
И научу в волнах нырять,
И пенный побеждать прибой...

Ты ж выйдешь замуж за стрелка,
И меткий будет он стрелок
От первой пули в тот же час
Погибну я и мой сынок...»

ХАЙНД ХОРН

Родился и рос в Шотландии он,
И звали люди его — Хайнд Хорн.

Он написал королю: «Господи!
Я полюбил твою дочку Джин».

Он ей не дарил дорогих обнов, —
В серебряной клетке семь певунов.

Она ему перстень дала тайком —
В нем семь алмазов горели огнем.

«Когда иссякнет ярчайший свет,
Поймешь, что любви моей больше нет».

На перстень взглянул он как-то раз
И видит, что радужный свет погас.

Он по морю плыл, он на сушу ступил,
Слепца повстречал и, волнуясь, спросил:

«Что нового, нет ли случайных вестей?»
«Нет, — старец в ответ, — никаких новостей.

Нет, — старец ответил, — разве лишь та,
Что в королевском дворце суета.

Там свадьбу справляют, гремят торжества,
И длятся они сорок дней и два».

«Не дашь ли мне, странник, гнилое тряпье?
Взамен же бери одеянье мое.

Не дашь ли, о странник, кривую клюку?
Конем за нее расплатиться смогу.

Не дашь ли волос мне седеющих клок,
Чтоб локоны светлые спрятать я мог?»

На мельницу плелся убогий слепец.
Хайнд Хорн поспешал в королевский дворец.

Но далее нищий поехал верхом.
Хайнд Хорн же к невесте пустился пешком.

И вот подошел он к воротам дворца,
Вина попросил, но не поднял лица.

Невеста ему выносила вино.
Он, выпив до дна, бросил перстень на дно.

«О, нету второго такого кольца!
Нашел ты его или снял с мертвеца?»

«Не выловил в море, не поднял с земли,
Но руки твои мне его поднесли!»

«Я сброшу наряд, волоса расплету
И вместе с тобой побираться пойду!

Я сброшу, я сброшу наряд дорогой
И нищенкой сирой пойду за тобой!»

«Не надо, о дева, волос расплетать —
Прекрасно уложена светлая прядь.

Не сбрасывай, дева, свой дивный наряд,
Я — нищий на час, а на деле — богат».

Невесту жених ожидал у стола,
Но с юным Хайнд Хорном невеста ушла.

КАРЛИК

Я встретил карлика, бродя
Вдоль берега реки.
Был карлик мал, хотя они
И все невелики.

На крепких ножках он стоял,
Заметный мне едва.
Был дюйм у карлика во лбу,
А меж плечами — два.

Он поднял камень и швырнул
Его за облака,
Я бы такой с земли поднять
Не смог наверняка.

— Ну и силен ты! — я сказал. —
А где твое жильё?
— Ты видишь замок вдалеке?
Там и жильё мое.

И мы отправились туда
Через зеленый луг,
И дева дивной красоты
Навстречу вышла вдруг.

В зеленых платьях шли за ней
Две дюжины других,
И королевою могла
Любая быть из них.

Прекрасный замок встретил нас,
Достойный короля,
Там кровля золотой была,
А пол — из хрусталя.

Веселый бал в разгаре был,
И каждый танцевал,
И я на лестницу ступил,
А карлик — вдруг пропал.

ЛОРД РОНАЛЬД

— Где был ты, мой Рональд? — В лесах, моя мать.

— Что долго скитался, единственный мой?

— Гонял я оленя. Стели мне кровать.

Устал я сегодня, мне нужен покой.

— Ты голоден, Рональд? — О нет, моя мать.

— Где нынче обедал, единственный мой?

— В гостях у невесты. Стели мне кровать.

Устал я сегодня, мне нужен покой.

— Что ел ты, мой Рональд? — Не помню я, мать.

— Подумай и вспомни, единственный мой!

— Угрей я отведал. Стели мне кровать.

Устал я сегодня, мне нужен покой.

— А где же борзые? — Не помню я, мать.

— Подумай и вспомни, единственный мой!

— Они околели... Стели мне кровать.

Устал я сегодня, мне нужен покой.

— Ты бледен, мой Рональд! — О мать, моя мать!..

— Тебя отравили, единственный мой!

— О да, я отравлен! Стели мне кровать.

Мне тяжело, мне душно, мне нужен покой.

БАЛЛАДА О ДВУХ СЕСТРАХ

К двум сестрам в терем над водой,
 Биннори, о Биннори,
Приехал рыцарь молодой,
 У славных мельниц Биннори.

Колечко старшей подарил,
 Биннори, о Биннори,
Но больше младшую любил,
 У славных мельниц Биннори.

И зависть старшую взяла,
 Биннори, о Биннори,
Что другу младшая мила,
 У славных мельниц Биннори.

Вот рано-рано поутру,
 Биннори, о Биннори,
Сестра гулять зовет сестру
 У славных мельниц Биннори.

— Вставай, сестрица, мой дружок,
 Биннори, о Биннори,
Пойдем со мной на бережок
 У славных мельниц Биннори.

Над речкой младшая сидит,
 Биннори, о Биннори,
На волны быстрые глядит,
 У славных мельниц Биннори.

А старшая подкралась к ней,
 Биннори, о Биннори,
И в омут сбросила с камней
 У славных мельниц Биннори.

— Сестрица, сжался надо мной,
 Биннори, о Биннори,
Ты станешь рыцаря женой,
 У славных мельниц Биннори.

Подай перчатку мне свою,
Биннори, о Биннори,
Тебе я друга отдаю,
У славных мельниц Биннори.

— Ступай, сестра моя, на дно,
Биннори, о Биннори,
Тебе спастись не суждено,
У славных мельниц Биннори.

Недолго младшая плыла,
Биннори, о Биннори,
Недолго старшую звала
У славных мельниц Биннори.

В плотине воду отвели,
Биннори, о Биннори,
И тело девушки нашли
У славных мельниц Биннори.

Девичий стан ее кругом,
Биннори, о Биннори,
Узорным стянут пояском,
У славных мельниц Биннори.

Не видно кос ее густых,
Биннори, о Биннори,
Из-за гробенок золотых,
У славных мельниц Биннори.

В тот день бродил у берегов,
Биннори, о Биннори,
Певец, желанный гость пиров,
У славных мельниц Биннори.

Он срезал прядь ее одну,
Биннори, о Биннори,
И свил упругую струну,
У славных мельниц Биннори.

Он взял две пряди золотых,
Биннори, о Биннори,
И две струны плетет из них,
У славных мельниц Биннори.

К ее отцу идет певец,
Биннори, о Биннори,
Он входит с арфой во дворец,
У славных мельниц Биннори.

Струна запела под рукой,
Биннори, о Биннори,
«Прощай, отец мой дорогой!»
У славных мельниц Биннори.

Другая вторит ей струна,
Биннори, о Биннори,
«Прощай, мой друг!» — поет она
У славных мельниц Биннори.

Все струны грянули, звеня,
Биннори, о Биннори,
«Сестра, стубила ты меня
У славных мельниц Биннори!»

ДЕВА ИЗАБЕЛЛ И ЛЕСНОЙ СТРАЖ

Дева Изабелл в дому за шитьем сидит,
Весеннею майской порою.
В дальней чаще Страж Лесной в звонкий рог трубит.
А солнце встает за горою.

«Вот бы звонкий рог трубил под моей стеной!»
Весеннею майской порою.
«Вот бы на груди моей спал бы Страж Лесной!»
А солнце встает за горою.

Не успела и сказать этих слов она —
Весеннею майской порою.
Страж Лесной уже стоял у ее окна.
А солнце встает за горою.

«Дивно мне! — он говорит. — Кто бы думать мог!»
Весеннею майской порою.
«Ты зовешь меня, а мне не трубится в рог!»
А солнце встает за горою.

«Не пожалуешь ли ты в мой приют лесной?»
Весеннею майской порою.
«Если боязно одной — поскачи со мной!»
А солнце встает за горою.

Повскакали на коней и — в лесной предел.
Весеннею майской порою.
Поскакали Страж Лесной с девой Изабелл.
А солнце встает за горою.

«Спешься, спешься, — он сказал, — мы в глухом краю».
Весеннею майской порою.
«Здесь ты, дева Изабелл, примешь смерть свою!»
А солнце встает за горою.

«Сжалься, сжалься, добрый сэр», — молвила она.
Весеннею майской порою.
«Я родную мать с отцом повидать должна!»
А солнце встает за горою.

Он в ответ ей говорит: «Здесь, в глуши лесной, —
Весеннею майской порою.
Семь царевен я убил, быть тебе восьмой».
А солнце встает за горою.

«Прежде чем погибну я в этой стороне, —
Весеннею майской порою.
Голову свою склони на колени мне».
А солнце встает за горою.

Нежно гладила его — он к ней ближе льнул.
Весеннею майской порою.
И от нежных этих чар Страж Лесной уснул.
А солнце встает за горою.

Тут она возьми шнурок — и свяжи его.
Весеннею майской порою.
Тут она возьми клинок — и пронзи его.
А солнце встает за горою.

«Семь царевен погубил ты в лесной глуши, —
Весеннею майской порою.
А теперь — им всем супруг — с ними и лежи!»
А солнце встает за горою.

«Коня ячменем накормите
И жареным мясом — слугу,
Сегодня к воротам любимой
Подъеду я, если смогу».

«О сын мой, останься со мною,
Останься со мною, молю,
И самую лучшую в доме
Постель я тебе постелю».

«Не тянет меня ни к постели,
Ни к отчому очагу —
Сегодня к воротам любимой
Подъеду я, если смогу».

«Останься, о Вилли, останься,
Останься со мною, сынок,
И я напою тебя пивом,
Тебе испеку я пирог».

«О мать, не тянусь я к застолю,
Ни к пиву, ни к пирогу —
Сегодня к воротам любимой
Подъеду я, если смогу».

«Что ж, если не хочешь остаться
Ты дома хоть на ночь одну,
Молись,— ибо Клайд разольется,
Когда я тебя прокляну!..»

...Скакал он, спешил к переправе,
Где Клайд разъярившийся выл,
Рев Клайда, неистовый, буйный,
И войско бы остановил.

«О Клайд, пощади и помилуй,
Позволь в твои воды войти,
А если пужна тебе жертва —
Сгуби на обратном пути!»

Вперед и вперед продвигаясь,
Захлебываясь в глубине,
Течение реки одолел он
И вышел на той стороне.

И вот наконец он, усталый,
Стоит у заветных дверей:
«Открой мне, любимая Мэгги,
Засов отодвинь поскорей,
Я вымок в реке и под ливнем —
Впусти меня и обогрей!»

«Я дверь никому не открою,—
Она отвечала во сне,—
Мой милый меня обнимает,
Другого не надобно мне».

«Впусти меня, милая Мэгги,
Скакал я издалека,
Проклятье на мне — и потопит
Меня этой ночью река».

«Все комнаты заняты, путник,
В одной джентльменов полно,
Другая наполнена сеном,
А в третьей хранится зерно».

...Проснулась прекрасная Мэгги,
И был ее голос, как стон:
«Приснился мне сон непонятный —
Да будет к добру этот сон!
Мне снился мой милый, мой Вилли,
Был бледен и пасмурен он».

«Лежи, не ворочайся, дочка,
Укройся и спину мне грей;
Еще не прошло получаса,
Как он отошел от дверей...»

«Эй, Вилли, вернись, мой любимый!»
Но крик ее ветер сносил,
А Вилли скакал к переправе,
Где Клайд разъярившийся выл,
Рев Клайда, неистовый, буйный,
И армию б остановил.

Все выше, бурля и беснуясь,
Его обступала вода,
А Вилли все ехал и ехал —
И в Клайде исчез навсегда.

Не видели Вилли отныне,
Нашли только плац да седло.

Не видели больше и Мэгги,
Лишь ленту волной принесло.

И птицы кружились над Клайдом,
Над Клайдом, содеавшим зло.

Р Ы Ц А Р Ь О В А Й Н

Когда ее скончалась мать,
Отец женился на дрянной,
На худшей женщине из всех,
Пришедших в этот мир земной.

Старалась девушка всю —
Топила печь, мела полы,
Но злая мачеха ее
С прибрежной сбросила скалы.

«Отныне здесь живи — и тут
Пусть беды все мои живут!
Пока не явится Овайн,
Чтобы тебя поцеловать,
Ни от кого, ни от чего
Тебе спасенья не видать!»

...Из уст ее зловонье шло,
И трижды вокруг большого пня
Обвиты косы были, — все
Ее боялись, как огня.

На берег моря поспешил
Храбрец Овайн, узнав о том,
И там, не смея подойти,
Смотрел на чудище с хвостом.

Из уст ее зловонье шло,
И косы вокруг большого пня,
Как змеи, трижды обвилились...
«О, поцелуй, Овайн, меня!

Вот королевский пояс — он
Из моря мною извлечен;
Мой талисман от тяжких ран
И от невзгод тебя спасет,
Но если хвост мой тронешь ты,
Погибель пояс принесет!»

И он ее поцеловал
И королевский пояс взял.

Из уст ее зловонье шло,
И косы вокруг большого пня,
Как змеи, дважды обвилились...
«О, поцелуй, Овайн, меня!
Вот королевский перстень — он
Из моря мною извлечен;
Мой талисман от тяжких ран
И от невзгод тебя спасет,
Но если тронешь плавники,
Погибель перстень принесет!»

И он ее поцеловал
И королевский перстень взял.

Из уст ее зловонье шло,
И косы вокруг большого пня
Всего один раз обвилились...
«О, поцелуй, Овайн, меня!
Вот короля печать — она
Из моря мной извлечена;
Мой талисман от тяжких ран
И от невзгод тебя спасет,
Но если тронешь ты меня,
Печать погибель принесет!»

Овайн ее поцеловал,
Печать таинственную взял —
И девы рот запах, как мед,
Коса не оплетала пень,
К Овайну дева подошла,
Прекрасная, как майский день.

«Любовь моя,— сказал Овайн,—
Какой, ответь мне, лютый враг,
Лесной ли волк, морской ли гад,
Тебя обезобразил так?»

«О, недруг мой — не волк лесной,
Не гад морской и не змея:
Обезобразила меня
Злодейка — мачеха моя.
Да будет кара ей за грех
Страшнее всех и горше всех,
Да пропадет она с тоски,
Да станут зубы, как клыки,
Чтоб по-людски ни пить, ни есть,
Да станут волосы, как шерсть,
Да будет ведьма в чаще жить,
На четвереньках там ходить,
Да будет вокруг нее зверье,
Да не спасет никто ее!»

КЛАРК САУНДЕРС

Кларк Саундерс и леди Маргарет
Гуляли в лесу дотемна.
Меж ними любовь зародилась
И горестна, и сильна.

«Моею, моею, Маргарет,
Моею ты стать должна!»
«Как можно до свадьбы такое!» —
Ему отвечает она.

«Придут мои семеро братьев —
У каждого факел в руке.
«Одна у нас, молвят, сестрица,
И вот ведь — при милом дружке!»

«Ты мечь мой достанешь из ножен,
Засов отодвинешь мечом
И сможешь, коль надо, поклясться,
Что дверь не открыла ключом.

Платок свой повязкой устроишь,
Чтоб крепче глаза завязать,
И сможешь, коль надо, поклясться,
Что мы не видались дней пять.

На ложе меня отнесешь ты,
Где нам до рассвета пробыть,
И сможешь, коль надо, поклясться,
Что я и не думал входить».

И, меч его взявши из ножен,
Засов отодвинув мечом,
Она поклялась бы, коль надо,
Что дверь не открыла ключом.

Платок свой повязкой устроив,
Чтоб крепче глаза завязать,
Она поклялась бы, коль надо,
Что с ним не видалась дней пять.

Она отнесла его к ложу,
Где им до рассвета пробыть,
И поклялась бы, коль надо,
Что он и не думал входить.

Тут семеро братьев явились —
У каждого факел в руке.
«Одна у нас, — молвят, — сестрица,
И вот ведь — при милом дружке!»

И первый тогда возглашает:
«Я знаю — они влюблены!»
Второй в свой черед возглашает:
«Их чувства, должно быть, сильны!»

И третий тогда возглашает:
«Грешно нам любовь разлучать!»
Четвертый тогда возглашает:
«И спящего грех убивать!»

И пятый тогда возглашает:
«Не мститель я этим двоим!»
Шестой в свой черед возглашает:
«Пойдемте, чего мы стоим!»

Седьмой в свой черед возглашает:
«Постыдна подобная речь!
Я с ним разочтусь за бесчестье;
И вот он — мой острый меч!»

И беспощадным ударом
Над ложем покров он рассек,
И спящего Кларка, как видно,
Пронзил беспощадный клинок.

Кларк вздрогнул, а Пэгги вздохнула
В объятьях его молодых,
И сладостно ночь промелькнула,
Как видно, для этих двоих.

Они лежали и спали
До того, как солнцу взойти,
И Маргарет тихо шепнула:
«Пора тебе, милый, идти!»

Они лежали и спали,
Но занялся небосклон,
И в глаза она Санди взглянула,
А в них дремота и сон.

Ей казалось — жаркая нега
Слепила младые тела,
А это — о праведный боже! —
Кровь его тела была!

«Я оплачу тебя, Кларк Саундерс,
Как не плакал никто ни о ком;
Семь безутешных годочков
Клянусь я ходить босиком!

Помяну я тебя, Кларк Саундерс,
Как другим помянуть не пришлось;
Семь безутешных годочков
Не коснусь я гребнем волос!

Горевать я стану, Кларк Саундерс,
Как никто и ни по кому;
Семь безутешных годочков
Я черных одежд не сниму!»

Со всех колоколен звонили,
Когда гроб несли хоронить,
И шептала Маргарет скорбно:
«Мне на белом свете не жить!»

Тут отец к ней в светелку приходит,
И шаги его тяжелы.

.
.

«Замолчи-ка, милая дочка,
Не сиди, шепча и скорбя,
Вот схороним злосчастливого парня,
Я приду — успокою тебя!»

«Семерых сыновей успокой ты!
А мне уж не сужен покой!
Не заменят ни лорд, ни безродный
Того, кто был ночью со мной!»

КЛЯТВА ВЕРНОСТИ

Мертвец явился к Мэрджери.
Взошел он на крыльцо,
У двери тихо застонал
И дернул за кольцо.

— О, кто там, кто там в поздний час
Ждет у дверей моих:
Отец родной, иль брат мой Джон,
Иль милый мой жених?

— Нет, не отец, не брат твой Джон
Ждут у дверей твоих.
То из Шотландии домой
Вернулся твой жених.

О, сжался, сжался надо мной,
О, сжался, пощади.
От клятвы верности меня
Навек освободи!

— Ты клятву верности мне дал,
Мой Вилли, не одну.
Но поцелуй в последний раз,
И клятву я верну.

— Мое дыханье тяжело,
И горек бледный рот.
Кого губами я коснусь,
Тот дня не проживет.

Петух поет- заря встает,
Петух поет опять.
Не место мертвым среди живых,
Нельзя мне больше ждать!

Он вышел в сад, она за ним.
Идут по склонам гор.
Вот видят церковь в стороне,
Кругом — зеленый двор.

Земля разверзлась перед ним
У самых, самых ног,
И снова Вилли молодой
В свою могилу лег.

— Что там за тени, милый друг,
Склонились с трех сторон?
— Три юных девы, Марджери,
Я с каждой обручен.

— Что там за тени, милый друг,
Над головой твоей?
— Мои малютки, Марджери,
От разных матерей.

— Что там за тени, милый друг?
У ног твоих лежат?
— Собаки ада, Марджери,
Могилу сторожат!

Она ударила его
Дрожащею рукой.
— Я возвращаю твой обет,
Пусть бог вернет покой!

Молодую красавицу рыцарь любил
И пришел на свиданье к ней,
Он ее ожидал под ракитой с утра,
А она появилась поздней.

Она долго сидела в доме своем
И печалилась в тишине:
«Ах, пойти ль на свиданье на Брумфилд-Хилл
Или дома остаться мне?»

Если я пойду на свиданье с ним —
Мне невинности не сберечь,
Останусь — и он упрекнет меня,
Что лживой была моя речь».

Эти жалобы слышала ворожея
И спокойно сказала ей:
«О леди, ты можешь там побывать,
Не утратив чести своей.

Ты придешь туда, и увидишь ты,
Что твой милый вздремнуть прилег —
Серебряный обруч на голове
И ракитовый куст у ног.

Ты с куста ракиты цветы сорвешь,
Ты сорвешь для него цветы,
И у ног его, у его головы
Их рассыплешь, разложишь ты.

Ты с руки золотое снимешь кольцо
И на палец наденешь ему,
Чтобы знал он, проснувшись: была ты верна
Обещанию своему».

...В изголовье любимого своего
Положила цветы она,
И это был дар, и это был знак,
Что осталась она честна...

«О мой добрый конь, серебром за тебя
И золотом я платил!
Почему, когда девушка здесь была,
Меня ты не разбудил?»

«Я стучал копытом, хозяин мой,
Я звенел во все удила,
Но ничто не могло разбудить тебя,
Пока девушка не ушла».

«О сокол, как же ты оплошал —
Я так сильно тебя любил!
Почему, когда девушка здесь была,
Меня ты не разбудил?»

«Я будил бубенчиками тебя,
Я будил ударом крыла,
Я кричал: «Проснись, хозяин, проснись,
Пока девушка не ушла!»

«О мой добрый конь, торопись догнать
Убежавшую гостью мою,
А иначе достанется мясо твое
Ненасытному воронью!»

«О хозяин! Не стоит коня своего
Беспощадной плетью хлестать:
Сквозь раkitник бежала так быстро она,
Как и птица не может летать!»

ЛЕДИ И КУЗНЕЦ

Леди у окошка
Сидит, как снег, бела.
Кузнец глядит в окошко,
Черный, как смола.

— Зачем в окно глядишь, кузнец?
О чем, кузнец, поешь?
Ты пой — не пой, а под венец
Меня не поведешь!

Сидеть мне лучше в девушках
У матери-отца,
Чем быть женою грязного,
Такого неученого,
Такого безобразного,
Такого закопченного
Невежи-кузнеца!

Девица стала уточкой,
Плывет она под мост.
А он веселым селезнем
Поймал ее за хвост.

Она лисой прикинулась,
Бежит, не чуя ног.
А он собакой гончею
Лисицу подстерг.

Девица стала мухою,
Стал пауком кузнец
И муху паутиною
Опутал наконец.

Он муху паутиною
Опутал наконец.
Ведет кузнец красавицу
Невесту под венец.

ТОМАС РИФМАЧ

Над быстрой речкой верный Том
Прилег с дороги отдохнуть.
Глядит: красавица верхом
К воде по склону держит путь.

Зеленый шелк — ее наряд,
А сверху плащ красней огня,
И колокольчики звенят
На прядках гривы у коня.

Ее чудесной красотой,
Как солнцем, Том был ослеплен.
— Хвала Марии Пресвятой! —
Склоняясь ниц, воскликнул он.

— Твои хвалы мне не нужны,
Меня Марией не зовут.
Я — королева той страны,
Где эльфы вольные живут.

Побудь часок со мной вдвоем,
Да не робей, вставай с колен,
Но не целуй меня, мой Том,
Иль попадешь надолго в плен.

— Ну, будь что будет! — он сказал.—
Я не боюсь твоих угроз! —
И верный Том поцеловал
Ее в уста краснее роз.

— Ты позабыл про мой запрет.
За это — к худу иль к добру —
Тебя, мой рыцарь, на семь лет
К себе на службу я беру!

На снежно-белого коня
Она взошла. За нею — Том.
И вот, уздечкою звеня,
Пустились в путь они вдвоем.

Они неслись во весь опор.
Казалось, конь летит стрелой.
Пред ними был пустой простор,
А за плечами — край жилой.

— На миг, мой Том, с коня сойди
И головой ко мне склонись.
Есть три дороги впереди.
Ты их запомнить поклянись.

Вот этот путь, что вверх идет,
Тернист и тесен, прям и крут.
К добру и правде он ведет,
По нем немногие идут.

Другая — торная — тропа
Полна соблазнов и услад.
По ней всегда идет толпа,
Но этот путь — дорога в ад.

Бежит, петляя, меж болот
Дорожка третья, как змея,
Она в Эльфландию ведет,
Где скоро будем ты да я.

Что б ни увидел ты вокруг,
Молчать ты должен, как немой,
А проболтаешься, мой друг,
Так не воротисься домой!

Через потоки в темноте
Несется конь то вплавь, то вброд.
Ни звезд, ни солнца в высоте,
И только слышен рокот вод.

Несется конь в кромешной мгле,
Густая кровь коню по грудь.
Вся кровь, что льется на земле,
В тот мрачный край находит путь.

Но вот пред ними сад встает.
И фея, ветку наклонив,
Сказала: — Съешь румяный плод —
И будешь ты всегда правдив!

— Благодарю, — ответил Том, —
Мне ни к чему подарок ваш:
С таким правдивым языком
У нас не купишь — не продашь.

Не скажешь правды напрямик
Ни женщине, ни королю...
— Попридержи, мой Том, язык
И делай то, что я велю!

В зеленый шелк обут был Том,
В зеленый бархат был одет.
И про него в краю родном
Никто не знал семь долгих лет.

МОЛОДОЙ ТЭМЛЕЙН

«Вы все, чей шелком шит подол,
А косы — льна светлей,
Не смейте бегать в Картерхолл —
Там молодой Тэмлейн.

У многих он забрал в залог —
Тех девушек не счесть —
Зеленый плащ, иль перстенок,
Или девичью честь».

Дженет зеленый свой подол
Повыше подняла,
И золото тяжелых кос
Потуже заплела,
И побежала по тропе,
Что в Картерхолл вела.

Душисты розы и пышны,
Роняют алый цвет,
Конь бьет копытом у стены,
А всадника все нет.

Но лишь цветок, что всех пышней,
Взяла за стебелек,
Явился рыцарь перед ней,
И строен и высок.

«Зачем ты топчешь мох, Дженет,
Зачем ты рвешь цветы?
Зачем в мой заповедный сад
Пришла без спросу ты?»

«Тебя просить мне не к лицу —
Здесь не твоя земля!
Она принадлежит отцу,
И здесь хозяйка — я!»

Дженет зеленый свой подол
Рукой подобрала,
И узел золотых волос
Сколола, как могла,
И под собой не чуя ног
Домой к себе пошла.

Играют девушки в саду,
Звенит веселый смех;
Когда-то милая Дженет
Была прекрасней всех.

Она цвела, как маков цвет,
На радость всем родным,
А нынче щеки у Дженет
Как травка, зелены.

«За вас, прекрасная Дженет,
Всем в замке нагорит!
И стар и мал — держи ответ!» —
Ей рыцарь говорит.

«Эй, замолчи, старик седой,
Замаливай грехи!
С седой колючей бородой
Не суйся в женихи!»

Ее жалея и любя,
Ей говорит отец:
«Ребенок будет у тебя,
Тебе бы под венец...»

«Что ж, если я рожу дитя,
Отца его найду.
Ни с кем из рыцарей твоих
К венцу я не пойду.

Мой милый мне дороже всех
Властителей земных,
Его не променяю я
Ни на кого из них!

Я от него не откажусь,
Не отступлюсь вовек,
Хоть мой любимый — рыцарь-эльф,
Не смертный человек.

Летит на скакуне лихом,
Не ведая преград,
Подковы блещут серебром
И золотом горят!»

Дженет зеленый свой подол
Повыше подняла,
И золото тяжелых кос
Потуже заплела,
И побежала по тропе,
Что в Картерхолл вела.

Душисты розы и пышны,
Роняют алый цвет.
Конь бьет копытом у стены,
А всадника все нет.

Но лишь цветок, что всех пышней,
Взяла за стебелек,
Явился рыцарь перед ней,
И строен и высок.

«Не надо, леди, уставать,
Не надо рвать цветы —
Дитяти нашему с тобой
Не повредила б ты!»

«Скажи — молю я всем, что есть
Святого на земле, —
Ты в божьем храме был хоть раз,
Крещен ли ты, Тэмлейн?»

«Дженет, — ей отвечает он, —
Тебе не стану лгать:
Отец мой — рыцарь; как тебя,
Меня качала мать.

Меня воспитывал мой дед,
И горя я не знал,
Пока однажды в черный день
В беду я не попал.

В лесу холодный ветер выл
Под вечер злого дня,
С охоты ехал я без сил
И вдруг упал с коня —
В свой замок Королева Фей
Упрятала меня.

Но страшно вымолвить, Дженет:
Здесь, в сказочной стране,
Приносим каждые семь лет
Мы жертву Сатане;
Достойней рыцаря здесь нет:
Назначат жребий мне.

Назавтра, знай, День всех святых,
И только в эту ночь,
Дженет, коль пожелаешь ты,
Ты сможешь мне помочь.

Верхом поедет наш народ
В глухой полночный час.
На перекрестке трех дорог
Ты повстречаешь нас».

«Как мне узнать тебя, Тэмлейн,
Как мне тебя узнать,
Когда поедет по земле
Та неземная рать?»

«Ты первых конных пропусти,
Закутанных в плащи,
Вторым спокойно дай пройти,
Мужайся и молчи,
На трѣгѣх всадников гляди,
Средь них меня ищи.

Дай вороным пройти, Дженет,
И пропусти гнедых,
А снежно-белого хватай,
Не выпускай узды!

За то, что славный рыцарь я,
Мне оказали честь:
На снежно-белого коня
Мне разрешили сесть.

Увидишь — правая рука
В перчатке боевой,
А повод буду я держать
Свободною рукой.

Приметы эти затверди,
Не пропускай меня,
И наземь всадника ссади
С храпящего коня.

Они тотчас же обратят
Меня в булатный меч,
Но ты держи, не отпускай,
Коль хочешь мне помочь.

И стану я в твоих руках
Змеею и драконом,
И стану я в твоих руках
Железом раскаленным,

Взовьюсь в руках твоих, Дженет,
Огнем неугасимым, —
Держи меня, не отпускай —
Ты будешь невредима.

И в жабу обратят меня,
И в скользкого угря,
Но ты держи, не отпускай
Да не пугайся зря.

Меня облей ты молоком,
Потом водою сбрызни,
Держи меня, не отпускай,
Ты мне дороже жизни.

И превратят меня в орла,
А после — в голубка,
Держи меня, не отпускай, —
Ты мне родишь сына.

А напоследок ждет тебя
Иное искушенье:
В твоих объятьях стану я
Нагим, как в час рожденья.
Укрой меня своим плащом —
И сгинет наважденье!»

Суров и мрачен темный лог,
И жутко все кругом.
На перекресток трех дорог
Дженет бежит бегом.

Вдруг слышит звон стальных удил
И перестук копыт,
И сердце у нее в груди
От радости стучит.

Дала дорогу вороным,
Дала пройти гнедым,
Вдруг видит: снежно-белый конь
С Тэмлейном молодым.

На землю всадника она
Стащила в тот же миг,
Плаща зеленая волна
Укрыла их двоих,
И счастьем грудь ее полна:
Спасен ее жених!

И молвит Королева Фей —
Из полуночной тьмы:
«Младой Тэмлейн достался ей,
Ни с чем остались мы!»

И молвит Королева Фей —
О, как была она зла —
«Чтоб самой страшной из смертей
Ты, девка, умерла!
Из свиты царственной моей
Ты лучшего взяла!

Тэмлейн, когда б ты мне сказал,
Что́ будет в эту ночь,
Твои зеленые глаза
Я вырвала бы прочь!

Коль знала б, что в последний раз
Ты был вчера со мной,
Я б заменила каждый глаз
Гнилушкою лесной!»

КОЛВИЛЛ

Кларк Колвилл в сад пошел гулять
С любимую женой;
Жене он пояс подарил
В пятнадцать крон ценой.

«Прошу тебя, любимый мой,
Прошу смиренно я:
Красавицы остерегись
У Слэйнского ручья!»

«Молчи! Не стоит этот вздор
Волнений и забот:
Из женщин ни одна с тобой
В сравненье не идет».

Так он беспечно ей сказал
И на гнедом своем
Поехал к Слэйну, где узрел
Красотку над ручьем.

«Я тут стираю, рыцарь мой,
Вот белое белье,
Вот тело, что еще белей,—
И это все твое».

Он спешился, он взял ее
За шелковый рукав
И стал ласкать ее, обет
Супружеский поправ...

«Увы! — воскликнул Колвилл вдруг. —
Как голова болит!»
«Полоска платья моего
От боли исцелит:
Отрежь ее моим ножом,
Мы ею лоб твой обовьем».

Полоской платья обвила
Красавица тотчас
Его чело — и стала боль
Сильнее во сто раз.

«Чему, чему смеешься ты?
Мне больше невтерпеж!»
«Ты будешь мучиться, пока
От боли не умрешь!»

Умрешь и будешь тут лежать,
Окончив путь земной,
Иль станешь выдрой, чтоб в реке,
Резвись, играть со мной!»

«О, нет, домой я доберусь,
Умру не у реки,
Но раньше я тебя убью,
Всем чарам вопреки!»

Чтоб чародейку поразить,
Он выхватил клинок,
Но рыбой сделалась она
И прыгнула в поток.

Взобрался Колвилл на коня
И поскакал с трудом
И еле спешился, когда
Увидел отчий дом.

«Жена, постель мне постели,
Укрой получше, мать,
Брат, разогни мой лук — его
Мне долго не сгибать».

Постлали женщины постель,
Укрыли с головой;
Навеки брат расправил лук
С повисшей тетивой...

ЖЕНЩИНА ИЗ АШЕРС ВЕЛЛ

Жила старуха в Ашерс Велл,
Жила и не грустила,
Пока в далекие края
Детей не отпустила.

Она ждала от них вестей
И вот дождалась вскоре:
Ее три сына молодых
Погибли в бурном море.

— Пусть дуют ветры день и ночь
И рвут рыбацьи сети,
Пока живыми в отчий дом
Не возвратитесь, дети!

Они вернулись к ней зимой,
Когда пришли морозы.
Их шапки были из коры
Неведомой березы.

Такой березы не найти
В лесах родного края —
Береза белая росла
У врат святого рая.

— Раздуйте, девушки, огонь,
Бегите за водою!
Все сыновья мои со мной,
Я нынче пир устрою!

Постель широкою для них
Постлала мать с любовью,
Сама закуталась в платок
И села к изголовью.

Вот на дворе поет петух,
Светлеет понемногу,
И старший младшим говорит:
— Пора нам в путь-дорогу!

Петух поет, заря встает,
Рогов я слышу звуки.
Нельзя нам ждать — за наш уход
Терпеть мы будем муки.

— Лежи, лежи, наш старший брат,
Еще не встала зорька.
Проснется матушка без нас
И будет плакать горько!

Смотри, как спит она, склонясь,
Не ведая тревоги.
Платочек с плеч она сняла
И нам укрыла ноги.

Они повесили на гвоздь
Платок, давно знакомый.
— Прощай, платок! Не скоро вновь
Ты нас увидишь дома.

Прощайте все: старуха-мать
И девушка-служанка,
Что рано по двору бежит
С тяжелою вязанкой.

Прощай, амбар, сарай и клеть
И ты, наш пес любимый.
Прости-прощай, наш старый дом
И весь наш край родимый!

ДЕМОН-ЛЮБОВНИК

— О, где ты был, мой старый друг,
Семь долгих, долгих лет?

— Я вновь с тобой, моя любовь,
И помню твой обет.

— Молчи о клятвах прежних лет,
Мой старый, старый друг.
Пуškai о клятвах прежних лет
Не знает мой супруг.

Он поспешил смахнуть слезу
И скрыть свои черты.
— Я б не вернулся в край родной,
Когда б не ты, не ты.

Богаче нашей стороны
Заморская земля.
Себе там в жены мог бы взять
Я дочку короля!

— Ты взял бы дочку короля!
Зачем спешил ко мне?
Ты взял бы дочку короля
В заморской стороне.

— О, лживы клятвы нежных дев,
Хоть вид их сердцу мил.
Я не спешил бы в край родной,
Когда бы не любил.

— Но если бросить я должна
Детей и мирный кров,—
Как убежать нам, милый друг,
От наших берегов?

— Семь кораблей есть у меня,
Восьмой приплыл к земле,
Отборных тридцать моряков
Со мной на корабле.

Двух малых деток мать взяла
И стала целовать.
— Прощайте, детки! Больше вам
Не видеть вашу мать.

Корабль их ждал у берегов,
Безмолвный и пустой.
Был поднят парус из тафты
На мачте золотой.

Но только выплыли они,
Качаясь, на простор,
Сверкнул зловецим огоньком
Его угрюмый взор.

Не гнулись мачты корабля,
Качаясь на волнах.
И вольный ветер не шумел
В раскрытых парусах.

— О, что за светлые холмы
В лазури голубой?
— Холмы небес,— ответил он,—
Где нам не быть с тобой.

— Скажи: какие там встают
Угрюмые хребты?
— То горы ада! — крикнул он.—
Где буду я — и ты!

Он стал расти, расти, расти
И мачты перерос
И руку, яростно грозя,
Над мачтами занес.

Сверкнула молния из туч,
Слепя тревожный взор,
И бледных духов скорбный рой
Покрыв морской простор.

Две мачты сбил он кулаком,
Ногой еще одну,
Он судно надвое разбил
И все пустил ко дну.

ПРЕКРАСНАЯ МАРГАРЕТ И
МИЛЫЙ ВИЛЬЯМ

Двое влюбленных на склоне холма
Сидели погожим днем,
Наговориться никак не могли,
Хоть и были весь день вдвоем.

— Я не видел, Маргарет, зла от тебя,
И тебе я не сделал зла.
Не рыдай же завтра, когда зазвонят
Свадебные колокола.

Маргарита расчесывала перед окном
Рано утром золото кос
И смотрела, как мимо окна под венец
Милый Вильям невесту вез.

Отложила гребень свой костяной,
Волоса завязала узлом,
И ушла из дому, и никогда
Не вернулась в отцовский дом.

И день прошел, и настала ночь,
Милый Вильям с супругой спал,
Но явился ему Маргариты дух
И в изножье постели встал.

— Дай вам Бог, новобрачные, мир да любовь,
Радость вечную дай вам Бог!
Белый саван — мой подвенечный наряд,
И могила — мой брачный чертог...

И ночь прошла, и настал рассвет,
И, едва пробудившись от сна,
Милый Вильям жене молодой сказал:
— Страшно мне, дорогая жена!

Моя милая леди, мне снился сон,
Не к добру этот сон, не к любви:
Будто в горнице — стадо рыжих свиней,
Будто брачное ложе — в крови.

— Не к добру этот сон, благородный лорд,
Не к добру этот сон, не к любви,
Если в горнице — стадо рыжих свиней,
Если брачное ложе — в крови...

Он призвал тогда своих верных слуг
И сказал им: — Вы знать должны:
Я прекрасную Маргарет навещу
С разрешенья моей жены.

Подошел он к дому, взошел на крыльцо,
Стукнул несколько раз кольцом,
Братья Маргарет дверь отворили ему
И впустили Вильяма в дом.

— Умоляю вас, братья, мне разрешить
Видеть мертвую без покрывал.
Побледнела, я думаю, радость моя,
И вишневый румянец пропал?

Я на все для тебя, моя радость, готов,
Не чета я твоей родне...
Я целую в холодные губы тебя,
Ты не можешь ответить мне.

И сказали семеро братьев тогда,
Застонав, сказали ему:
— Ты оставь в покое нашу сестру,
А целуй молодую жену!

— Если я молодую целую жену,
То, конечно, я в праве своем:
Никаких обещаний вашей сестре
Не давал я ни ночью, ни днем.

Подсчитайте-ка лучше: сколько хлебов
На столах, сколько вин дорогих?
Ровно столько же будет еды и питья
Завтра днем на поминках моих.

Умерла прекрасная Маргарет днем,
Милый Вильям скончался в ночь.
От несчастной любви умерла она,
Он тоски не смог превозмочь.

Схоронили обоих в церкви одной.
Вырос куст белоснежных роз
Из ее могилы. А из его —
Куст шиповника произрос.

И росли два куста очень быстро, пока
Не уперлись в церковный свод,
И сплелись, как влюбленные, ветками там,
И дивился на это народ.

А потом нашелся один грамотей
(До конца правдив мой рассказ!)
И срубил под корень оба куста,
А не то бы — росли и сейчас!

КОРОЛЬ ГЕНРИ

В любви навряд ли повезет
Когда в запасе нет
Сердечности, учтивых слов
И золотых монет.

Все это было у него —
У Генри-короля;
Вот как-то раз поехал он
Охотиться в поля.

Он гнал оленей и косуль,
Охотник молодой,
Пока отменного самца
Не поразил стрелой.

В лесной сторожке пировать
Охотники сошлись,
Как вдруг раздался ветра вой
И стены затряслись,

И тьма к сидевшим за столом
Вползла через порог,
И заскулили в страхе псы
У королевских ног,

И ветер двери распахнул,
Их отпер без ключа,
И мерзостная тварь вошла,
Ножищами стуча.

Сбежали все — остался с ней
Король наедине;
Ее башка под потолком
Качалась в вышине,

Зубастая открыта пасть,
И как лопата — нос,
Сдается, эту злую тварь
Из ада черт принес.

«Дай мяса, мяса, мяса мне,
Не ела я три дня!»
«О леди, я прошу — бери
Что хочешь у меня.

Любая здесь еда — твоя,
Садись и вволю ешь».
«Коня гнедого своего
На мясо мне зарежь!»

Страшилищу скормить коня —
Нет хуже в мире зла!
Но только шкура королю
Оставлена была.

«Еще дай мяса — мне твоя
Понравилась стряпня!»
«О леди, я прошу — бери
Что хочешь у меня.

Любая здесь еда — твоя,
Садись и вволю ешь».
«Своих проворных серых псов
На мясо мне зарежь!»

Ах, было сердце короля
У горести в плену!
Но съела гадина собак,
Оставив шерсть одну.

«Еще мне мяса, мяса дай,
Еще, еще кусок!»
«Но, леди, где мне мяса взять?
Я отдал все, что мог.

А если мясо видишь ты,
Так покажи, изволь!»
«Ты соколов своих зарежь
На мясо мне, король!»

Ах, как он соколов любил
За их отважный нрав!
Но съела соколов она,
Лишь перья не сожрав.

«Хочу я пить, я пить хочу,
Питья подай, питья!»
«О леди, все, что есть, тебе
Готов доставить я.

Чего ни пожелаешь ты,
Скажи мне — все твое».
«Ты шкуру конскую зашей,
В нее налей питье».

Он шкуру конскую зашил,
Налил в нее вина —
Все выпила одним глотком
До капельки она.

«Постель мне постели, постель,
Постель мне постели!»
«Тут нет постели, чтоб ее
Тебе не отвели.

На чем ты хочешь почивать —
На сене ль, на плаще ль?»
«Зеленый вереск принеси
И приготовь постель».

И Генри вереску нарвал,
Принес охапку в дом,
Постель устроил на скамье
И застелил плащом.

«Меня женою сделай ты,
Женой, женой, женой!»
«Избави, бог, чтоб это все
Произошло со мной!

Избави, бог, супругом стать
Уродины жены
И ложе брачное делить
С отродьем сатаны!..»

.
Увидел утром солнца луч,
Проникнув в дом лесной,
Девицу — чудо красоты —
Меж Генри и стеной.

«Я счастлив! Но надолго ль он,
Прекрасный этот сон?»
Она ответила ему:
«До самой смерти он!

Я волей мачехи моей
Была, как зверь, страшна,
Пока мои желанья ты
Не выполнил сполна!»

П Р Е К Р А С Н А Я Э Н Н И

«Поуже стели себе ложе
И спать приучайся одна:
Я еду — мне за морем, Энни,
Невеста с приданым нужна,
Ведь ты не дала мне богатства,
Ведь ты была, Энни, бедна.

Кто свадебный хлеб испечет нам,
Кто сварит нам свадебный эль,
Кто встретит с почетом и лаской
Невесту из дальних земель?»

«Я свадебный хлеб испеку вам,
Сварю я вам свадебный эль,
Я встречу с почетом и лаской
Невесту из дальних земель».

«Но та, кто, встречая невесту,
Свершает старинный обряд,
Должна и сама быть девицей,
Одеться в девичий наряд».

«Ах, если представляюсь девицей,
Поистине я согрешу:
Тебе семерых родила я,
Восьмого под сердцем ношу...»

...Взяв на руки сына-младенца,
Другого ведя за собой,
На башню вскарабкалась Энни,
Чтоб видеть ревуций прибой.

«Мой мальчик, наверх поднимайся
И зорко на море гляди,
Увидишь отцову невесту
На палубе первой ладьи».

«О мать, поскорее спускайся,
Не медли у края стены,
Спускайся, иначе на землю
Захочешь упасть с вышины».

И Энни спустилась пониже,
Чтоб встретить корабль с женихом,
Фок-мачта на нем и грот-мачта
Поблескивали серебром.

Чтоб встретить корабль с нареченной,
Спустилась она с высоты,
Фок-мачта на нем и грот-мачта,
Как золото, были желты.

Взяла сыновей своих Энни
И вышла, смилив естество,
Неверному лорду навстречу
И юной невесте его.

«Привет тебе в замке, лорд Томас,
Привет тебе в доме твоём,
Привет тебе вместе с невестой,
Входящей хозяйкой в твой дом.

Пусть бог сохранит тебя, леди,
Ты в новоеходишь жильё,
В свои ты вступаешь владенья —
Здесь все, что ты видишь, твоё».

«Спасибо, прекрасная Энни,
Тебе благодарность моя;
С сестрой моей схожа ты больше,
Чем все, кого видела я.

Заморский неведомый рыцарь
Похитил одну из сестер;
Земле, по которой он ходит,
И всем его близким — позор!»

И Энни платки разложила
У длинных столов там и тут,
Чтоб было чем вытереть слезы,
Как только они побегут.

Ах, элем и хлебом пшеничным
Она обносила столы,
Пила только чистую воду,
Чтоб щеки остались белы.

Ах, хлебом ржаным и пшеничным
Она обносила весь зал,
Лицо от людей закрывая,
Чтоб слезы никто не видал.

Взял Томас платок белоснежный,
Лежавший невдалеке,
Слезу ее вытер небрежно,
Стекавшую вниз по щеке.

«Ах, — вымолвил Томас с улыбкой
Друзьям и гостям без числа,
Кто лучше: прекрасная Энни
Иль та, что сегодня пришла?..»

Когда отслужили молебен
И церковь была заперта,
Отправилась в опочивальню
Молодоженов чета.

А Энни, в постели поодаль,
Как в гробе, себя хороня,
Рыдала: «О, горе, мне, горе,
Дожившей до этого дня!

Когда б сыновья мои были
Семеркою крыс молодых,
А я была б серою кошкой —
Так я уничтожила б их.

Когда б они зайцами были
Среди непролазной стерни,
А я была б серой собакой —
Недолго бы жили они».

В тоске и печали металась,
И слезы струились рекой:
«О, горе бесчестному лорду!
Беды не ждала я такой!»

И лорду сказала невеста:
«Еще не легла я в кровать,
Пойду и спрошу, кто заставил
Несчастную так горевать».

«Скажи мне, прекрасная Энни,
Какое гнетет тебя зло?
Прокисло ль ячменное пиво
Иль тесто в бадьях не взошло?

Ты знаешь ли, милая Энни,
Семейство свое и родство?
Кто был твоей матерью, Энни?
Как звали отца твоего?»

«Отцом моим был граф Уэмисс,
Графиней была моя мать,
Я к братьям и сестрам привыкла
С любовью свой взор обращать».

«Отцом твоим был граф Уэмисс —
Так, значит, моя ты сестра!
Любимому вдоволь вручишь ты
И золота, и серебра.

Прислушались вышние силы
К рыданиям твоим и мольбе —
Семь суден, груженных приданым,
Я все оставляю тебе
И девушкой вспять возвращаюсь —
Спасибо за это судьбе!»

ЛИЗЗИ УЭН

Лиззи Уэн сидит в отцовском доме,
Горюя и скорбя.
И приходит ее любимый отец:
— Лиззи Уэн, что тревожит тебя?

— Я тревожусь, тревожусь, любимый отец,
И откроюсь перед тобой —
Я под сердцем своим ребенка ношу —
Он милого Джорди и мой.

Вот сидит она снова в отцовском доме,
Горюя и скорбя.
И приходит к Лиззи любимый брат:
— Лиззи Уэн, что тревожит тебя?

— Я тревожусь, тревожусь, любимый брат,
И откроюсь перед тобой —
Я под сердцем своим ребенка ношу —
Он твой, о Джорди, и мой.

— Ты такое матери и отцу
Солгать могла обо мне! —
И выхватил он свой булатный меч,
Свисавший с плеч на ремне.

Он голову Лиззи Уэн отрубил
И натрое тело рассек
И, охваченный ужасом, прибежал
На материнский порог.

- Чем встревожен, встревожен ты, Джорди Уэб?
 Чем встревожен ты, расскажи?
 Видно, страшное дело ты совершил,
 Успокойся и не дрожи!
- Я страшное дело, мать, совершил
 И проклят буду в свой срок;
 Борзому я голову отрубил, —
 Пес не бежал на манок.
- Кровь у борзого не столь красна!
 Ты правду мне, сын, расскажи.
 Видно, страшное дело ты совершил,
 Успокойся и не дрожи!
- Я страшное дело, мать, совершил
 И проклят буду в свой срок;
 Я голову Лиззи Уэн отрубил
 И натрое тело рассек.
- Что сделаешь ты, коль вернется отец,
 О Джорди Уэн, мой сын!
- Я лодку одну добуду без дна
 И в волны пущусь один!
- А когда же ты снова вернешься домой,
 О Джорди Уэн, сын мой?
- Когда солнце с луной скосят луг заливной,
 Тогда я вернусь домой.

ЛОРД ТОМАС И
 ПРЕКРАСНАЯ ЭННЕТ

Лорд Томас с Прекрасной Эннет
 В холмы пошли гулять.
 И день прошел, и ночь пришла,
 И вздумал он сказать:

«О, никогда я не женюсь —
 Ни завтра, ни теперь —
 Без воли близких и родных!»
 А Эннет и поверь.

«Но той, кого ты не возьмешь,
И ты не нужен сам!»
Лорд Томас к матери пришел
И пал к ее стопам:

«Я твой совет исполню, мать,
Будь плох он иль хорош;
С Чернавкой мне к венцу идти
Иль с милой Эннет все ж?»

«Чернавка ест на серебре,
А Эннет без гроша,
Притом с годами отцветет,
Хоть нынче хороша!»

Он к брату своему пришел:
«О! Присоветуй тож:
С Чернавкой к алтарю идти
Иль с милой Эннет все ж?»

«Быков у той бессчетно, брат.
Коров не перечтешь!
Ты на Чернавке, Том, женись,
И брось ты Эннет все ж!»

«А если, Билл, быки падут,
Сгорит коровник и хлев?
Тогда до смерти нам жевать
Пустой и черствый хлеб!»

И он к сестре своей пришел:
«О! Присоветуй тож:
С Чернавкой свадьбу мне сыграть
Иль с милой Эннет все ж?»

«Совет мой — на Эннет Прекрасной жепись,
С Чернавкой расстанься, Том!
Не то пожалеешь, скажешь: «Увы!
Кого я привел в свой дом!»

«Нет! Поступлю, как советует мать,
И оженюсь тотчас!
Чернавку невестою объявлю,
А Эннет — прочь с моих глаз!»

Отец Прекрасной Эннет
Встал заполдень, и вот
Он к дочери в светелку
С известием идет.

«Моя Прекрасная Эннет!
Шелка поспеши надеть,
Пошли в Пресвятую церковь
На пышную свадьбу глядеть!»

«Спешите, мои служанки,
Скорей меня причесать!
Скорее каждый мой локон,
Вы превратите в пять!

Спешите, мои служанки,
Несите платье мое,
Где с полотном вперемежку —
Золотое шитье!»

Конь под Прекрасной Эннет
Из дорогих рысаков
Сверкал серебром передних,
Златом задних подков.

Две дюжины колокольцев
В гриву его вплетены:
Подует северный ветер —
Все колокольцы слышны.

Две дюжины рыцарей статных
По ней ровняли коней,
Две дюжины дам приятных,
Точно венчаться — ей.

Она прискакала к церкви,
В почетном села ряду —
Одежды Прекрасной Эннет
Сверкали у всех на виду.

Она прискакала к церкви,
Как божье солнце, ярка —
Неимоверно сверкали
Жемчужины с кушака.

И села она с Чернавкой,
И ясен взгляд ее был.
Из-за Прекрасной Эннет
Жених невесту забыл.

Взял он пунцовую розу
Трижды поцеловал
И мимо невесты Чернавки
Прекрасной Эннет подал.

Тогда сказала Чернавка,
Неописуемо зла:
«А где ж ты взяла белила,
От которых бела?»

«Тебе там белил, Чернавка,
Увы, не придется взять, —
Белила волшебные эти
Дала мне во чреве мать!»

А та булавку стальную
Достала из рукава
И в сердце Эннет вонзила
За эти ее слова.

С чего побледнела Эннет,
Лорд Томас сперва не знал.
Но, кровь ее сердца увидев,
От ярости ум потерял.

Клинок он выхватил острый,
В Чернавку вонзил клинок!
И пала наземь невеста
У жениховых ног.

Он крикнул: «Постой, моя Эннет!
Любимая, погоди!»
Клинком себя в сердце ударил,
И умер с клинком в груди.

Он за оградой церковной,
Она — у церковных ворот.
На одной могиле береза,
На другой шиповник растет.

И тянулись они друг к другу
И прежде, и в наши дни.
И видевший это узнает,
Как любили друг друга они.

ВИЛЬЯМ И МАРГАРИТА

Был гробовой полночный час,
И Вильям крепко спал.
Вдруг девы Маргариты дух
В изножье ложа встал.

Бледна, как мартовская рань
За мглою ледяной,
Рукою хладною она
Сжимала саван свой.

Таким прекрасный станет лик
Под гнетом лет и бед,
И смертью свергнутый король
Не царственной одет.

Ее краса как первоцвет,
Впивала жемчуг рос,
Румянец на щеках алел,
И был он ярче роз.

Увы, любовь, как алчный червь,
Поживу в ней нашла;
Увяли розы на щеках,
И дева умерла.

Сказала гостья: «Я пришла
Из гроба в твой чертог.
Будь милосерд и той внемли,
С которой был жесток!

В глухой и страшный этот час
Теням легко пенять,
Им помогает жуть ночей
Прельщателей пугать.

Ты вспомнишь, Вильям, свой обман,
Вину свою и ложь,
И клятвы девичьи вернешь,
Обеты мне вернешь!

Как мог хвалить мою красу,
И вмиг ее забыть?
Как мог меня приворожить,
И сердце мне разбить?

Как мог в любви поклясться мне,
И клятвы не сдержать?
Как мог глядеть в мои глаза,
И дать слезам бежать?

Как мог уста мне целовать,
И дать поблекнуть им?
И как поверить я могла
Любезностям твоим?

Теперь лицо мое мертво,
В устах кровинки нет,
Глаза мои смежила смерть,
Погас в них ясный свет.

Голодный червь теперь мне друг,
Мой саван крепко шит,
И распоследний наш рассвет
С приходом не спешит!

Но — чу! — петух заголосил,
И надобно успеть
К той, что из-за любви к тебе
Решила умереть.

Пел жаворонок. Ясный день
С улыбкою настал.
А бедный Вильям, весь дрожа,
На зорьке с ложа встал.

Пошел к могиле роковой,
Где Маргарита спит,
И на зеленый рухнул дерн,
Которым прах укрыт.

И трижды он ее позвал,
И трижды взвыл, как волк,
Приник щекой к земле сырой
И навсегда умолк.

ПРЕКРАСНАЯ ДЖЕНЕТ

«Спешите к родителю, Дженет!
Спешить к нему вы должны!
Спешите к родителю, Дженет —
Деньки его сочтены!»

Спешит к родителю Дженет,
Никак ей нельзя не спешить!
«Как жить мне дальше, родитель?
Как велите мне дальше жить?»

«О Дженет, вот тебе воля моя,
С ней стол и кров ты найдешь:
Хоть Милому Вилли ты сердцем верна,
Но за Галльского лорда пойдешь!»

«За старого Галльского лорда, отец?
Быть Галльскому лорду женой?
Клянусь! — говорит она. — Никогда
Не делить ему ложа со мной!»

Дженет спешит в светелку свою —
Никак ей нельзя не спешить!
И первый, кто постучался к ней,
Был Вилли — кому и быть!

«Нас разлучают, Вилли!
Разлучают нашу любовь!
Галльский лорд плывет из-за моря,
Он в жены меня берет.
Галльский лорд плывет из-за моря —
Меня с собой увезет!»

«Нас разлучают, Дженет?
Какая страшная весть!
Нас разлучают, Дженет?
Мне этого не перенести!»

«К своим сестрам Мэг, Джин и Мэрион
Ты спеши при свете луны;
Поспешат пусть к Прекрасной Дженет —
Деньки мои сочтены!»

Вилли к сестрам Мэг, Джин и Мэрион,
Спешит при свете луны —
«О, спешите к Прекрасной Дженет —
Деньки ее сочтены!»

К Джин служанки спешат с башмаками,
Мэг подвязки принесены,
Мэрион шелковой шалью покрылась,
И они, тревоги полны,
Поспешили к Прекрасной Дженет
При свете полной луны.

.
«Родила я младенца, о Вилли!
И не надо меня корить!
Ты к себе унеси его, Вилли,
Я его не посмею кормить!»

И Вилли сыночка ласкает,
И ласки его нежны,
И к матушке он поспешает
При свете полной луны.

«Отчего это, матушка, в доме
Все двери затворены?
Мои светлые волосы мочит дождь,
И капли росы холодны.
А в объятьях моих сыночек продрог —
Дни младенчика сочтены!»

И пальцами, что ловки и длинны,
Мать засов отвела.
И руками, что ловки и длинны,
Младенца она взяла.

«А теперь, мой Вилли, спеши назад,
Милой Дженет слезы утри!
Ты одной кормилицей вскормлен был —
У младенчика будут три!»

Покамест Вилли у матери был,
Дженет в горячке лежит,
И входит к ней родитель ее:
«Одевайся к венцу!» — говорит.

«У меня голова разболелась, отец!
У меня разболелся бок!
Под венец не могу я идти, отец!
Я больна — да поможет мне бог!»

«Эй, служанки, спешите невесту одеть,
Ей наряд подберите к лицу!
Хоть умри она трижды сегодня к утру —
С Галльским лордом идти ей к венцу!»

А на этих был зеленый наряд,
И коричневый был на тех.
А на Дженет пурпурный был наряд,
И была она краше всех!

А у этих был скакун вороной,
И гнедые были у тех.
А у Дженет был белоснежный конь,
И была она лучше всех!

«Кто, Дженет, коня твоего поведет?
Кто поведет лучше всех?»
«Конечно, Вилли, возлюбленный мой, —
Я люблю его больше всех!»

И когда они в церковь святую пришли,
Чтоб супружеский дать обет,
Еле-еле держалась она на ногах, —
То алели щеки, то нет!

Вот пир начался, и закончился пир;
Все танцевать принялись.
«Эй! Подружек невесты велите позвать,
Чтобы за руки дружно взялись!»

Тут подходит к ней старичок — Галльский лорд.
«Пойдем танцевать!» — говорит.
«Прочь от меня, старичок Галльский лорд,
Мне ваш отвратителен вид!»

Тут Милый Вилли подходит к ней:
«Хочешь, кликну подруг?
Хочешь, с любой из подружек твоих
Выйду в веселый круг?»

«Мы знали немало хороших дней,
А будет их — не перечеть!
Зачем тебе, Вилли, подружки мои,
Ведь я в этом зале есть?»

И Милый Вилли опять подошел,
«Пойдем танцевать!» — говорит.
«Танцевать я с тобою согласна всегда,
Пусть хоть все у меня заболит!»

И за руку Вилли она берет,
А слезы слепят ее:
«Я рада с возлюбленным танцевать,
Хоть и ноет сердце мое!»

С ним в танце не покружилась она,
Не покружилась трех раз,
И повалилась к его ногам,
И встретила смертный час!

С колена подвязку она сняла,
С запястья сняла браслет:
«Отдайте это сынку моему, —
Сиротке с младенческих лет!»

Милый Вилли слугу своего зовет,
Отдает ему ключ от ларца:
«Ступай к моей матушке и скажи,
Что конь убил молодца,
И любить умоли сынка моего,
У которого нет отца!

Подите, подите, раздайте хлеб
И вино — я все отдаю!
День увидел кончину любимой моей,
Ночь увидит кончину мою!»

Схоронили ее возле церкви святой,
А он за оградой лежит.
Над ним растет шиповник густой,
Над ней береза шумит.

Д Ж О Н Н И Ф А А,
В Л А Д Ы К А М А Л О Г О Е Г И П Т А

Цыгане к замку подошли,
Запели под каштаном,
И леди Кэссилис была
В восторге несказанном.

Ей растопили сердца лед
Волшебники-цыгане,
И уронила шелк она,
Иглу и вышиванье.

Она сбежала в сад — туда,
Где звякали гитары,
Цыгане встретили ее
И в ход пустили чары.

Она дала им добрый хлеб
И пиво цвета меди,
А Джонни Фаа получил
Кольцо с руки миледи.

«Пойдешь со мной, мой мед, мой свет,
Под небо голубое?
Клянусь ножом моим, твой лорд
Не будет впредь с тобою!»

«Снимите, слуги, шаль с меня
И дайте плащ попроще,
Я с Джонни Фаа ухожу
В леса, поля и рощи!»

Игрушки-туфли с ног сняла
И с Джонни смуглокожим
Она пошла в далекий путь
Сквозь вереск, бездорожьем.

«Я с Джонни обойду весь свет
И вовсе не устану,
Я одолею все моря,
Плывя вослед цыгану!»

Они бродили день-деньской,
Они прошли немало,
Пока не стали на ночлег —
Но как она устала!

«Ах, ложе лорда моего
Сияло белизною,
А ныне я в траве лежу
И ворон надо мною».

«Попрдержжи язык, мой свет,
Молчи — клянусь луною,
Твой муженек, твой гордый лорд
Не будет впредь с тобою!»

Они бродили там и тут,
И низко, и высоко,
Пока не подошли к ручью,
Заросшему осокой.

«А ну, пригнись, мой мед, мой свет,
Пригнись-ка, моя радость,
Ты будешь лошастью моей,
А я верхом усядусь!»

«Я тут скакала, и мой муж
Хвалил мою отвагу,
И вот теперь тащу я вброд
Безвестного бродягу...»

...Лорд Кэссилис пришел домой,
Спросил он о супруге.
«Она с цыганами ушла»,—
Так отвечали слуги.

«Гнедой мой конь не слишком скор —
Седлайте вороного.
Клянусь не пить, не есть, пока
Не буду с леди снова!»

Скакал он там, скакал он тут
На вороном проворном,
Пока не встретил у ручья
Жену с цыганом черным.

«О, как на ложе пуховом
Нам было сладко вместе!
Зачем ты с шайкой этой здесь
В унылом, диком месте?!

Вернись, мой мед, вернись, мой свет,
На вора не надейся,
Вернись — и спрячу я тебя
От злого чародейства!»

«О нет! Сварила пиво я,
Волшебное, хмельное,
Его я выпью — а тебе
Вовек не быть со мною.

И я клянусь, что с детства я —
Сама себе хозяйка,
Никто не властен надо мной —
Ни ты, ни эта шайка!..»

.
Пятнадцать молодых цыган,
Красивых, смуглолицых,
Свой век окончили в петле
Из-за одной блудницы.

К Р А С А В И Ц А М Э Й

Этот вечер ясным и теплым был —
Мэй доила коров своих.
А мимо скакали дворяне гурьбой,
И было с дюжину их.

И сказал один из всадников ей:
— Не покажешь ли путь попрямеи?
— А если случится беда, что тогда? —
Спросила красавица Мэй.

И стояла туманная теплая почь,
Когда в дом вернулась она.

— Где была ты, моя дорогая дочь,
И, сдастся мне, не одна?

— О родитель, напал на овечку лис;
Он из знатных господ, говорят.

Он приподнял шляпу, со мной говоря,
И настойчив был его взгляд.

И покуда шесть месяцев шли и прошли,
А потом еще три подряд,
Беспокоилась Мэй и хмурилась Мэй,
Вспоминая сверкающий взгляд.

— О, горе отцовскому пастуху!
Гореть ему, видно, в аду!

Далеко от дома построил он хлев
И подстроил мою беду!

Снова вечер ясный и теплый был —
Мэй доила коров своих.

И мимо скакали дворяне гурьбой,
И было с дюжину их.

И один коня придержал и сказал:

— От кого твой младенчик, Мэй? —

И Мэй, покраснев, отвечала ему:

— От отца тебя познатней!

— О, язык придержи, красавица Мэй,
Или ложью ответ назову!

Или речь заведу про туманную ночь,
Когда был я с тобою в хлеву!

И спрыгнул с белого он коня,
И привел ее в замок свой.

— Пусть родитель твой загоняет коров, —
Ты отныне будешь со мной!

Владетель я замка и тучных нив
Пятидесяти и пяти,

Я красавицу ввел под наследный кров,
И прекрасней ее не пайти!

О, ГОРЕ, ГОРЕ...

О, горе! Как берега круты!
О, горе! Сильна и темна река!
О, горе, горе, у самой воды
Шла я с любимым в руке рука.

Стоял у откоса огромный дуб,
И мне казалось — он нерушим.
Но надломился и рухнул ствол,—
И я расстаюсь с любимым моим.

О, горе, горе! Любовь сладка,
Но только в начале, а потом
Инеем делается роса,
Иней становится белым льдом.

К чему мне гребень и кружева?
Сердце мое холоднее льда:
Уходит возлюбленный от меня
И уверяет, что навсегда.

И будет камень постелью мне,
Пологом — белая пелена.
И напоит меня чистый ключ.
Я навсегда осталась одна.

Когда ты примчишься, осенний вихрь,
С черных деревьев сдувать листву?
Тихая смерть, скоро ли ты?
Я ведь и так уже не живу.

О нет, не стужа меня леденит
И не метели протяжный стон.
Нет, не от холода я дрожу,
А оттого, что уходит он.

Когда мы в Глазго ездили с ним,
Все из толпы глазели на нас.
Он в черный бархат был облачен,
А я надела алый атлас.

О, знать бы прежде, до первых ласк,
Что скроют солнце тысячи туч!
Я б сердце замкнула в золотой ларец
И в темный омут бросила ключ.

И нету друга возле меня,
Еще мой ребенок не родился...
Я одна и хочу умереть.
Ведь прежней стать мне уже нельзя.

С М У Г Л Ы Й Э Д А М

Кому угодно, чтоб ветер подул
И листва облетела вконец?
И кто знавал вернее любовь,
Чем Смуглый Эдам, кузнец?

Из чистого золота молот его,
И нет наковальни звончей.
Искуснее всех качает он мех,
И рук не ищите ловчей.

Но Смуглый Эдам был разлучен
С матерью и отцом,
И были братья и сестры его
Разлучены с кузнецом.

И Смуглый Эдам был изгнан в лес
Из родной стороны,
И в краю лесном построил он дом
Для себя и своей жены.

Пойти на охоту Эдам решил
В один распрекрасный день —
Выследить в добром зеленом лесу,
Не бродит ли где олень.

Лук он повесил через плечо,
В ножны вложил клинок,
За дичью в добрый зеленый лес
Пошел, шагнув за порог.

Он по птице бил, где терновник бел,
И ее наповал убил,
И добычу домой отослал жене,
И поменьше грустить просил.

Он по птице бил, где шиповник ал,
И ее убил наповал,
И добычу домой отослал жене,
И вернуться к утру обещал.

Вот подходит он ко двору своему
И медлит минуту одну,
А Бесчестный Рыцарь в его дому
Улещает его жену.

Поначалу перстень сулит золотой —
Жаркий камень в перстне горит:
«Подари, — говорит, — мне любовь за любовь,
И перстень бери!» — говорит.

Но Бесчестному Рыцарю молвит она,
Семейную верность храня:
«Я Смуглого Эдама только люблю,
А Смуглый Эдам — меня!»

А тот кошелек тугой достает,
А там золотых не счесть:
«Подари, — говорит, — мне любовь за любовь —
И бери, — говорит, — всё, что есть!»

«Хоть и втрое ты золота мне посулишь,
С тобой не пробуду и дня.
Я Смуглого Эдама только люблю,
А Смуглый Эдам — меня!»

Тут он длинный и острый клинок достал
И приставил к ее груди:
«Отдавай, — говорит, — мне любовь за любовь!
Не отдашь — пощады не жди!»

И прекрасная леди сказала, вздохнув:
«Смуглый Эдам, ты долго идешь!»
Смуглый Эдам, не мешкая, в двери ступил
И сказал: «Не меня ли ты ждешь?»

Он заставил того уронить клинок,
И наставил клинок на него,
И оставил себе справедливый залог —
Пальцы правой руки его.

Ч А Й Л Д - В А Й Е Т

Лорд Инграм и Чайлд-Вайет
Родились в покоях одних
И одною пленились леди —
Тем хуже для чести их.

Лорд Инграм и Чайлд-Вайет
В одном родились дому
И одною пленились леди —
Тем хуже тому и тому.

У родителей леди Мейзри
Лорд Инграм согласия просил,
Брату с сестрой леди Мейзри
Лорд Инграм подарки носил.

Но всем родным леди Мейзри
Лорд Инграм ходил на поклон,
И все, как один, согласились,
А ей не нравился он.

Искал у родных леди Мейзри
Лорд Инграм счастье свое,
Искал любви леди Мейзри
Чайлд-Вайет на ложе ее.

Однажды она заплетает
Пряди волос густых,
И входит ее родитель
В одеждах своих золотых.

«Вставайте же, леди Мейзри,
Вот платье к венцу для вас.
Жених ваш, Инграм, приехал —
И свадьбу сыграем тотчас!»

«Мне лучше Чайлд-Вайету стать женой
И милостыню просить,
Чем лорду Инграму стать женой —
Шелка дорогие носить!»

Мне лучше Чайлд-Вайету стать женой
И рыбою торговать,
Чем лорду Инграму стать женой
И в золоте щеголять!

О, где он, где он — проворный гонец?
Я дам ему денег мешок!
С письмом к Чайлд-Вайету от меня
Помчится он со всех ног!»

«Я тот гонец, — говорит один. —
Давай мне денег мешок!
С письмом к Чайлд-Вайету от тебя
Помчусь я со всех ног!»

И, мост разбитый повстречав,
Он лук сгибал и плыл,
И, на зеленый луг ступив,
Бежал что было сил.

И, к замку Вайета примчав,
Привратника не звал,
А в землю лук упер и — прыг!
Через палисад и вал;
Привратник к воротам идет,
А тот уж в дом попал!

Как первую строчку Чайлд-Вайет прочел,
Насунился он тотчас,
А как на вторую строчку взглянул —
Закапали слезы из глаз.

«Что с моим братом? — Чайлд-Вайет сказал. —
Что нужно ему от нее?
Уж я припасу ему свадебный дар,
И будет моим — мое!»

Пошлю им вдосталь быков и овец,
И вдоволь бочонков вина,
Пусть будет любовь моя весела,
А я примчусь дотемна!»

И распоследний в доме слуга
В зеленом наряде был,
И всяк был весел, и всяк был рад,
А леди и свет не мил.

И распоследняя дворня в дому
В сером наряде была,
И всяк был весел, и всяк был рад,
А леди ребенка ждала.

Меж замком и церковью Девы Святой
Велели песок насыпáть,
Чтоб леди и всем служанкам ее
По голой земле не ступать.

До замка от церкви Девы Святой
Постлали ковер золотой,
Чтоб леди и всем служанкам ее
Земли не касаться простой.

Молебен был, и колокол бил,
И спать разошлись потом.
Лорд Инграм и леди Мейзри вдвоем
Лежат на ложе одном.

И, лежа вдвоем на ложе одном, —
А ложа теплей не найдешь, —
Он, руку свою возложив на нее,
Сказал: «Ты ребенка ждешь!»

«Я делилась с тобой и раз и другой,
И сказала тебе о том,
Что юный Чайлд-Вайет, твой брат родной,
Со мной был на ложе моем.

Ты слышал слова не раз и не два,
И слов тех нету честней,
Что юный Чайлд-Вайет, твой брат родной,
Со мной был в светелке моей».

«Отцом ребенка меня назови —
Я родитель ему один;
Я подарю во владенье ему
Земли пятьдесят десятин».

«Не будет назван ребенку отцом
Никто — лишь отец один;
Хотя бы ты во владенье ему
Пять тысяч сулил десятин».

Тут выступил гневно Чайлд-Вайет,
Откинул светлую прядь,
И меч он Инграму в сердце
Вонзил на целую пядь.

И выступил гневно Инграм,
Откинул светлую прядь
И меч Чайлд-Вайету в сердце
Вонзил на целую пядь.

Никто не жалел двух лордов —
Им смерть была суждена.
Жалели все леди Мейзри —
Рассудка лишилась она!

Никто не жалел двух лордов —
Им смерть суждена была.
Жалели все леди Мейзри —
С ума она с горя сошла!

«Дайте, дайте мне посох дорожный!
Дайте, дайте мне плащ из рядна!
Просить подаянье до смерти
За девичий грех я должна!

Дайте грошик Чайлд-Вайета ради,
Ради лорда Инграма — пять;
За то, что честную свадьбу
С грешной девой надумал сыграть!»

НАСЛЕДНИК ЛИННА

О господа, откройте уши,
Сейчас я песню вам спою
О том, как лорд, наследник Линна,
Беспечно начал жизнь свою.

Мать выросла в семействе знатном,
Отец достойным лордом был,
Увы, они ушли на небо,
А он весельчаков любил.

И шли разгульные попойки,
Пиры с заката до утра,
А лучшей для него усладой
Была картежная игра.

Он хохотал, кутил, резвился,
В забаву деньги превращал
И не копил, а только тратил —
Тут и король бы обнищал.

Так лихо жил наследник Линна,
Пока совсем не сел на мель,
Настало время для продажи
Угодий, замков и земель.

В его семье слуга был хитрый,
Который, жаждя перемен,
Добился денег и богатства, —
Его прозвали Джон Безмен.

«Не унывай, наследник Линна,
Ведь я, покорный твой слуга,
Тебе дам золота и денег
За пашни, земли и луга».

«Увы, то золото, что было,
Теперь в руках других людей;
Дай, Джон, мне денег — а за это
Моими землями владей».

И Джон Безмен составил запись,
Где все учел и указал;
Увы, на каждый фунт уплаты
Земли он па три фута взял.

Он деньги выложил охотно,
Он рад был сделке без потерь:
«Тебе — монеты, мне — поместья,
Я Линна властелин теперь!»

Так продал все наследник Линна,
Все оптом, до клочка земли,
Все, кроме нищенской лачуги,
Стоявшей от людей вдали.

Ему отец твердил пред смертью:
«Ты к жизни праведной негож,
Ты промотаешь все владенья,
Все золото ты проживешь».

Но этот дом не продавай ты,
Клянись Спасителем Христом;
Когда тебя весь мир оставит,
Найдешь ты друга в доме том...»

«Друзья,— сказал наследник Линна,—
Я вновь богат, давайте пить,
Тому вовек не знать веселья,
Кто золото привык копить».

Так было пропито без меры,
Без счета золотых монет;
И вот все золото исчезло,
Глядь — а друзей-то нет как нет.

В карманах пусто; три монетки
Всего осталось из добра:
Одна свинцовая, другие —
Из меди и из серебра.

«Увы,— сказал наследник Линна,—
Во всем я виноват один,
Я мог бы обойтись без денег,
Когда принадлежал мне Линн».

Но у меня друзей немало,
Чего бояться мне беды?
У всех займу я понемногу
И тем избавлюсь от нужды».

Один дружок больным сказался,
Другой и сам был весь в долгу,
А третий прочь прогнал, промолвив:
«Кормить лентяев не могу!»

«Увы, — сказал наследник Линна, —
Выходит, я же виноват?
А ведь друзьям жилось неплохо
В те дни, когда я был богат!

Мне стыдно кланчить подаянье
У тех, кто пил мое вино.
Работать я не научился,
Красть и разбойничать грешно.

Пойду-ка, по отцову слову,
В тот дом, к безлюдным тем местам:
Когда меня весь мир оставил,
Найти я должен друга там».

И поспешил наследник Линна
Через болота напрямиком
В уединенную долину,
В отцовский обветшалый дом.

Вот он пришел и огляделся,
Ища удобства и уют,
Но голы, пусты были стены
И так тоскливо было тут!

Напрасно свет дневной стремился
Внутрь, в жилище вход ища, —
Окошки низкие, слепые
Исчезли в зарослях плюща.

Ни стула, ни стола, ни лавки,
Ни очага, ни тьюфяка,
И только мрачно и зловеще
Петля свисала с потолка.

К петле приколата записка,
А в ней написаны слова:
«Ты золото свое растратил,
Бездельник, жертва мотовства!

Твое безделье и беспутство
Давно предвидел я — и вот
Твой верный друг, — он от позора
И от стыда тебя спасет!»

Был поражен наследник Липна,
Загробный прочитав упрек,
И сердце от вины забилось,
И щеки стыд ему обжег.

И застонал наследник Линна,
Постигнув пагубность утрат:
«Да, по душе мне друг пеньковый,
И с ним я побрататься рад!»

Он голову просунул в петлю,
Всем телом на нее налег,
Упал — и в тот же миг увидел,
Как расступился потолок.

Он чуть не умер от испуга,
Но был он все-таки живуч;
Очнулся — вновь пред ним записка,
И золотой в записке ключ.

И вот из нового посланья
Узнал он место тайника,
В котором спрятаны надежно
Вместительных три сундука.

Два были с золотом червонным,
А третий полон серебра,
Бумага рядом, на бумаге —
Следы отцовского пера:

«Еще раз, сын мой, повторяю:
Живи, как должно, на земле,
И если прошлое не бросишь,
Окончишь жизнь свою в петле».

«Отец, — сказал наследник Линна, —
Я слово здесь тебе даю,
Что я исправлюсь — а иначе
В петле окончу жизнь мою».

Поклялся так наследник Линна
И прочь пошел от этих стен,
Шагал он торопливо к дому,
Где жил мошенник Джон Безмен.

Глядел тот важно, по-господски,
И спеси было в нем полно,
А за столом сидели лорды
И пили крепкое вино.

«Я рад, мой добрый Джон, что вижу
Тебя с достойными людьми;
Прошу тебя об одолженье:
Хоть сорок пенсов мне займи».

«Ступай отсюда прочь, бездельник,
И покорись своей судьбе;
Да буду я отвержен богом,
Когда хоть пенни дам тебе!»

Тогда сказал наследник Линна
Не Джону, а его жене:
«О леди, будьте милосердны,
Хоть что-нибудь подайте мне».

«Ступай отсюда! Я не стану
К подачкам нищих приучать;
А если вешать оборванцев,
То надобно с тебя начать!»

Но произнес один из лордов,
Что за столом у Джона пил:
«Эй, обернись, наследник Линна,
Ты, помню, добрым лордом был.

Ты был радушным, щедрым малым,
И это не забыли мы —
Тебе дарю я сорок пенсов
И столько же даю займы.

Ты, Джон, давай ему отныне
Вино и место у стола:
Ведь ты скупил его владенья,
И сделка выгодной была».

А Джон Безмен ответил злобно,
В торгашеский впадая пыл:
«Да буду я отвержен богом,
Коль не в убыток я купил!

Я говорю, наследник Линна,
Тебе и этим господам,
Что я дешевле на сто марок
Обратно все тебе отдам».

И тут сказал наследник Линна:
«Составьте, как велит закон,
Об этой новой сделке запись,—
А вот и деньги, добрый Джон!»

Упал на стол с веселым звоном
Битком набитый кошелек,
И Джон Безмен, объятый горем,
Ни слова вымолвить не мог.

Швырнул наследник Линна деньги:
«Ты, Джон, их должен сосчитать,
Тебе — монеты, мне — поместья,
Я Линна властелин опять!

А ты, что за меня вступился,
Ко мне сочувствие храня,—
Возьми обратно сорок пенсов
И сорок фунтов от меня».

«Увы,— захала хозяйка,—
На горе мне такой обмен:
Вчера был «леди Линн» мой титул,
А нынче — «госпожа Безмен».

«Прощай,— лорд Линн сказал Безмену.—
А если снова, на беду,
Решу свои продать я земли,
К тебе я, Джон Безмен, приду...»

СЫН ЭЛЛОВ

Замок стоит на высоком холме,
В стены и башни одет.
Эллов потомок — владелец его,
Рыцарь в расцвете лет.

Рыцарь из замка спускается в сад
И стоит у ворот, как страж.
Видит: вприпрыжку бежит через дол
Прекрасной Эмелин паж.

Что за причина спешки такой?
Не приложит рыцарь ума,
Сам поспешает навстречу ему
И встречает на склоне холма.

— Сохрани тебя Господи, маленький паж,
Да поможет тебе Христос!
Как живется веселой твоей госпоже
И какую ты весть принес?

— Моя добрая леди в слезах до зари,
Слез поток ее неистошим,
А рыдает она о жестокой вражде
Между родом ее и твоим.

Орошенный слезами шелковый шарф
Шлет тебе моя леди, скорбя,
Чтобы ты иногда вспоминал о той,
Что любила так нежно тебя.

А еще тебе шлет золотое кольцо
В знак того, что до гроба верна.
Просит в память о ней этот перстень носить,
Когда ляжет в могилу она.

Потому что разбито сердце ее
И на счастье надежда плоха.
Ей тебя позабыть приказал отец
И другого нашел жениха.

Ей сосватали рыцаря-старика,
Сэра Джона из северных стран.
Он приехал сегодня. Трехдневный срок
Для раздумья Эмелин дан.

— Торопись обратно, маленький паж
Успокой свою госпожу
И скажи: коль не погибну, ее
Нынче ночью освобожу!

Передай прекрасной своей госпоже:
Я приду под ее окно
Ровно в полночь. И пусть мне грозит беда:
Будь что будет — мне все равно!

Побежал вприпрыжку маленький паж,
Торопился что было сил,
И явился в светелку своей госпожи,
И колено пред ней преклонил:

— Нынче ночью, о леди, возлюбленный твой
Под окошко твое придет.
Он просил, моя леди, тебе передать,
Что спасет тебя — иль умрет.

И день прошел, и настала ночь.
Вся округа крепко спала,
Лишь несчастная леди в светелке своей
У окошка слезы лила.

И услышала точно в условленный час
Громкий шепот внизу, под стеной:
— Моя милая леди, скорее проснись,
Это я — возлюбленный твой!

Кобылица оседлана, рядом стоит,
Моя милая леди, проснись!
Вот и лестница — времени даром не трать
И спускайся, любимая, вниз.

— Нет, мой рыцарь любезный, клянусь тебе — нет!
Не могу я по лестнице слезть.
Если темною ночью с тобой убегу —
Потеряю девичью честь.

— Я клянусь, моя леди, ты можешь бежать
Без опаски из дому со мной.
К моей матушке в замок тебя я свезу —
Там лишь станешь моею женой.

— Мой отец благородный и смелый лорд,
С давних пор его род знаменит.
Что, по-твоему, скажет он, если с тобой
Дочь из дому вдвоем убежит?

Он, я знаю, ужасную клятву даст,
Он забудет еду и сон
До тех пор, пока из твоей груди
Сердца с кровью не вырвет он!

— Если спустишься, леди, и сядешь в седло,
И проскачешь полмили всего,
Я не буду бояться ни гнева отца,
Ни жестокой мести его.

Воздыхала Эмелин, сердцем скорбя,
Долго капали слезы с ресниц.
Рыцарь сам наконец ее за руку взял
И спустил по лестнице вниз.

Трижды обнял прекрасную, поцеловал
Нежно в губы единственный раз.
Если слезы до этого тихо лились —
Тут уж хлынули реки из глаз.

Он в седло кобылицы ее посадил,
Сам вскочил в седло жеребца,
Рог повесил на грудь, и помчались они
Прочь от замка ее отца.

Но не знали они, что служанка не спит,
Слышит все и хозяйку предаст,
Рассуждая: — Пойду-ка, отцу доложу.
Он за это мне золота даст...

Благородная леди и храбрый лорд,
Просыпайтесь скорей, господа!
Вашей дочери нету в постели — она
С сыном Элла сбежала. Беда!

И проснулся лорд, и с постели встал,
Верных молодцев кликнул он:
— Ты, сэр Джон, немедля погоню возглавь —
Мою дочь увезли в полон!

Не успели и мили еще проскакать
Незадачливых два беглеца,
Как увидели мчащихся по пятам
Слуг ее дорогого отца.

И первым к ним подоспел сэр Джон,
Старый рыцарь из северных стран:
— Стой, предатель! — он крикнул. — Немедленно
стой!

И верни эту леди нам.

Потому что леди она рождена,
И высок ее род с давних пор.
Не пристало сыну лжецов и невежд
Увозить ее на позор!

— Ну и громко ты лжешь, рыцарь сэр Джон,
Можешь дальше не продолжать.
Я от рыцаря знатною дамой рожден,
От тебя же им — не рожать!

Спешься, милая леди, и в сторону встань,
Подержи моего коня,
С этим рыцарем наглым из северных стран
Будет дело сейчас у меня.

Воздыхала Эмелин, сердцем скорбя
И горючие слезы точа,
Пока славные рыцари невдалеке
Наносили удары сплеча.

Наконец в один хороший удар
Элла сын всю силу вложил
И на землю ударом этим одним
Сэра Джона навек уложил.

Тут как раз подоспели на быстрых конях
Лорд-отец и вся его рать.
О несчастная Эмелин, горе тебе!
Бесполезно теперь убегать.

Ее милый рог приложил к губам,
И призывно в рог протрубил,
И увидел, что скачут по склону холма
Его мблодцы, полные сил.

— Придержи свою руку, отважный лорд,
Я прошу тебя: не спеши
Разрубить союз двух влюбленных сердец,
Разлучить навек две души!

Признаюсь: я давно твою дочь люблю,
Но люблю я любовью той,
Нежной, чистой, какую друг друга любить
Разрешает престол святой.

Дай согласие, чтоб стала она моей!
Высоки мой дом и мой род,
Хороши и обширны земли мои,
И немалый от них доход.

Благородным рыцарем был мой отец,
Дочкой эрла была моя мать... —
Отвернулся лорд, и нахмурил чело,
И не знал, что на это сказать.

Воздыхала Эмелин, слезы лила,
Отдаваясь в отцовскую власть,
Наконец догадалась за руку схватить
И пред ним на колени упасть.

— О, прости нас, прости нас, отец дорогой,
Для меня твоя воля — закон.
Не решилась бы я из дому бежать,
Если б не был сэр Джон стариком.

Ты не раз твою Эмелин в прошлые дни
Называл отрадой своей,
Так не будь же поспешен в решение своем,
Гневным словом ее не убей!

Лорд ладонью провел по темной щеке,
Отвернулся суровый лорд,
Чтоб украдкой слезу со щеки смахнуть,
Ибо был он чертовски горд.

Лорд стоял, погруженный в мысли свои,
Но недолго он рассуждал:
Он прекрасную Эмелин поднял с колен
И к отцовскому сердцу прижал.

Он прекрасную за руку взял и сказал:
— Так бери же невесту, жених,
Мою дочку единственную, и с ней —
Половину владений моих.

Твой отец однажды задел мою честь
На заре наших юных дней,
Но сегодня обиду давнишнюю ту
Ты загладил любовью своей.

Да поможет вам Небо, дети мои,
Жизнь прожить, друг друга любя,
И вовеки благословенье мое
Не оставит, дочка, тебя!

РИЧЧИ СТОРИ

Трех дочек-красавиц граф Вайтон взрастил,
Ах, боже, как были они хороши!
У старшей девицы — поместье и дом,
Она же влюбилась в слугу своего.

Вот шла она берегом тихой реки,
Ах, боже, была она так хороша!
Увидела Риччи, слугу своего,
С красивыми лентами на рукавах.

«С посланьем от графа спешу я, мадам,
Письмо вам от графа несу я, мадам,
Граф Хьюм ждет ответа на это письмо,
Готов он служить вам усердно, мадам».

«К чему его письма? — сказала она.—
К чему его служба? — сказала она.—
Ведь слово дала я и слово сдержу,
Что буду твоею и больше ничьей».

«Зачем же вы так говорите, мадам,
Зачем надо мною смеетесь, мадам,
Ни золота нет у меня, ни земель,
Так можно ли жить вам со мною, мадам?»

«О Риччи, я буду, где хочешь, с тобой,
О Риччи, я буду, где скажешь, с тобой,
И стану я ждать, чтоб меня ты позвал,
О Риччи, чтоб я была вечно с тобой!»

Когда через Старлинг промчались они,
Ах, боже, была она так хороша!
Глазели зеваки на шелковый шлейф,
На Риччи ж никто из людей не смотрел.

Когда Эдинбург проезжали они,
Ах, боже, была она так хороша!
Вельможи мечтали ей сердце вручить,
Не зная, что Риччи она отдана.

Когда же к свекрови явились они,
Ах, боже, была она так хороша!
Сказала свекровь: «Подоткните подол
И в хлеве навоз разгребите, мадам!

Скажите, неужто не жаль вам, мадам,
Ответьте, да разве не жаль вам, мадам,
Что дом в Камберленде покинули вы
И в доме слуги поселились, мадам?»

«О чем мне жалеть? — отвечала она. —
И что мне терять? — отвечала она. —
Я то обрела, что Судьба мне дала,
И то, чего жаждало сердце мое».

МАЛЫШКА,
ИЛИ МЭРИ ИЗ ЗАМКА КЕРИ

— Ты не видел малышку? Ты не видел глупышку?
Мою милую ты не встречал на лугу?
Ты ее не приметил, где боярышник в цвете,
У ручья, на зеленом его берегу?

Ее волосы — лен, ее кожа — сметана,
И темна синева ее ласковых глаз,
Губы — сладкие вишни у любимой малышки.
В час вечерний ушла — до сих пор не нашлась!

— Я не видел малышку, я не видел глупышку,
Твою милую я не встречал на лугу.
Но я встретил другую, свою дорожную,
У ручья, на зеленом его берегу.

Ее волосы — лен, ее кожа — сметана,
Синева ее глаз глубока и темна,
Губы — розы краснее, спелой вишни вкуснее,
И сладки поцелуи, что дарит она.

— Да, ты встретил другую, не мою дорогую,
У ручья на исходе вчерашнего дня.
Та меня не обманет, на другого не взглянет,
С той поры, как она полюбила меня.

Ее имя — Мэри из замка Керри,
Я ребенком ее на коленях качал.
Хвастунишка спесивый, будь ты самый красивый —
От нее поцелуев бы не получал!

— Ее имя — Мэри из замка Керри,
Значит, это ее я вчера повстречал.
Гордо сердце малышки, скромность — тоже в излишке,
Но сладки поцелуи, что я получал!

Кровь его закипела, лицо потемнело,
Диким блеском сверкнули глаза, как ножи:
— Наглый лжец, защищайся, бежать не пытайся,
Ты раскаешься, подлый предатель, во лжи!

Наглый лжец улыбнулся и шапки коснулся,
Снял ее — и рассыпался лен по плечам.
Плед — за шапкою следом. Под бесформенным пледом
Белогрудая дева открылась очам.

— Не моя ли малышка, не моя ли глупышка
Предо мною предстала, скромна и горда?
— Ты прости меня, Джемми, я клянусь тебе, Джемми,
Что теперь не покину тебя никогда!

КРАСОТКА ИЗ ЭНГЛИССИ

Секрет есть у нашего короля,
Ужасно важный секрет,—
Явился наших перетанцевать
Английских рыцарей цвет.

Декрет королевский издал король,
Ужасно важный декрет:
«Примчите Красотку из Энглисси
На королевский паркет!»

Красотка была белей молока,
Белей не видывал свет:
«Какая мне будет корысть, государь,
От танцевальных побед?»

«Пятнадцать пашен, а также ветряк —
Живи, не ведая бед!
И лучший рыцарь из свиты моей
Возьмет тебя в жены, мой свет!»

Пятнадцать лордов в танец она
Ведет за собой вослед
Но десять вечера бьют часы,
А лордов с ней рядом нет.

Тогда поднялся пятнадцатый лорд,
И — думаю — был он задет.
Он меч свой и перевязь отложил,
Как требовал этикет.

И гордо промолвил: «Ее победить
Я вышел — вот мой обет!»
Но десять вечера бьют часы,
А лорда с ней рядом нет.

СМУГЛЫЙ РОБИН

Король с дворянами сидел
За пиршеством хмельным,
И он велел, чтоб дочь его
Прислуживала им.

То в погреб бегала она,
А то обратно, в зал,
Сама ж глядела за окно,
Где Смуглый Робин ждал.

Она в светлицу поднялась
И села у окна,
И, в руки лютню взяв свою,
Запела так она:

«Как птицы сладостно поют
В родительском саду!
О, как нетерпеливо я
Свиданья с милым жду!»

«Когда и впрямь я мил тебе
И впрямь правдива песнь твоя,
Скажи скорей: когда в твоей
Светлице буду я?»

«Когда вина напьются власть
Король-отец и знать,
Тогда готова буду я
Любовь твою принять».

Она привратнику вино
Несла за жбаном жбан,
Покуда страж не захрапел,
Напившись, как кабан.
Тогда она украла ключ
И завершила план...

И ночь ушла, и солнце к ним
Пришло с началом дня,
И Смуглый Робин ей сказал:
«А не найдут меня?»

«О, я сумею, Робин мой,
Предотвратить беду:
Схитрив, тебя я привела,
Схитрив, и уведу».
В отцовский погреб, торопясь,
Направилась она,
В большую чашу налила
Отменного вина
И с нею встретила отца —
А был он вполпьяна.

«Я эту чашу, дочь моя,
Не отдал бы за те
Все вина в бочках там, внизу,
В подвальной темноте!»

«Да провались оно совсем,—
Вино и погреб весь!
Мне запах голову кружит,
Я быть не в силах здесь».

«Ну, что же, дочь моя, иди
И ветром подыши,
Возьми служанок и ступай,
Гуляй в лесной тиши».

А чванный страж проговорил
(Дай бог ему невзгод!):
«Пускай служанки в лес идут,
А леди не пойдет».

«Служанок много у меня,
Не меньше сорока,
Но не отыщет ни одна
Заветного цветка»

Она в светлицу поднялась,
И с головы до пят
Был Смуглый Робин вмиг одет
В девический наряд:

Под цвет травы красивый плащ
И, на ногах лёгки,
Из мягкой кожи башмаки
И тонкие чулки.

Упругий лук под плащ ее
Вошел едва-едва,
Кинжал был спрятан на груди,
А стрелы — в рукава.

И вот, когда они пошли
Из замковых ворот,
Проговорил надменный страж
(Дай бог ему невзгод!):

«Мы девушек, идущих в лес,
Пересчитаем тут
И вновь пересчитаем их,
Когда назад придут».

Так Робин, ночью в дом войдя,
Из дома вышел днем.
«А ведь девица недурна!» —
Сказал король о нем.

И майским днем они ушли
В леса, в луга, в поля
И не вернулись никогда
В хоромы короля.

ВЭТТИ И МЕДЖ

(Подражание «Вильяму и Маргарите»)

Был солнечный полдневный час,
И всяк бы жрал и жрал.
В кишках у Вэтти голод взвыл,
И малый заплошал.

Багров, как окорок свиной,
В коптильне знавший крюк,
Он заскорузлою рукой
Сжимал ольховый сук.

Таким содеется лицо
И щегольских персон,
Такою лорда станет пясть.
Работай с наше он.

Его башка была, что куст,
А шляпа, как скирда.
На роже там и сям росла
Клочками борода.

Но голод, что голодный червь,
Проел ему кишки,
И всюду чудились ему
Съедобные куски.

И в кухню спешно он попер
 Попер к милашке Медж,
И у плиты он сел без сил
 Горшков с едой промеж.

«Встань! — рывкнул он. — Толстуха, встань!
 Не дай душе пропасть!
Из первых блюд или вторых,
 Но дай нажраться всласть!»

В голодный этот постный час
 Один хорош искус:
Густой похлебки мисок пять
 И мяса жирный кус.

«О Вэтти! — отвечает Медж. —
 О, лжив был твой зарок!
Влюблен ты, Вэтти, не в меня,
 А в пудинг и пирог!»

О, вспомни, Вэтти, полночь ту,
 Когда все улеглись.
Ты щеки целовал мои,
 Они возьми — ввались!

Зачем-то зад мой похвалил,
 А я возьми — поверь!
И руки в ямочках ласкал,
 Где ямочки теперь?

Зачем-то ленту посулил,
 Подвязки на чулки.
Подвязки есть — а толку нет,
 Чулки мне велики!

О подлый Вэтти, сколько раз,
 Поскольку ты мне люб,
Я крапа с кухни пироги
 И отливала суп.

Но — чу! — к обеду вон звонят,
 Пойду снимать горшок!
Пойду, подлец, опять потеть
 Я для твоих кишок!»

Поел хозяин, помолясь,
Медж в кухню отпустил.
Веселый Вэtti ей сказал,
Что — слаб и нету сил.

Пошел и подошел к столу,
Где хаггис жирный прел,
Воткнул в середку острый нож
И, что отрезал, съел.

И трижды крикнул: «Медж, поешь!
Роскошная жратва!»
И жрал, покуда не сожрал,
И не подох едва.

СЫН ПАСТУХА

Жил однажды на свете пастушеский сын,
Пас овец и в дудочку дул.
Как-то раз он посох свой отложил
И на склоне холма уснул.

Пробудившись, на запад он поглядел,
А потом взглянул на восток
И нагую девушку увидал
Там, внизу, где шумел поток.

Вмиг с зеленого ложа вскочил пастух
И спустился к ручью, моля:
— Моя милая, выйди, и платье надень,
И не бойся, радость моя!

— Не пристало девице вставать на заре
И нырять, словно рыба, в ручей,
А пристало шелком платок вышивать
У окошка в светелке своей!

— Ты не трогай, пастух, моего плаща
И домой меня отпусти.
Столько денег тебе я за это дам,
Сколько сможешь ты унести.

— Я не стану трогать плаща твоего,
Отпущу и платье отдам,
Но на берег тебя из прозрачной воды
Я, пожалуй, вынесу сам.

А как вышла она из прозрачной воды,
Обнял деву пастух молодой:
— Поскорей, моя милая, платье надень.
Поскорей свои прелести скрой!

А потом на коня ее усадил,
Сам вскочил на другого коня.
Словно брат и сестра, поскакали они,
Меж собой расстоянье храня.

Доскакала она до отцовских ворот,
Постучалась что было сил,
И привратник ворота тотчас отворил,
И прекрасную деву впустил.

Проскользнула быстро она во двор
И кричит оттуда ему:
— Эх ты дурень! Торчи у ворот хоть всю ночь,
Не бывать тебе в нашем дому!

За заботу, скромник, спасибо тебе,
Ты застенчив, овечий лорд.
Если б ты совершил то, что должен был —
Не торчал бы ты у ворот!

— Вот дурак я! Да ладно: красотку в ручье
Я другую пойду отыщу.
Пусть повесят меня на первом суку,
Если я ее упущу!

— Поступай как знаешь! — сказала она.—
Но, клянусь, до конца твоих дней
Вряд ли выпадет случай лучше тебе...
И — закрылись ворота за ней.

Есть пословица добрая в наших краях,
Я ее заучил назубок:
«Когда ты захочешь — тебе не дадут,
Если ты не хотел, когда мог!»

Забрел к нам однажды один весельчак,
 Угодничать стал он и этак и так:
 «Хозяйка, я — нищий, я — старый дурак!
 Нельзя ли провести у вас ночь?»
 А ночь холодна, а бедняга промок;
 У печки он теплый нашел уголок,
 Согрелся, распелся он и под шумок
 Поглаживать стал мою дочь.

«Клянусь! — он сказал. — Будь свободен я столь,
 Как в час, когда выскользнул в эту юдоль,
 О, сколь я бы рад был и благостен сколь!
 И как бы жилось мне легко!»
 Он стал наседать, а она уступать,
 И не заприметила старая мать,
 Что много успели уже нашептать
 Друг дружке они на ушко.

И «О! — говорил он ей. — Будь ты черней,
 Чем чепчик усопшей мамаша моей,
 Тебя на закорки взваливши, ей-ей,
 Ушел бы куда-нибудь прочь!»
 И «О! — говорит она. — Будь я белей,
 Чем снег, что лежит по утрам у дверей,
 И то, нарядившись во все, что новей,
 Ушла бы с тобою я в ночь!»

И был уговор меж двоих хитрецов —
 Поднявшись тихонечко до петухов,
 Ушли они, ловко задвинув засов,
 Туда, где трава высока.
 А поутру встала девчонкина мать,
 Неспешно оделась и, кончив зевать,
 В людскую направилась к слугам узнать
 Насчет чудака-босняка.

Взглянула за печку, где гость ночевал, —
 Остыла солома, а нищий пропал!
 И стала кричать она: «Слуги! Скандал!
 Да он не унес ли чего?!»
 Те — сразу к ларцам, а она — к поставцам,
 Но — богу хвала! — все лежит по местам.
 Хозяйка сказала: «Позор нам и срам,
 Мы зря обвинили его!»

Чем странников божьих покражей корить,
Ступайте скотину поить и доить!
Не худо б, служанка, сходить разбудить
 Мою ненаглядную дочь!»
Служанка стучится, глядит — вот те на!
Светелка пуста, и постель холодна.
«Хозяйка! — кричит она. — Видно, она
 Ушла с побродягою прочь!»

«Скачите, кто скор, торопитесь, кто спор!
Сыщите, где прячутся дочка и вор!
Ее — на позор, а его — на костер,
 Зловредного чужака!»
Кто мчится верхом, кто влачится пешком.
Пыль к небу столбом — настоящий содом!
Кричит на весь дом, повредившись умом,
 Хозяйка, кляня босяка.

Покуда погоня неслась стороной,
Уютно укрывшись в долинке одной,
Веселая дочь и бродяга чудной
 Сыр ели ломоть за ломтем.
Пришлась им по вкусу такая еда.
Он в вечной любви ей поклялся тогда.
Клялась и она, — мол, твоя навсегда
 На свете и этом и том.

«О, если б мамаша увидела нас,
От злости она б окривела тотчас;
Теперь постучись к нам бродяга хоть раз —
 Не пустят его на порог!»
«Моя дорогая, ты очень юна,
В дела попрошайства не посвящена,
А эта наука куда как трудна —
 Ходить и просить вдоль дорог!»

«Я стану на паперти петь тропари
И резать из бука волчки-кубари,
Оно ведь не штука — хватай да бери!
 А надобно клянчить с умом:
Хромать научусь я почище хромца,
Тряпицею черной стяну пол-лица, —
И всяк пожалеет хромого слепца.
 А мы все прокутим потом!»

РАЗНОСЧИК

Разносчик стучит неучтиво,
Вопит он и входит в раж:
«Хозяйка, не пить тебе пива,
Коль деньги мои не отдашь!»

В подвал я его пригласила,
И дверь изнутри заперла,
Платила ему что есть силы,
Выкладывалась как могла.

Когда кредиторы — нахалы,
А денежек нет ни копя,
Хозяйки, идите в подвалы,
Рассчитывайтесь, как я.

Вот верное средство, красотки,
Поправить делишки свои,
Его я узнала от тетки —
Мудрейшей из нашей семьи.

Разносчик прижимист и жаден,
Но я-то — я тоже хитра,
И, право, он будет в накладе,
Когда завершится игра.

Пусть ходит — мне долг мой не страшен,
А ежели дверь заперта,
Пусть к леди он явится нашей —
И леди оплатит счета!

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Отец мне на хозяйство дал
Лишь одного коня;
Я беден был, но сметкой бог
Не обделил меня:
К чему пустые закрома,
Амбары да подклети?
Наймусь-ка лучше к лорду в дом,
К его пригожей леди.

Я ей посланье написал,
Его я начал так:
«Сударыня, я в вас влюблен,
И то, что я бедняк,
И то, что я подчас живу,
Вздыхая об обеде,
Не помешает мне служить
Моей прекрасной леди».

И мне ответила она:
«Не скромничай, дружок,
Ты мог бы сам прийти ко мне
И все сказать бы мог;
Ты мог бы сам прийти ко мне,
Уверенный в победе,
Рога б наставить лорду мог
С его красивой леди».

Она деньгами мой кошель
Набила до полна,
И я впервые вкус узнал
Господского вина;
Но вот я перетрусил так,
Как никогда на свете:
Хозяин в спальню постучал,
Когда я был там с леди.

Она, впихнув меня под стул
И плед накинув свой,
Любезничала с ним, а я
Сидел едва живой;
Ушел он — я же, впопыхах,
Как был, в хозяйском пледе,
Удрал — и больше не видал
Мою красотку-леди!

СТАРУХА, ДВЕРЬ ЗАКРОЙ!

Под праздник, под воскресный день,
Пред тем, как на ночь лечь,
Хозяйка жарить принялась,
Варить, тушить и печь.

Стояла осень на дворе,
И ветер дул сырой.
Старик старухе говорит:
— Старуха, дверь закрой!

— Мне только дверь и закрывать,
Другого дела нет.
По мне — пускай она стоит
Открытой сотню лет!

Так без конца между собой
Вели супруги спор,
Пока старик не предложил
Старухе уговор:

— Давай, старуха, помолчим.
А кто откроет рот
И первый вымолвит словцо,
Тот двери и запрет!

Проходит час, за ним другой.
Хозяева молчат.
Давно в печи погас огонь.
В углу часы стучат.

Вот бьют часы двенадцать раз,
А дверь не заперта.
Два незнакомца входят в дом,
А в доме темнота.

— А ну-ка, — гости говорят, —
Кто в домике живет? —
Молчат старуха и старик,
Воды набрали в рот.

Ночные гости из печи
Берут по пирогу,
И потроха, и петуха, —
Хозяйка — ни гугу.

Нашли табак у старика.
— Хороший табачок! —
Из бочки выпили пивка.
Хозяева — молчок.

Все взяли гости, что могли,
И вышли за порог.
Идут двором и говорят:
— Сырой у них пирог!

А им вослед старуха: — Нет!
Пирог мой не сырой! —
Ей из угла старик в ответ:
— Старуха, дверь закрой!

БАЛЛАДА О МЕЛЬНИКЕ И ЕГО ЖЕНЕ

1

Вернулся мельник вечерком
На мельницу домой
И видит: конь под чепраком
Гуляет вороной.

— Хозяйка, кто сюда верхом
Приехал без меня?
Гуляет конь перед крыльцом,
Уздечкою звеня.

— Гуляет конь,
Ты говоришь?
— Гуляет,
Говорю!
— Звенит уздечкой,
Говоришь?
— Уздечкой,
Говорю!

— С ума ты спятил, старый плут,
Напился ты опять!
Гуляет по двору свинья,
Что мне прислала мать.

— Прислала мать,
Ты говоришь?
— Прислала,
Говорю!

— Свиною прислала,
Говоришь?
— Прислала,
Говорю!

— Свиной немало я видал,
Со свиньями знаком,
Но никогда я не видал
Свины под чепраком!

2

Вернулся мельник вечерком,
Идет к своей жене
И видит новенький мундир
И шляпу на стене.

— Хозяйка, что за командир
Пожаловал в мой дом?
Зачем висит у нас мундир
И шляпа с галуном?

— Побойся бога, старый плут,
Ни сесть тебе, ни встать!
Мне одеяло и чепец
Вчера прислала мать!

— Чепец прислала,
Говоришь?
— Прислала,
Говорю!
— И одеяло,
Говоришь?
— Прислала,
Говорю!

— Немало видел я, жена,
Чепцов и одеял,
Но золотого галуна,
На них я не видал!

Вернулся мельник вечерком,
Шагнул через порог
И видит пару щегольских
Начищенных сапог.

— Хозяйка, что за сапоги
Торчат из-под скамьи?
Свои я знаю сапоги,
А это не мои!

— Ты пьян, как стелька, старый плут!
Иди скорее спать!
Стоят под лавкой два ведра,
Что мне прислала мать.

— Прислала мать,
Ты говоришь?
— Прислала,
Говорю!
— Прислала ведра,
Говоришь?
— Прислала,
Говорю!

— Немало ведер я видал
На свете до сих пор,
Но никогда я не видал
На ведрах медных шпор!

НЭНСИ И ВИЛСИ

Схожу-ка я в зеленый лес,
Эй, Вилси, эй, Вилси.
Схожу-ка я в зеленый лес,
Эй, недотепа Вилси.

А не пойти ли мне с тобой,
А, Нэнси, а, Нэнси?
А не пойти ли мне с тобой,
А, недотрога Нэнси?

А не пойти ль тебе назад,
А, Вилси, а, Вилси?
А не пойти ль тебе назад,
А, недотепа Вилси?

А может, завалить тебя?
Ух, Нэнси, ух, Нэнси!
А может, завалить тебя?
Ух, недотрога Нэнси!

А что как встану я опять?
Ух, Вилси, ух, Вилси!
А что как встану я опять?
Ух, недотепа Вилси!

А что как вдруг ты понесешь?
Ай, Нэнси, ай, Нэнси.
А что как вдруг ты понесешь?
Ай, недотрога Нэнси.

А понесу, так принесу!
Знай, Вилси, знай, Вилси.
А понесу, так принесу!
Знай, недотепа Вилси.

А где мы колыбель возьмем?
О Нэнси, о Нэнси.
А где мы колыбель возьмем?
О недотрога Нэнси.

А лес норвежский для чего?
О Вилси, о Вилси.
А лес норвежский для чего?
О недотепа Вилси.

К чему б ее нам привязать?
О Нэнси, о Нэнси.
К чему б ее нам привязать?
О недотрога Нэнси.

Подвязки наши можно взять.
О Вилси, о Вилси.
Подвязки наши можно взять.
О недотепа Вилси.

А сивку моего — к чему?
Ой, Нэнси, ой, Нэнси.
А сивку моего — к чему?
Ой, недотрога Нэнси.

К большому пальцу моему,
Мой Вилси, мой Вилси.
К большому пальцу моему,
Мой недотепа Вилси.

А если сивка упадет?
Ах, Нэнси, ах, Нэнси.
А если сивка упадет?
Ах, недотрога Нэнси.

Тогда он к дьяволу пойдет!
Эх, Вилси, эх, Вилси!
Тогда он к дьяволу пойдет!
Эх, недотепа Вилси!

ПОРТНОЙ

Пришел портной «латаем-шьем!»
Бедовый мужичонка!
Блох напустил на целый дом —
Вот так раз! Ну вот так раз!
Блох напустил на целый дом —
Вот так раз и вон как!

Спала девчонка там, где печь,
Бедовая девчонка!
И стала страсть портного печь —
Вот так раз! Ну вот так раз!
И стала страсть портного печь —
Вот так раз и вон как!

Спала девчонка, как сурок,
Бедовая девчонка!
Портной улегся к ней под бок —
Вот так раз! Ну вот так раз!
Портной улегся к ней под бок —
Вот так раз и вон как!

Девчонка поднялась чуть свет,
Бедовая девчонка!
Глядь — а невинности и нет —
Вот так раз! Ну вот так раз!
Глядь — а невинности и нет —
Вот так раз и вон как!

Она искала тут и там,
Бедовая девчонка!
По всяким потайным местам —
Вот так раз! Ну вот так раз!
По всяким потайным местам —
Вот так раз и вон как!

Она искала на скирде,
Бедовая девчонка!
Нет,— говорит,— ну нет нигде!
Вот так раз! Ну вот так раз!
Нет,— говорит,— ну нет нигде!
Вот так раз и вон как!

Она искала у дорог,
Бедовая девчонка!
Даст бог — вернется на порог.
Вот так раз! Ну вот так раз!
Даст бог — вернется на порог.
Вот так раз и вон как!

Портного в суд свела, ей-ей!
Бедовая девчонка!
А заодно и всех парней —
Вот так раз! Ну вот так раз!
А заодно и всех парней —
Вот так раз и вон как!

Штраф, говорит, плати давай,
Бедовая девчонка!
Или невинность отдавай!
Вот так раз! Ну вот так раз!
Или невинность отдавай!
Вот так раз и вон как!

А как тебе ее вернешь,
Бедовая девчонка!
А так же, как ее берешь!
Вот так раз! Ну вот так раз!
А так же, как ее берешь!
Вот так раз и вон как!

ЖИЛ КОГДА-ТО В ЭБЕРДИНЕ..

Жил когда-то в Эбердине
Человек, не хуже всех,
Был не стар, умен отменно,
Да страшон, как смертный грех.

И девицы, для которых
Он порой из кожи лез,
За урода выйти замуж
Отказались наотрез.

И тогда решил он сделать
Предложение глупой Мэг:
«Тут упрашивать не надо, —
Думал этот человек. —

Нет богатства у девчонки —
Только косы да глаза:
Золото — густые косы
И глаза — как бирюза.

Вот ума — совсем негусто,
А известно, что его
В лавке у купца не купишь,
Не займешь ни у кого».

Он посватался, и сразу
Получил согласие он
И домой шаги направил,
В размышленья погружен:
«Мэг безмозгла, но красива,
Я урод, но башковит,
Свойства лучшие обоих
Наш союз соединит:

Наши дети, без сомненья,
Красотою будут в мать,
А в меня — умом могучим,
Мне ж ума не занимать!

Дети будут прямо чудо
По уму и красоте;
Не было такой удачи
Ни одной еще чете!..»

Дети родились, однако,
Ожиданьям вопреки,
Страхолюдные — в папашу
И в мамашу — дураки!

ДОБРОТНОЕ СУКНО

Ты, в ком тщеславие живет
И в Книге Славы строчки ждет,
И лавров жаждет не в черед,
Зачем тебе оно?

Ты лучше облеку живот
В Добротное Сукно.

Тот, кто сукна добыл кусок
И шляпу на седой висок, —
Тот элегантен и высок —
Оно немудрено!

Всем прочим щеголям щелчок —
Добротное Сукно.

А у кого его лишь малость,
Тот вызывает смех и жалость,
Как если б тело его вжалось
В холстину иль рядно;

На людях сроду уважалось
Добротное Сукно.

В субботу брадобрей-юнец,
Всех перебривши наконец,
Лощеный, как весной скворец,
Идет и заодно

Свое выводит в Парк, шельмец,
Добротное Сукно.

Такой с надменным видом выдь —
И не подумаешь, что — брить
Иль наши волосенки вить
Ему судьбой дано.

А сообщает парню прыть
Добротное Сукно.

Любой ретивый ухажер,
Ловящий благосклонный взор,
Не должен получить отпор —
 Сие исключено,
Коль он себя изящно впер
 В Добротное Сукно.

А появишь он весь потерт —
Им увлечется разве черт;
Красотки любят первый сорт —
 Уж так заведено.
И штурмом вступит в ихний форт
 Добротное Сукно.

И — будь ты гусеницей — все ж
Скорее мотыльком вспорхнешь
И диссертацию пробьешь,
 Хоть ты бревном бревно,
Когда в пособия возьмешь
 Добротное Сукно.

Иной, как В. Шекспир, смышлен
Иль башковит, как сам Ньютон,
Но окружающим смешон
 И выглядит чудно,
Покуда не напаялит он
 Добротное Сукно.

СВЕЖИЕ УСТРИЦЫ

Блажен стократ, кто средь забот и бед
В простом иль шитом кошельке обрящет
Роскошный шиллинг. И услышать может
Писк свежих устриц, попивая эль.

Филлипс

Хоть на земле полно морей,
Где у прилежных рыбаей
Богат сетей и вентерей
 Тугой улов,
Знай — в устье Форса все ж добрей
 И лов, и клев.

Треска тут плавает и скат,
Здесь угорь, гибок и хвостат,
Средь камбал, сельди и сомят
 Привадно вьется,
Омары ножками сучат,
 И краб крадется.

Сентябрь веселый настает,
И вот Старик Дымила ждет,
Когда к Нептуну созовет
 На устриц нас.
Нет! Не найти вкусней щедрот
 Средь рыб и мяса!

О! К нам тогда взывают зря,
Перст наставительно простря,
И знахаря, и лекаря,
 Мол, сила — в зельях!
Чем — ипохондриков дуря —
 Гноят досель их.

Пойдем, больной! Тебе во вред
Бред лекарей! Целебней нет
Сентябрьских устричных диет,
 И — к черту хворь!
Ты лучше гнусный лазарет
 Переобжорь.

Эй, пьянь с колотуном в мощах,
И ты — влачащий нос в прыщах,
И ты — со сквозняком в свищах,
 Ешь устриц, понял!
Съел сотню всыть иль натошак —
 И немочь донял!

Когда весь мир, как лужа, мглист
И ты промок, как банный лист,
Запомни — Лаки Миддлмист
 Накормит властью;
Но устриц к джину — сердцем чист,—
 Вели накласть.

Когда Сейнт-Джайлс в часу восьмом
Запрет лабазы с барахлом,
Бедняк расстаться с медяком
Сюда попрет —
Позубоскалит тут с дружкойм
И всласть поврет.

Когда сползет куда-то Феб,
Где лучше оставаться мне б?
Тут, где у печки духом креп
И сытно ел,
И в свой жилой брести вертеп
Ох, не хотел.

Когда иной с тугой мошной
Томит живот стряпней дрянной,
Пройди ликуя стороной —
Ты не из оных!
Ешь устриц — и господь с тобой! —
И кур вареных.

В Ньюхейвене в любой поварне
И в Мьюсельбро в устрицеварне,
Куда кормить приводят парни
Своих простушек,
Сколь устриц сладостен навар мне —
Суп из ракушек!

Но, прежде чем зажгут огни,
Ты все же раз-другой глотни
И промотайся — не тяни! —
На джин, к примеру.
Но устричной возьми стряпни
На меру — меру.

А если ноги не несут,
А толстодонный полн сосуд,
Съешь устриц снова, и — спасут!
И пьянствуй стойко;
Клянусь! Монах и келарь-плут
Не выпьют столько!

Гудбай, штаны! Хоть лучше вас
 Не знал одеж мой тощий таз,
 Расстанемтесь! Стезя терниста
 У барда и у романиста,
 Ведь им привычен снос вещей,—
 Хоть ближний рек: «Новей — прочней!»
 О вы, в кого ногами врос,
 Не пропустит сквозь вас мороз
 Я тцусь, штукуя все протирки,
 Латая рвань, мережа дырки.

Так старикашки — стыд и срам! —
 Пилюлятся по докторам,
 Чтоб досиять годок-другой
 Физиономией тугой,
 Покуда смерть в конце концов
 Не обезвредит хитрецов.

Хоть изначально вы — сукно,
 И гузно в вас утеплено
 Слоями штопок и заплат
 В снега и в дождь, в туман и в град,
 Но в старости за все радеше
 Узнайте с чердака паденье!
 Впервой надев, я вас любил,
 Как в злате-серебре ходил,
 Но пусть не ищут пониманья
 Дрянь-обшлага и рвань карманья;
 Известно — нам, поэтам — ценз
 С трудом дарует каждый пенс,
 Поэтому для нас медяк,
 Потертый даже, — не пустяк!
 Но огляпись по сторонам —
 Паршиво всем, не только нам;
 Кого же мир боготворит?
 Кто в долг дает и кто поит;
 Нам друг до гроба — кто из щедрых,
 А поистратится — и недруг!

Но тот, кто пылок сердцем, он
 Всегда за друга огорчен,
 Как я за вас — ведь столько раз
 Я рифмовал, напялив вас,
 Поскольку наплевала Муза
 На все, что смертному обуза:

На скуку, грусть, печаль, хандру, —
Ей легких строф подай игру!
Друг или враг, сестра иль брат —
Не пощадит — сразит подряд.

Забудут ли штанины ваши
Счастливым танец мой вокруг чаши?
Несочетаем был с бедой
Мой пылкий облик молодой.
Увы, пропала пылкость прытко,
Как в снег декабрьский маргаритка.

Будь Вошекол не сын безделья,
Ну не носил бы вас везде ль я?
Будь вечны вы — огонь и воду
Прошли бы мы, плюя на моду!
Увы! *Vicissitudo* (бренность)
Любой товар состарит в древность,
А посему на вечность плюньте,
Вы — тлен! *Sic transit gloria mundi!*

Теперь ступайте к некой даме,
Взалкавшей помыкать мужьями,
И предложитесь — вдруг нужны
Ей для престижа вы, штаны;
Пушай не очень вы опрятны,
Обязанности все ж приятны,
Поскольку скроете от всех
Поболе вашего огрех.

А если в дни удачи бард,
Рифмуя, загребет мильярд
И задаваться станет он,
Окружевлен и оживлен,
Как призрак, встаньте на виду —
Напомните ему нужду —
Не золото, мол, не блести,
Мол, меру научись блюсти.

Так царь Филипп, что лучших правил
Был, и у македонян правил,
Страшась объесться сластью власти
В ее руководящей части,
С утра юнца к себе водил,
Чтоб человека в нем будил.
Не то бы — оплошал Филипп,
В бесчеловечность то бишь влип.

РОБЕРТ БЕРНС

Русские читатели впервые узнали Бернса как автора «Субботнего вечера поселянина» в начале XIX века.

С легкой руки первых переводчиков Бернс был представлен певцом идиллической крестьянской жизни, поэтом-пахарем, играющим на досуге «на своей пастушьей свирельке».

Но тогда же в редакционной статье «Московского телеграфа» переводчику поэту Козлову напомнили, что Бернс «был пламенным певцом Шотландии, сгоревшим в огне страстей, а не простым поселянином, очень мило рассказывавшим о своем сельском быте».

К середине XIX века Бернса уже знали более широко.

В 1847 году о нем писал человек, чья поэтическая судьба больше всего напоминает судьбу Бернса: мы говорим о Тарасе Шевченко.

Он называет Бернса «поэтом народным и великим». Он говорит, что надо жить с народом, жить его жизнью, «самому стать человеком», чтобы этих людей описывать.

Он понял в Бернсе главное — его близость к народу, его понятность.

Еще позже, в 1856 году, Бернса стал переводить Михаил Ларионович Михайлов. Н. А. Некрасов прочел переводы Михайлова, — и хотя он через год опубликовал эти переводы в своем журнале, но они, как видно, казались ему не вполне отражающими гений Бернса. О нем он знал со слов Тургенева, которому и написал:

«...И вот еще к тебе просьба: у меня явилось какое-то болезненное желание познакомиться хоть немного с Бернсом, ты когда-то им занимался, даже хотел писать о нем: вероятно, тебе будет нетрудно перевести для меня одну или две пьесы (прозой, по своему выбору). Приложи и размер подлинника, означив его каким-нибудь русским стихом (ибо я далее ямба в размерах ничего не понимаю), — я, может быть, попробую переложить в стихи. Пожалуйста, потешь меня, хоть страничку пришли на первый раз...»

Тургенев отвечает через десять дней:

«Я уверен наперед, что ты придешь в восторг от Бернса и с наслаждением будешь переводить его. Я тебе обещаю сделать отличный выбор и метр приложить: Бернс — это чистый родник поэзии».

«Тургенев, спасибо ему, взялся мне переводить из Бернса», — пишет Некрасов с радостью через несколько дней.

Но эти планы остались невыполненными. Бернсу пришлось ждать своего переводчика почти сто лет. Таким переводчиком для него стал С. Маршак. В 1941 году появляется книга «Английские баллады и песни» С. Маршака с большим циклом переводов из Бернса. С тех пор выходило еще девять изданий переводов С. Маршака из Р. Бернса, все более полных. Отмеченные высоким мастерством и большими поэтическими достоинствами, они приобрели заслуженную популярность. Переводы Р. Бернса, выполненные С. Маршаком, являются одним из образцов переводческого искусства.

Ч е с т н а я б е д н о с т ь (стр. 27). — Стихотворение написано на мотив народной песни, в которой также имелся припев: «При всем при том, при всем при том...» Бернс писал по поводу своего стихотворения: «Один знаток утверждал, что сюжетом песни могут быть только любовь и вино. Но в данном стихотворении ни о том, ни о другом не говорится». «Честная бедность» — одно из самых ярких общественно-обличительных произведений Бернса. Стихи эти стали широко распространенной в шотландском народе песней.

Д ж о н Я ч м е н н о е З е р н о (стр. 28). — В основу этого стихотворения положена старинная народная песня.

Р о б и н (стр. 22). — Бернс под Робинсом подразумевает самого себя (Робин — уменьшительное от Роберт). В ночь на 25 января 1759 года, когда родился Бернс, в дом зашла цыганка, которая гадала новорожденному по руке.

В г о р а х м о е с е р д ц е (стр. 34). — Предки поэта жили в северной горной Шотландии. Там, в «сердце Шотландии», до сих пор сохранился кельтский язык (гэлик). В XVIII веке «мятежные кланы» Севера охотно примыкали к восстаниям, направленным против английского правительства.

Б р ю с — ш о т л а н д ц а м (стр. 36). — Свои свободолюбивые чувства поэт выражает в речи, которую якобы произносит шотландский король Роберт Брюс перед битвой при Баннокберне (1314). В этой битве шотландцы одержали победу над войсками английского короля Эдуарда II. В стихотворении упоминается борющийся с англичанами шотландский национальный герой Уоллес.

Д е р е в о с в о б о д ы (стр. 37). — По цензурным соображениям, это стихотворение, воспевающее французскую революцию, не увидело света при жизни Бернса. Оно пролежало в рукописи до 1838 года.

М а к ф е р с о н п е р е д к а з н ь ю (стр. 40). — В основу этого стихотворения положена песня, будто бы сочиненная воином и пиратом Мак-

ферсоном за несколько дней перед казнью (1700). Рассказывают, что, когда Макферсон шел к виселице, он пел эту песню, приплясывая и аккомпанируя себе на скрипке (Макферсон был прославленным скрипачом). Легенда рисует Макферсона человеком огромного роста, мощной физической силы и отчаянной храбрости.

Любовь (стр. 43).— В основу этого стихотворения положена народная песня, будто бы сложенная воином, отправляющимся в поход.

Здравный тост (стр. 49).— У лорда Селькерка, куда однажды был приглашен Бернс, перед обедом поэту предложили прочитать молитву. Вместо молитвы Бернс экспромтом придумал и произнес эти стихи.

Ода к зубной боли (стр. 57).— К этому стихотворению имеется пометка Бернса: «Написано в то время, когда автора терзала зубная боль».

Мельник (стр. 61).— Обработка народной песни. Существуют два различия конца первой строфы: 1) «Он наживет шиллинг, прежде чем истратит грош». 2) «Он истратит шиллинг, прежде чем наживет грош».

Девушки из Тарболтона (стр. 61).— Ферма Лохли, где жил Бернс, как и упоминаемое в первой строфе поместье Бенналс, были расположены недалеко от городка Тарболтона.

Полевой мышьяк... (стр. 66).— Крестьяне, земляки Бернса, до сих пор показывают приезжим то поле, работая на котором Бернс создал это стихотворение.

Горной маргаритке... (стр. 69).— Это стихотворение, по свидетельству брата поэта, Гильберта, было создано Бернсом, когда он шел за плугом.

За тех, кто далёко (стр. 74).— Стихотворение посвящено тем, кто сочувствовал французской революции и пострадал за это. *Чарли* — Чарльз Стюарт, потомок шотландских королей, живший в изгнании. Для Бернса он был символом национальной независимости Шотландии: недаром говорили, что многие из «якобитов» — приверженцев Стюартов — стали «якобинцами».

Насекомому... (стр. 83).— Это стихотворение, напечатанное в Эдинбурге в 1786 году, когда Бернс пользовался кратковременным признанием «высшего общества», вызвало возмущение эдинбургской знати, которая находила его «вульгарным».

Надпись на книге стихов (стр. 88).— Посвящено Пэгги Томсон — девушке, «перепутавшей всю тригонометрию» в пору учения Бернса в землемерной школе. Ей же посвящено одно из ранних стихотворений поэта «Конец лета» (стр. 45).

Молитва святоши Вилли, Надгробное слово ему же (стр. 93—96). Сам Бернс так комментировал эти стихи: «Святоша Вилли (Вильям Фишер), старый холостяк и один из старост Мохлинского прихода, прославился по заслугам своей назидательной болтовней, обычно переходившей в пьяное словоблудие, и елейным распутством со слезливыми покаяниями. Святоша Вилли и пастор Оулд, по решению «пресвитеров из

церкви местной», проиграли процесс, затеянный против нотариуса Гамильтона, отчасти благодаря таланту Гамильтонова адвоката Эйкена, но главным образом потому, что м-р Гамильтон был одним из самых безупречных и уважаемых граждан города. Моя муза подслушала молитву «святоши Вилли» после того, как он проиграл процесс».

Тэм О'Шентер (стр. 102).— О фермере Дугласе Грэме О'Шентере, отчаянном пьянице, больше всего на свете боявшемся своей сварливой жены, крестьяне той местности, в которой жил Бернс, рассказывали много анекдотов. Однажды, пока он сидел в трактире, мальчишки выдрали хвост у его кобылы. Дуглас заметил это лишь по возвращении домой. Чтобы смыть с себя позор и оправдаться в глазах жены, он сочинил рассказ о чертях и ведьмах. Этот эпизод подсказал Бернсу сюжет его поэмы, которую он сам особенно ценил и которая до сих пор пользуется большой популярностью среди шотландцев.

Прощание (стр. 115).— Написано в тот год (1786), когда Бернс собирался уехать на Ямайку. *Эпиграф* из стихотворения английского поэта, шотландца по происхождению, Джеймса Томсона (1700—1748), автора «Времен года».

Надпись на банковом билете (стр. 116).— Бернс написал это стихотворение на оборотной стороне банкнота, который сохранился.

Веселые нищие (стр. 118).— Знаменитая кантата не была напечатана при жизни Бернса. Но после смерти поэта нашлось несколько списков, посланных друзьям и тщательно спрятанных ими.

Впервые кантата увидела свет в 1798 году в лубочном издании. Беркс вообще небрежно относился к своим рукописям; так, например, некоторые его стихи были написаны карандашом на оберточной бумаге. Многие черновики Бернса до нас не дошли, так как он часто писал их на грифельной доске.

Смерть и доктор Горнбук (стр. 140).— Весной 1785 года на масонском собрании в городке Тарболтоне Бернс встретил местного школьного учителя Джона Уилсона. Между ними произошла небольшая стычка. Бернс много читал, относился с уважением к науке и ненавидел всяческое шарлатанство и невежество. Его возмутила хвастливая наглость малограмотного учителя, уверявшего, что он своими доморощенными средствами — микстурами и пилюлями — лечит лучше всякого врача и может «нюхом» определить любую болезнь.

В тот же вечер (по воспоминаниям брата поэта) была написана поэма о докторе Горнбуке. Через два дня ее знал наизусть весь поселок. Весьма прозрачный псевдоним — по-русски он звучал бы как «доктор Азбукин» — сразу указывал на героя сатиры, так как «горнбуками» назывались примитивные школьные буквари в одну страничку, покрытые для сохранности чехлом из тонкого рога (по-английски «horn»).

Свадьба в городе Мобхлин (стр. 148).— Это стихотворение Бернс не окончил.

Песня раба-негра (стр. 154).— Это стихотворение отличается своеобразной мелодичностью, несомненно, навеянной печальными и протяжными песнями рабов-негров. Бернс мог слышать эти песни от побывавших в Америке шотландских матросов.

Интересно, что «Песня раба-негра» (1792) перекликается в некоторых деталях с более ранним (1786) стихотворением Бернса «Жалоба разоренного фермера».

Якобиты на словах... (стр. 156).— Стихотворение написано по поводу частых стычек Бернса с местными представителями «клуба якобитов». Так, по имени одного из шотландских королей Джеймса (Якова) Стюарта назывались шотландские националисты, считавшие, что Шотландия сможет обрести независимость, если будет восстановлена династия Стюартов, потомки которой жили в изгнании. Бернсу, как и многим, якобиты сначала казались борцами за свободу, защитниками права Шотландии на самоопределение. Но впоследствии он увидел, что представители этого течения занимаются лишь политическими интригами и далеки от народа.

Надпись на алтаре независимости (стр. 158).— Эти стихи недавно обнаружены и впервые напечатаны в новом английском издании произведений Бернса под редакцией его биографа Джеймса Барка.

Элегия на смерть моей овцы... (стр. 163).— Как-то раз одна из овец Бернса, которую звали Мэйли, запуталась в привязи и чуть не задохнулась. Хотя ее удалось спасти, Бернс в тот же день написал эту «элегию», а также другое стихотворение — «Смерть и последние слова бедной Мэйли».

О лисице, которая сорвалась с цепи и убежала от мистера Гленридделя (стр. 168).— Эта неоконченная поэма написана в момент острой политической борьбы в парламенте, в которой косвенно принимали участие и соседи Бернса — либеральные землевладельцы во главе с капитаном Ридделем. Бернс с большой иронией относился к их «вольнлюбивым» разговорам, обычно не дававшим никаких ощутимых результатов. *О хартиях народных прав...*— В 1215 г. восставшие феодалы вынудили короля Джона подписать так называемую Великую хартию вольностей, ограничивавшую власть монарха. С тех пор в Англии документы о гражданских правах нередко именуют «хартиями». *Виги* — сторонники одной из двух партий господствующих классов Англии в XVIII в. Виги были связаны с новой финансовой аристократией и крупной буржуазией. Бернс высмеивает показной либерализм вигов, которые любили болтать об идеалах, правах на вольность, а сами готовы были посадить народ на цепь. *Тори* — партия, выражавшая в XVIII в. интересы наиболее консервативной части господствующего класса — крупных землевладельцев. *И о кровавом их раздоре...*— Имеются в виду бурные события XVII и первой половины XVIII в., когда происходила ожесточенная борьба между силами феодализма и буржуазии.

...ангелы... восстав, отпали от свободы...— Подразумевается библейское предание об ангелах, отпавших от бога и низвергнутых им в ад. *Немерод* — охотник, упоминаемый в Библии. В «Потерянном рае» Мильтона говорится, что он «охотился не на зверей, а на людей». *Семирамида* — легендарная царица Ассирии, которой приписывалось множество всяких побед. Одна из легенд винила ее в смерти мужа. *Ксеркс* — персидский царь (V в. до н. э.), воевавший против свободолюбивых греков и разбитый ими в битве при Саламине. *Как диктовал указы Рим...*— Римляне в первых веках нашей эры на завоеванных ими территориях насаждали свои порядки кровавыми и жестокими военными мерами. *Билли* (Уильям) *Питт* (1708—1778) — английский политический деятель XVIII в., крупнейший представитель партии вигов, неоднократно возглавлял английское правительство.

Э п и г р а м м ы (стр. 201).— Среди эпиграмм Бернса есть так называемые эпитафии (надгробные надписи). Почти все они были посвящены различным лицам при их жизни, что придавало этим строкам особую остроту.

П о т о м к у С т ю а р т о в (стр. 204).— Эпиграмма на лорда Галлоуэй, кичившегося своим родством со Стюартами.

О т в е т «в е р н о п о д д а н н ы м у р о ж е н ц а м Ш о т л а н д и и»... (стр. 204).— Бернс презирал шотландцев, называвших себя «верноподданными уроженцами Шотландии». Однажды за столом в таверне один из таких «верноподданных» протянул Бернсу листок бумаги. На этом листке был написан пасквиль на «бунтовщиков», в том числе и на Бернса. Поэт тут же написал ответ и передал его «верноподданным».

А к т р и с е м и с с Ф о н т е н е л л ь (стр. 205).— Стихотворение обращено к Луизе Фонтенелль, актрисе дамфрисского театра, для которого Бернс писал стихотворные прологи.

В з а щ и т у а к ц и з н о г о (стр. 209).— Однажды в присутствии Бернса, служившего в то время мелким акцизным чиновником, какой-то помещик стал издеваться над акцизными. Бернс подошел к окну и написал этот экспромт алмазом на стекле.

К а п и т а н у Р и д д е л ю п р и в о з в р а щ е н и и г а з е т ы (стр. 210).— Бернс не имел возможности выписывать газеты. Его сосед, капитан Риддель, посылал ему пачки прочитанных газет и журналов.

ШОТЛАНДСКИЕ БАЛЛАДЫ

Слово «баллада» происходит от франко-норманнского слова «баллатис», до XV—XVI веков этот жанр народного творчества, особенно во Франции и в Италии, имел строгую форму, с определенными повторами и припевами. В XV веке французский поэт Франсуа Вийон достиг высокого мастерства в своих балладах, ставших образцом для многих поэтов.

Однако английские и особенно шотландские баллады несколько отошли от канонической формы и постепенно превратились в драматизированные, остросюжетные повествования, положенные на музыку. Ритмы этих баллад

очень разнообразны, их лексическая ткань пронизана традиционными эпитетами, сходными с «неподвижными» эпитетами русского фольклора («добрый молодец», «красная девица»). В шотландских балладах не только повторяются многие «бродячие сюжеты», отраженные в фольклоре всех времен и народов, но в них особенно часто встречается пересказ реальных исторических событий — доблестных подвигов народных героев, боровшихся за независимость Шотландии. Появляясь, почему интерес к этому поэтическому жанру особенно возрос к началу XVIII века, когда, как бы в ответ на политическое поражение и потерю независимости, в этой маленькой стране начался бурный расцвет науки, искусства, поэзии. Именно в XVIII веке стали выходить первые собрания старинных песен и баллад, любовно и тщательно отобранных уже не просто любителями, но знатоками-фольклористами, посвятившими себя этому нелегкому делу.

Одним из самых известных собирателей был поэт Аллан Рамзей (1684—1758). Он родился в Англии, но в ранней юности, оставшись сиротой, переехал в Эдинбург — на родину своего отца-шотландца. Рамзей сам писал стихи и за свою пастораль «Милый пастушок» заслужил прозвище «шотландского Горация». В его книжной лавке был настоящий клуб любителей шотландской поэзии; как и Роберт Бернс, Рамзей знал, кроме английского, и «шотландский диалект» настолько хорошо, что многие его произведения вошли в сокровищницу шотландской поэзии. Но особенно прославился Рамзей как собиратель старинных баллад и песен. Он находил их в рукописных списках частных коллекций, в так называемых «бродшитах» — старых лубках, и записывал, как и позднейшие собиратели, нигде не опубликованные баллады с голоса старых народных певцов и «сказителей». В 1724 году вышло собрание «Для гостинной» (буквально: «для чайного стола»). В 1765 году вышло обширное собрание епископа Перси «Relics of Ancient English Poetry», включившее много шотландских баллад.

В 1769 году вышло новое собрание Дэвида Херда. Если Рамзей, «дабы не оскорблять слух прекрасных исполнительниц», как он писал в предисловии к своему собранию, часто приукрашивал и сглаживал народный язык баллад, то Дэвид Херд, собравший огромную коллекцию рукописей и лубков, старался не отступать от подлинного их текста. До сих пор собрание Херда служит основой для многих антологий. В нем даны самые популярные варианты, прочно установившиеся к началу XVII века.

Огромный вклад в собрание песен и баллад вложил и великий народный поэт Роберт Бернс. В Эдинбурге он познакомился с Хердом, с музыковедами и фольклористами Джонсоном, Томпсоном, Кларком и много лет бескорыстно сотрудничал в таких изданиях, как «Музыкальный музей» Джонсона и «Собрание баллад» Томпсона.

В конце XVIII века собиранием баллад занялся молодой Вальтер Скотт. Его собрание «Песни шотландской границы» вышло в 1802 — 1803 году, причем он использовал ранее неизвестные рукописные тексты собирателя Джеймиссона, а также собственные записи «с голоса».

Кроме рассказов об исторических событиях, с реальными прототипами героев, многие баллады связаны с остатками языческих верований («олд релиджен»), сохранившихся даже вплоть до XVIII века, а иногда и до нынешних времен, в обрядах, народных играх, во всяческих суевериях и приметах. В средние века «Королева фей» была реальной женщиной, служительницей языческого культа. Рай, упоминаемый во многих балладах, отнюдь не библейский сад, откуда были изгнаны Адам и Ева, а языческий рай северных легенд—Авалон, «страна яблок». Отсюда и символическое яблоко, которое дает Королева эльфов Томасу Рифмачу. У врат Авалона росли те березы, из которых сделаны шапки рыбаков, возвращающихся с того света на землю («Женщина из Ашерс Велл»), а в балладе «Леди и кузнец» тоже сохранились черты языческих игрищ в Иванову ночь. Средневековые инкубы и суккубы нашли своего двойника в водяном (который, как и они, становится отцом ребенка земной женщины). Старые сказки о шабашах ведьм, оборотнях и вурдалаках великолепно пародирует Бернс в балладе «Тэм О'Шентер». Но иногда баллады оказывались далеко не безобидными: на «процессах ведьм» они приводились как улики при обвинении какой-нибудь несчастной женщины в преступлениях, описанных в старой балладе.

В настоящем издании использованы наиболее интересные варианты, опубликованные Хердом, Скоттом, Рамзеем и др., а также тексты из классического пятитомного собрания Дж.-Ф. Чайльда и современных изданий, под редакцией Р. Бримли Джонсона и поэта Роберта Грэйваза.

В русской поэзии балладная традиция блистательно представлена Пушкиным («Песнь о Вещем Олеге»), Лермонтовым («Воздушный корабль»), А. К. Толстым («Василий Шибанов») и многими другими поэтами.

Р. Райт-Ковалева

В о р о н к в о р о н у л е т и т («The Three Ravens, The Twa Corbies») (стр. 217).— Вариант «The Three Ravens» впервые опубликован в «Melismata», London, 1611, № 20.

Пушкин перевел более поздний вариант «The Twa Corbies», опубликованный в книге: W. Scott, «Minstrelsy of the Scottish Border», Kelso, 1802, v. II. Предполагается, что перевод Пушкина был сделан осенью 1828 года. Опубликован он в «Северных цветах на 1829 год», СПб., 1828, с. 31 отдела «Поэзия».

Б и т в а п р и О т т е р б у р н е («The Battle of Otterbourn») (стр. 217).— Перевод сделан по тексту из книги W. Scott, op. cit., 1802, I, p. 345. Орывок из этой баллады имеется в книге: D. Herd, «Ancient and Modern Scottish Songs, Heroic Ballads, etc.», Edinburgh, 1776, v. I, p. 153.

Битва при Оттербурне произошла 13 августа 1388 года. Она закончилась сокрушительным поражением англичан, понесших, несмотря на свой четырехкратный численный перевес, огромные потери.

«Золотая слава» («The Golden Vanitie») (стр. 221).— Перевод сделан по тексту из книги: Robert Graves, «English and Scottish Ballads», William Heinemann, London, 1957, p. 36, соединяющему несколько вариантов XVIII века. Существовало множество версий этой истории; так, в одном из лубочных изданий XVIII века корабль назван «Sweet Trinity», а капитаном назван сэр Уолтер Рэйли (1552—1618), знаменитый мореплаватель и авантюрист.

Сэр Эндрью Бартон («Sir Andrew Barton») (стр. 222).— Англо-шотландская баллада. Известна во множестве лубочных изданий XVIII века; вошла в ряд сборников. Переведен наиболее устойчивый вариант, имевшийся еще в рукописях Перси; он взят из книги «The Book of British Ballads, ed. by R. B. Johnson», N. Y., 1966, p. 7—16.

В основу положено историческое событие. В 1476 году португальские пираты захватили корабль Джона Бартона. Его сыновья Эндрью, Роберт и Джон получили от короля Шотландии Иакова IV право грабить португальские суда (Letters of reprisal), подтвержденное в 1506 году. Видимо, они нападали и на англичан, так как в 1511 году Генрих VIII отправил против Эндрью Бартона два корабля под командой Томаса и Эдварда Ховардов. Ховарды победили Бартона и захватили его корабль «Лев». Иаков IV требовал от англичан компенсации, но ему было отказано.

Баллада дает прекрасную иллюстрацию отношений между Англией и Шотландией перед войной, начавшейся в 1513 году.

Капитан Кар, или Идом о'Гордон («Captain Car, or Edom o'Gordon») (стр. 231).— Перевод сделан по тексту из книги: Ritson, «Ancient Songs», London, 1790, p. 137.

Сюжет баллады основан на событии, которое произошло в 1571 году в Шотландии. Один из приближенных Марии Стюарт, Эдам Гордон, прикрываясь ее именем, послал отряд под командой капитана Кара, чтобы разрушить замок враждебного ему клана протестантов Форбсов. Согласно некоторым указаниям хроник, Гордон лично участвовал в нападении на замок, и известны варианты баллады, где он является главным действующим лицом. См., например, D. Herd, op. cit., 1769, p. 234.

Унылые берега Ярроу («The Dowie Dens o'Yarrow») (стр. 235).— Перевод сделан по тексту из книги: W. Scott, op. cit., 1803, v. III, p. 72. Отрывок из этой баллады имеется в книге D. Herd, op. cit., 1776, v. I, p. 145.

Сэр Вальтер Скотт утверждает, что речь в балладе идет о происшедшем в 1609 году поединке между Джоном Скоттом из Тэйшлоу и его сводным братом, сэром Вальтером Скоттом из Тирлстейна.

Сэр Патрик Спенс («Sir Patric Spens») (стр. 237).— Перевод сделан по тексту из книги: Robert Graves, op. cit., p. 17, близкому к опубликованному в книге T. Percy, «Reliques of Ancient English Poetry», London, 1765, v. I, p. 71.

Баллада известна под множеством названий («Young Patric», «Young Allan», «Sir Andro Wood») и связывается с несколькими историческими событиями XIII — XVI веков. Несомненно, что если это рассказ о действительно происшедшем кораблекрушении, то очень искаженный. Имя сэра Патрика Спенса не упоминается в хрониках; предполагают, что это искажение имени Патрика Вэнса, которого в 1589 году король Иаков VI послал в Голландию за своей невестой.

Кинмонт Вилли («Kinmont Willy») (стр. 239).— Перевод сделан по тексту из книги: W. Scott, op. cit., 1802, v. II, p. 111.

Вилл Армстронг из Кинмонта, знаменитый грабитель, был предательски захвачен в плен англичанами во время перемирия. Описанное в балладе нападение сэра Вальтера Скотта, владельца Баклеха, на замок лорда Скрупа произошло 13 апреля 1596 года, после того как Скруп несколько раз отказал шотландцам в выдаче пленника.

Грэйм и Бьюик («Graeme and Bewick») (стр. 244).— Перевод сделан по тексту из книги: W. Scott, op. cit., 1803, v. III, p. 93.

Имеется печатный лист 1720 года «The Song of Bewick and Grahame».

Юный Логи («The Laird o'Logie») (стр. 249).— Перевод сделан по тексту из книги: W. Scott, op. cit., 1833, v. III, p. 128, близкому к опубликованному в книге: D. Herd, op. cit., 1769, p. 240, под названием «The Young Laird of Ochiltree».

Герой баллады, Уэмисс из Логи, в 1592 году принимал участие в заговоре против Иакова VI. Он был схвачен, но сумел бежать с помощью своей возлюбленной Маргарет Туинслей.

Тюремщик Кармайкл также историческое лицо.

Сэр Джеймс Росс («Sir James the Rose») (стр. 251).— Перевод сделан по тексту из книги: D. Herd, op. cit., 1776, v. I, p. 30.

Битва на Флодден-филд произошла 9 сентября 1513 года; она окончилась окружением и избиением шотландской армии. В ней погиб шотландский король Иаков IV. Этой битве посвящены многие литературные произведения, в том числе поэма Вальтера Скотта «Мармион».

Два брата («The Twa Brothers») (стр. 257).— Перевод сделан по тексту из книги: Ch. P. Sharpe, «A Ballad Book», Edinburgh, 1823, p. 56.

Трагедия Дугласов («The Douglas Tragedy») (стр. 258).— Переведен вариант из книги: W. Scott, op. cit., 1803, v. III, p. 246.

Перевод С. Маршака впервые опубликован в «Северных записках», Петроград, 1916, № 10. Впоследствии в него вносились поправки при новых изданиях. В последний раз опубликован в книге: «Английские и шотландские баллады в переводах С. Маршака», М., «Наука», 1973, с. 62. (Далее — АШБ, 1973).

Барон Бреккли («The Baron of Brackley») (стр. 260).— Перевод сделан по тексту из книги: R. Jamieson, «Popular Ballads and Songs», Edinburgh, 1806, p. 102.

Ссора между Гордоном из Брекли и Фаркуарсоном из Инверти произошла в сентябре 1666 года из-за дележа скота.

Д ж о н н и - ш о т л а н д е ц («Johnnie Scott») (стр. 262).— Перевод сделан по тексту, опубликованному в книге: J. F. Child, «English and Scottish Popular Ballads», Boston, 1882—1898, v. II, p. 377, по рукописи XVIII века.

В эту традиционно-романтическую балладу о любви королевской дочери к рыцарю вплетается рассказ о событии, происшедшем в 1679 году, когда король Карл II объявил, что помиует обвиненного в убийстве Джеймса Макгилла из Линдорса, если тот согласится сразиться с итальянцем-гладиатором. Победив итальянца, Макгилл был прощен и посвящен в рыцарский сан.

П р е к р а с н ы й з а м о к Э р л и («The Bonny House o' Airley») (стр. 266).— Перевод сделан по тексту из книги: J. Finlay, «Scottish Historical and Romantic Ballads», Edinburgh, 1808, v. II, p. 25. Один из вариантов этой баллады имеется в лубочном издании 1770 года.

Событие, на котором основан сюжет баллады, произошло в 1640 году. Графу Эргайлу было поручено поднять оружие против «вероотступников», в число которых входил и граф Эрли. Эргайл воспользовался этим поручением, чтобы разграбить замок Эрли и замок его старшего сына, лорда Огилвьи.

Л о р д Д е р в е н т у о т е р («Lord Derwentwater») (стр. 267).— Перевод сделан по тексту из книги: W. Motherwell, «Minsterlsy, Ancient and Modern», Glasgow, 1827, p. 349.

Герой баллады, Джеймс Рэтклифф, граф Дервентуотер, — историческое лицо. Участвовал в первом якобитском восстании 1715 года. Казнен в Лондоне 24 февраля 1716 года.

Д ж о н н и К о у п («Johnny Core») (стр. 268).— Перевод сделан по тексту из книги: R. Chambers, «The Scottish Songs», Edinburgh, 1829, v. I, p. 55.

Эта баллада, приписываемая жившему в XVIII веке шотландскому фермеру Эдаму Скирвингу, рассказывает о битве при Престонпенс (21 сентября 1745 года), когда войска якобитов во главе с «принцем Чарли» — Чарльзом Эдвардом Стюартом — обратили в бегство численно превосходившую их армию англичан под командой генерала Джона Коупа.

Л э р д Д р а м («The Laird o' Drum») (стр. 269).— Перевод сделан по тексту из книги: G. R. Kinloch, «Ancient Scottish Ballads», London, 1827, p. 199.

Герой баллады — историческое лицо. Описываемые события произошли в XVII веке.

В д о в а с г р а н и ц ы («The Border Widow») (стр. 272).— Перевод сделан по тексту из книги: R. Chambers, op. cit., 1829, v. I, p. 174.

Предание связывает эту балладу со смертью Рокбёрна из Хендерлсида, знаменитого разбойника, жившего в XVI веке.

З а в е щ а н и е с н е г и р я («Robin Readbreast») (стр. 273).— Перевод сделан по тексту из книги: D. Herd, op. cit., 1829, v. I, p. 174.

Ю н ы й У о т е р с («Young Waters») (стр. 274).— Перевод сделан по тексту из книги: Т. Percy, *op. cit.*, 1765, v. II, p. 172.

Р. Чемберс, опубликовавший в своем сборнике другой вариант этой баллады, пишет, что Уотерс — один из шотландских дворян, которых король Иаков I казнил по возвращении из английского плена в 1424 году. См.: R. Chambers, «Scottish Ballads», Edinburgh, 1829, p. 34.

Э п п и М о р р и («Eppie Morrie») (стр. 276).— Перевод сделан по тексту из книги: J. Maidment, «A North Countrie Garland», Edinburgh, 1824, p. 40.

Мейдмент пишет в примечании, что, по его мнению, баллада относится к началу XVII века.

Ю н ы й Д ж о н с т о н («Young Johnstone») (стр. 278).— Перевод сделан по тексту из книги: Motherwell, *op. cit.*, 1827, p. 193. Отрывок из этой баллады под названием «The Cruel Knight» («Жестокий рыцарь») имеется в книге: D. Herd, *op. cit.*, 1769, p. 305.

В варианте, опубликованном в книге: P. Buchan, «Ancient Ballads and Songs of the North of Scotland», Edinburgh, 1828, v. II, p. 20,— имеется строфа, в которой главный герой говорит даме, что убил ее по ошибке, спросонок приняв за одного из своих преследователей.

К е н н е т («Kenneth») (стр. 281).— Перевод сделан по тексту из книги: D. Herd, *op. cit.*, 1776, v. I, p. 136.

Д ж о н н и из Б р е д и с л и («Johnie of Bredislee») (стр. 285).— Перевод сделан по тексту из книги: W. Scott, *op. cit.*, 1802, v. I, p. 59.

Дж.-Ф. Чайльд считает, что эта старинная баллада принадлежит к числу наименее искаженных в поздних списках. См.: J. F. Child, *op. cit.*, v. III, p. 1.

Л э м к и н («Lamkin») (стр. 288).— Перевод сделан по тексту, опубликованному в книге: R. Jamieson, *op. cit.*, v. I, p. 176. Более ранний, но менее интересный вариант имеется в книге: D. Herd, *op. cit.*, 1776, v. I, p. 145, под названием «Lammikin».

Э д в а р д («Edward») (стр. 291).— Перевод А. К. Толстого сделан с немецкого перевода текста, опубликованного в книге: Т. Percy, *op. cit.*, 1765, v. I, p. 53. Уже после того, как перевод был выполнен, Толстому удалось найти оригинал, и он внес некоторые исправления.

Впервые опубликовано в журнале «Вестник Европы», 1873, № I, с. 257—259.

Положено на музыку П. И. Чайковским.

Д ж о р д ж К е м п б е л л («Bonny James Campbell») (стр. 293).— Перевод С. Маршака соединяет несколько вариантов XVIII века.

Впервые опубликован в книге: С. Маршак, «Избранные переводы», М., Гослитиздат, 1946, с. 26. В последний раз — в АШБ, 1973, с. 58.

Г и л М о р р и с («Gil Morrisc») (стр. 294).— Перевод сделан по тексту, впервые опубликованному в книге: Percy, *op. cit.*, 1765, v. III, p. 93.

К о с п а т р и к («Cospatric») (стр. 299).— Перевод сделан по тексту из книги: W. Scott, op. cit., 1802, v. III, p. 263.

Эта баллада была известна в XVIII веке во множестве вариантов: «Gil Brenton», «Lord Dingwall», «Bothwell» и др.

В е р н ы й с о к о л («The Gay Gawshawk») (стр. 303).— Перевод С. Маршака соединяет несколько вариантов XVIII века.

Впервые напечатан в журнале «Огонек», 1958, № 13. Последняя публикация — АШБ, 1973.

Сюжет этой баллады отчасти напоминает сюжет французской народной песни «Belle Isambourg».

П р е к р а с н а я А н н и и з Л о х - Р о́ я н («The Lass of Lochroyan») (стр. 307).— Перевод С. Маршака выполнен по тексту, впервые опубликованному в книге: D. Herd, op. cit., 1776, v. I, p. 149.

Перевод впервые опубликован в «Северных записках», Петроград, 1916, № 10; в последний раз — в АШБ, 1973, с. 65.

Сюжет использован Бернсом для баллады «Лорд Грегори».

Р у с а л к а («The Mermaid») (стр. 311).— Перевод С. Маршака соединяет несколько вариантов XVIII века.

Впервые опубликован в журнале «Огонек», 1917, № 31. Впоследствии был переделан. Последняя публикация — АШБ, 1973, с. 30.

Легенда о русалке встречается и как вставка в некоторых вариантах баллады «Сэр Патрик Спенс». См., например: J. Finlay, op. cit., 1808, v. I, XIV.

В о д я н о й («Silkie») (стр. 313).— Переведен вариант, опубликованный в книге: J. F. Child, op. cit., v. III, p. 226.

Легенда о водяном, ставшем отцом ребенка земной женщины, восходит к XIV веку.

Х а й н д Х о р н («Hind Horn») (стр. 314).— Перевод сделан по тексту, опубликованному в книге: J. F. Child, op. cit., v. I, p. 187, по рукописи XVIII века.

В основу сюжета баллады положена древняя легенда, известная во всей Европе.

К а р л и к («The Wee Wee Man») (стр. 315).— Перевод сделан по тексту из книги: D. Herd, op. cit., 1776, v. I, p. 95.

Сказка на этот сюжет имеется в манускрипте XIV века.

Уильям Уоллес — национальный герой Шотландии. В 1297 году возглавил восстание шотландских крестьян и горожан против английской и шотландской знати. Народная молва приписывала ему необыкновенную силу.

Л о р д Р о́ н а л ь д («Lord Rendal») (стр. 316).— Перевод С. Маршака выполнен по тексту из книги: W. Scott, op. cit., 1803, v. III, p. 292, но имя Рэндал заменено на Рональд, фигурирующее в стихотворении, написанном на сюжет этой баллады Бернсом («O where hae ye been Lord Ronald, my son?»).

Перевод опубликован в АШБ, 1973, с. 61.

Б ал л а д а о д в у х с е с т р а х («The Twa Sisters») (стр. 317).— Перевод С. Маршака соединяет несколько вариантов XVIII века. Он ближе всего к варианту из книги: W. Scott, *op. cit.*, v. II, p. 143.

Опубликован перевод в «Северных записках», Петроград, 1916, № 10, под названием «Две сестры из Биннори». Последняя публикация — в АШБ, 1973, с. 5.

Д е в а И з а б е л л и Л е с н о й С т р а ж («Lady Isabell and the Elf-Knight») (стр. 319).— Перевод выполнен по тексту из книги: P. Buchan, *op. cit.*, v. I, p. 22.

В более поздних вариантах баллады эльф заменен коварным любовником, напоминающим Синюю Бороду.

М а т е р и н с к о е п р о к л я т ь е («The Mother's Malison; or, Clyde's Water») (стр. 321).— Перевод сделан по тексту из книги: J. F. Child, *op. cit.*, v. IV, p. 185, опубликованному по рукописи XVIII века.

Р ы ц а р ь О в а й н («Kemp Owupen») (стр. 323).— Перевод сделан по тексту из книги: R. Graves, *op. cit.*, p. 10, близкому к опубликованному в книге: P. Buchan, *op. cit.*, 1828, v. II, p. 78, который записан со слов старого сказителя-шотландца.

К л а р к С а у н д е р с («Clerk Saunders») (стр. 325).— Перевод сделан по тексту, опубликованному в книге: W. Scott, *op. cit.*, 1802, v. II, p. 33, с указанием, что текст взят из рукописи Херда. У Херда в балладу был включен заключительный эпизод, который опубликован в виде отдельной баллады под названием «Sweet William's Ghost» (см. «Клятва верности»).

Сюжет об убийстве братьями любовника сестры распространен во всей Европе — см., например, «Декамерон» Боккаччо, четвертая новелла пятого дня.

К л я т в а в е р н о с т и («Sweet William's Ghost») (стр. 328).— Перевод С. Маршака сделан по тексту, опубликованному в книге: A. Ramsey, «A Tea-Table Miscellany», London, 1740.

На этот сюжет немецкий поэт Бюргер написал балладу «Ленора» (1773), которая легла в основу «Светланы» Жуковского (1808—1812).

Б р у м ф и л д - Х и л л («The Broomfield Hill») (стр. 330).— Перевод сделан по тексту, опубликованному в книге: W. Scott, *op. cit.*, 1802, v. II, p. 229.

Первые упоминания о песне «Brume, Brume on the Hill» на этот сюжет относятся к XVI веку. Отрывок имеется в книге: D. Herd, *op. cit.*, 1769, p. 310 под названием: «I'll wager, I'll wager».

Л е д и и к у з н е ц («The Twa Magicians») (стр. 334).— Перевод С. Маршака — вольный пересказ текста, опубликованного в книге: P. Buchan, *op. cit.*, 1824, v. I, p. 24. Перевод опубликован в книге: С. Маршак, «Избранные переводы», М., Гослитиздат, 1946, с. 24; последняя публикация — в АШБ, 1973, с. 9.

Сюжет этой баллады связан с праздником, который справляли привер-

женцы Старой веры (Old Religion) в Иванову ночь; в ритуальной игре «дьявол» или «кузнец», одетый в черное, с руками и лицом, покрытыми сажей, преследовал женщину-«ведьму».

На одном из процессов против шотландских ведьм баллада с аналогичным сюжетом фигурировала в качестве доказательства способности ведьм менять свой облик. См.: R. Graves, *op. cit.*, p. VIII — IX.

Т о м а с Р и ф м а ч («Thomas Rymer») (стр. 332).— Перевод С. Маршака сделан по тексту, опубликованному в книге: W. Scott, *op. cit.*, 1802, v. II, p. 251.

Перевод опубликован впервые в журнале «Огонек», 1958, № 13, в последний раз — в АШБ, 1973, с. 27.

Герой баллады, Томас Лирмонт из Эрсельдауна (ок. 1210 г.— ок. 1297 г.) — реальное лицо. В шотландских хрониках упоминается как прорицатель и поэт. М. Ю. Лермонтов считал его своим далеким предком.

М о л о д о й Т э м л е й н («Young Tamlane») (стр. 334).— Перевод сделан по тексту, опубликованному в книге: J. Johnson, «The Scots Musical Museum», 1787—1803, p. 423, с указанием, что текст сообщен составителю Робертом Бернсом.

Первые упоминания о сказке на этот сюжет относятся к XVI веку.

Сюжет баллады связан с шотландскими языческими поверьями, однако в нем нашли отражение и более древние мотивы.

К о л в и л л («Clerk Colvill; or, the Mermaid») (стр. 340).— Перевод выполнен по тексту из книги: D. Herd, *op. cit.*, 1776, v. I, p. 371.

Имеется немецкий рыцарский роман XIII века «Рыцарь Штауфенберг» («Der Ritter von Staufenberg»), сюжет которого напоминает историю Колвилла.

Ж е н щ и н а и з А ш е р с В е л л («The Wife of Usher's Well») (стр. 342).— Перевод С. Маршака сделан по тексту, опубликованному в книге: W. Scott, *op. cit.*, 1802, v. II, p. III.

Перевод опубликован в журнале «Русская мысль», 1917, № 9—10, с. 171. Впоследствии был переработан. Последняя публикация — в АШБ, 1973, с. 21.

Кора березы, которая росла у входа в рай на острове Авалон, служила пропуском на выход из царства мертвых.

Д е м о н - л ю б о в н и к («The Daemon Lover») (стр. 344).— Перевод С. Маршака сделан по тексту, близкому к опубликованному в книге: W. Scott, *op. cit.*, 1802, v. II, p. 427.

Впервые опубликован в АШБ, 1973, с. 24.

П р е к р а с н а я М а р г а р е т и м и л ы й В и л ь я м («Fair Margaret and Sweet William») (стр. 346).— Перевод сделан по тексту из книги: T. Percu, *op. cit.*, 1765, v. III, p. 121.

Эта баллада известна также под названием «Fair Margaret's Misfortunes» — «Невзгоды прекрасной Маргарет».

К о р о л ь Г е н р и («King Henry») (стр. 348).— Перевод сделан по тексту из книги: W. Scott, op. cit., 1802, v. II, p. 132.

Сюжет этой баллады сходен с сюжетом английской баллады «The Marriage of sir Gawain» о сэре Гавейне, одном из рыцарей Круглого стола. Похожая история имеется в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера — см. «Рассказ Батской ткачихи».

П р е к р а с н а я Э н н и («Fair Annie») (стр. 351).— Перевод сделан по тексту из книги: W. Scott, op. cit., 1802, v. II, p. 102.

Отрывок из этой баллады имеется в книге: D. Herd, op. cit., 1769, p. 307.

Л и з з и У э н («Lizzie Wan») (стр. 355).— Перевод сделан по тексту из книги: D. Herd, op. cit., 1776, v. I, p. 91.

Л о р д Т о м а с и п р е к р а с н а я Э н н е т («Lord Thomas and Fair Annet») (стр. 356).— Перевод сделан по тексту, впервые опубликованному в книге: Т. Персу, op. cit., 1765, v. II, p. 293.

Более ранний вариант этой баллады, «Lord Thomas and Fair Ellinor», имеется в лубочном издании середины XVII века.

В и л ь я м и М а р г а р и т а («William and Margaret») (стр. 360).— Перевод сделан по тексту из книги: D. Herd, op. cit., 1776, v. I, p. 78.

П р е к р а с н а я Д ж е н е т («Fair Janet») (стр. 362).— Перевод сделан по тексту из книги: Ch. K. Sharpe, «A Ballad-Book», Edinburgh, 1823, p. 1.

Эта баллада была известна в XVIII веке во множестве вариантов.

Д ж о н н и Ф а а , в л а д ы к а М а л о г о Е г и п т а («Johny Faa, The Lord of Little Egypt») (стр. 366).— Перевод сделан по тексту из книги: R. Graves, op. cit., p. 60.

Цыгане появились на Британских островах в XVI веке. В 1540 году король Иаков V дал их вожаку титул «владыки Малого Египта», даровав ему соответствующие привилегии. Однако уже через несколько лет цыгане впали в немилость и были изгнаны из Англии, а позже — в 1609 году — из Шотландии.

Имя Джонни Фаа, или Фоу, носили несколько цыганских вожаков, казненных в разное время. После этих казней возникло множество легенд, приписывавших Джонни Фаа различные приключения. Существуют, например, варианты баллад «Трагедия Дугласов» и «Капитан Кар», где он показан главным действующим лицом. В Эйршире, на родине Бернса, существовало предание, связывающее имя Джонни Фаа с историей бежавшей от мужа графини Кэссилис.

Баллада известна во множестве вариантов, в том числе имеющихся в лубочных изданиях начала XVIII века. Она вошла в книгу: A. Ramsey, op. cit., откуда была перепечатана в книге J. Johnson, op. cit., p. 189, с изменениями. В этом варианте, по совету Бернса, героиня названа леди Кэссилис,

Переведенный вариант близок к этому последнему.

Эту же балладу перевел в 1941 году С. Маршак, по более позднему сильно сокращенному английскому варианту. Этот неоднократно печатавшийся перевод мы и приводим:

ГРАФИНЯ-ЦЫГАНКА

Цыгане явились на графский двор,
Играя на тамбурине.
Так громко гремел их веселый хор,
Что в замке проснулась графиня.

Танцуя, сбежала она на крыльцо,
И громче цыгане запели.
Увидев ее молодое лицо,
Они ее взглянуть успели.

— Шелка дорожке снимите с меня,
Подайте мне шаль простую.
Пускай от меня отречется родня,—
С цыганами в степь ухожу я.

Вчера мне служанки стелили кровать
У мужа в богатом доме.
А нынче в амбаре я лягу спать
С цыганами на соломе!

— Пойдешь ли со мною,— спросил ее Джек,—
Скитаться в ненастье и стужу?
Клянусь я ножом, не вернешься вовек
Ты в замок оставленный — к мужу!

— С тобою я рада весь мир обойти
И плыть по морям-океанам.
С тобою готова погибнуть в пути,
С моим кареглазым цыганом!

Дорога бежит по лесам, по горам,
То низко бежит, то высоко,
Но вот выбегает она к берегам
Шумящего в скалах потока.

— Бывало, я в воду спускалась верхом,
И лорд мой был рядом со мною.
Теперь перейду я поток босиком
С тяжелым мешком за спиною!

Покинутый граф воротился домой.
Скликает он няnek и мамок.
Ему говорят: — На шатер кочевой
Она променяла твой замок.

— Седлайте живеї вороного коня.

За ним не угнаться гнедому.

Пока ее нет на седле у меня,

Дорогу забуду я к дому!

Дорога бежит по лесам, по горам,

То низко бежит, то высоко,

Но вот выбегает она к берегам

Шумящего в скалах потока.

— Вернись, молодая графиня, домой.

Ты будешь в атласе и в шелке

До смерти сидеть за высокой стеной

В своей одинокой светелке.

— О нет, дорогої! Не воротись домой

Меня ни мольбою, ни силой.

Кто варит свой мед, тот сам его пьет.

А я его крепко сварила!

К р а с а в и ц а М э й («Bonny May») (стр. 368).— Перевод сделан по тексту из книги: D. Herd, op. cit., 1776, p. 98.

О г о р е, г о р е... («O Waly, Waly, Gin Love be Bonny...») (стр. 370).— Перевод сделан по тексту, впервые опубликованному в книге: A. Ramsey, op. cit., 1729, p. 176, и вошедшему почти во все выходившие впоследствии сборники шотландских баллад.

Считают, что речь ведется от лица жены маркиза Дугласа, которую тот оставил в 1681 году, заподозрив в измене по навету слуги.

С м у г л ы й Э д а м («Brown Adam») (стр. 371).— Перевод сделан по тексту из книги: W. Scott, op. cit., 1802, v. II, p. 16.

Ч а й л д-В а й е т («Child Vyet») (стр. 373).— Перевод сделан по тексту, опубликованному с пропусками в книге: R. Jamieson, op. cit., v. II, p. 265, и полностью — в книге: J. Maidment, op. cit., p. 24.

Н а с л е д н и к Л и н н а («The Heir of Linne») (стр. 376).— Перевод сделан по тексту, опубликованному в книге: D. Herd, op. cit., 1769, p. 227.

Сюжет этой баллады имеет восточное происхождение.

С ы н Э л л о в («Child of Elle») (стр. 382).— Перевод сделан по тексту из книги: D. Herd, op. cit., 1791, v. I, p. 118.

Эта баллада представляет собой поздний вариант «Трагедии Дугласов».

Р и ч ч и С т о р и («Richie Story») (стр. 388).— Перевод сделан по тексту из книги: J. F. Child, op. cit., v. IV, p. 292, опубликованному по рукописи XVIII века.

Героиня баллады — Лилиас Флеминг, дочь графа Уайтона. Она вышла замуж за одного из слуг своего отца, по имени Ричард Стори, и, по его настоянию, в 1673 году отказалась от своей доли в наследстве.

М а л ы ш к а, и л и М э р и из з а м к а К е р н («The Wee Thing; or, Mary of Castle Cary») (стр. 389).— Перевод сделан по тексту из книги: D. Herd, op. cit., 1791, v. II, p. 58.

Красотка из Англисси («The Bonny Lass of Anglessy») (стр. 390).— Перевод сделан по тексту из книги: D. Herd, op. cit., 1776, v. II, p. 231.

Смуглый Робин («Brown Robin») (стр. 391).— Перевод сделан по тексту из книги: D. Herd, op. cit., v. II, p. 368, опубликованному по рукописи XVIII века.

Вэтти и Медж (Подражание «Вильяму и Маргарите»; «Watty and Madge. In imitation of «William and Margaret») (стр. 394).— Перевод сделан по тексту из книги: D. Herd, op. cit., 1776, v. II, p. 197.

Сын пастуха («The Shepherd's Son») (стр. 396).— Перевод сделан по тексту из книги: D. Herd, op. cit., 1769, p. 238.

Эта баллада, сюжет которой известен повсюду в Европе, иногда называется «The Baffled Knight», «The Overcourteous Knight».

Бродяга («The Guberlunzie Man») (стр. 398).— Перевод сделан по тексту из книги: D. Herd, op. cit., 1776, v. II, p. 49.

Автором этой баллады считают короля Иакова IV (1473—1513).

Разносчик («The Maltman») (стр. 400).— Перевод сделан по тексту из книги: D. Herd, op. cit., 1776, v. II, p. 69.

Приключение («The Surprise») (стр. 400).— Перевод сделан по тексту из книги: D. Herd, op. cit., 1776, v. II, p. 151.

Старуха, дверь закрой! («Get up and Bar the Door!») (стр. 401).— Перевод С. Маршака — вольный пересказ текста из книги: D. Herd, op. cit., 1769, p. 330.

Перевод впервые опубликован в журнале «Крокодил», 1946, № 1. Впоследствии переделана первая строфа. Последняя публикация — в АШБ, 1973, с. 83.

Баллада о мельнике и его жене («Our Goodman») (стр. 403).— Перевод С. Маршака — вольный пересказ текста из книги: D. Herd, op. cit., 1776, v. II, p. 172.

Перевод впервые опубликован в газете «Правда» 8 февраля 1937 года. Последняя публикация — в АШБ, 1973, с. 79.

Эта баллада послужила источником для стихотворения А. С. Пушкина «Воротился ночью мельник».

Нэнси и Вилси («Kind-hearted Nancy») (стр. 405).— Перевод сделан по тексту из книги: D. Herd, op. cit., 1776, v. II, p. 176.

Портной («The Tailor») (стр. 407).— Перевод сделан по тексту из книги: D. Herd, op. cit., 1776, v. II, p. 145.

Жил когда-то в Эбердине... («There Dwall'd a Man in Aberdeen...») (стр. 409).— Перевод сделан по тексту из книги: D. Herd, op. cit., 1791, v. II, p. 62.

Н. Розенман

П Р И Л О Ж Е Н И Я
Р О Б Е Р Т Ф Е Р Г Ю С С О Н

Стихи Фергюссона впервые печатаются здесь в русском переводе, хотя Роберт Бернс считал его своим учителем и много сделал для прославления этого несправедливо забытого шотландского поэта.

За свою короткую жизнь (1750—1774) Фергюссон успел опубликовать только небольшой томик стихов. Он родился в семье служащего, учился в университете Сент-Эндрюс. После смерти отца талантливому юноше пришлось бросить ученье и пойти на скучную службу, чтобы содержать большую мать. Но он по-прежнему оставался душой Клуба Плаща (Кэйп-Клаб), где собирались актеры, музыканты и любители стихов. Фергюссон прекрасно пел и обладал незаурядным актерским талантом. Вскоре он стал печатать стихи в «Эдинбургском еженедельнике».

В 1773 году вышел томик его стихов на шотландском языке — первая настоящая попытка «писать на языке отцов и дедов». Сборник имел огромный успех, но в этом же году поэт тяжело заболел. Никаких средств на лечение не было, и когда он в нервном припадке упал и разбился, его отвезли в эдинбургский дом умалишенных, где он и скончался двадцати четырех лет от роду...

Недавно в Шотландии вышло новое академическое издание стихов Роберта Фергюссона, с отличными комментариями и наиболее полной биографией поэта. В ней подчеркивается та роль, которую Фергюссон сыграл в «шотландском Возрождении» XVIII века, о чем до сих пор с благодарностью говорят все поэты, пишущие по-шотландски, считая, как считал и Роберт Бернс, что Фергюссон один из первых проложил путь для новой шотландской поэзии, заговорив в стихах на этом языке, утвердив особую ритмику — шестистрочную строфу — «стандартный Габби», заимствованную из старой эпиграфии эдинбургскому клерку Габби Симпсону и столь блистательно использованную Робертом Бернсом в его знаменитых стихах «Полевой мыши...», «Горной маргаритке, которую я принимал своим плугом» и др.

Шотландские прозаики — Вальтер Скотт, Роберт Луис Стивенсон, Джон Грассик Гиббон в своих романах иногда заставляют героев говорить по-шотландски, и отзвуки стихов Фергюссона и Бернса всегда приходят на память тем, кто читает эти строки.

Переводы стихотворений Фергюссона выполнены по изданию: «Poems by Allan Ramsay and Robert Fergusson, edited by Alexander Manson Kinghorn and Alexander Law», Scottish Academic Press, Edinburgh, 1974.

Д о б р о т н о е с у к н о («Braid Claith») (стр. 413). Впервые — в еженедельнике «The Weekly Magazine of Edinburgh Amusement», 15 октября 1772 года. *Парк* — Королевский парк в Эдинбурге.

С в е ж и е у с т р и ц ы («Caller Oysters») (стр. 414).— Впервые—в «The Weekly Magazine of Edinburgh Amusement», 27 августа 1772 года. *Великолепный шиллинг* («Splendid Shilling») Джона Филиппса (John Phillips) — пародия на Мильтона. *Старик Дымилла* (Auld Reekie) — распространенное в Шотландии название Эдинбурга. *Лакки Миддлмист* — хозяин знаменитой харчевни в Эдинбурге.

М о и м с т а р ы м ш т а н а м («To My Auld Breeks») (стр. 417).— Впервые — в «The Weekly Magazine of Edinburgh Amusement», 25 ноября 1773 года.

Считается, что именно под влиянием этой оды Бернс написал свое стихотворение «Новогодний привет старого фермера его старой лошади».

Р. Райт-Ковалева

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Р. Райт-Ковалева. Роберт Бернс и шотландская народная поэзия</i>	5
---	---

РОБЕРТ БЕРНС
СТИХОТВОРЕНИЯ. ПОЭМЫ
Переводы С. Я. Маршака

Честная бедность	27
Джон Ячменное Зерно	28
Старая дружба	30
Был честный фермер мой отец	31
Маленькая баллада	33
Робин	33
В горах мое сердце	34
Лучший парень	35
Брюс — шотландцам	36
Шотландская слава	37
Дерево свободы	37
Макферсон перед казнью	40
Возвращение солдата	41
Джон Андерсон	43
Любовь	43
«Пробираясь до калитки...»	44
«Давно ли цвет зеленый дол...»	44
Конец лета	45
«Ты меня оставил...»	46
«Где-то в пещере...»	46

Расставание	46
За полем ржи	47
Поцелуй	48
Над рекой А́фгон.	48
Заздравный тост	49
«Наш Вилли пива наварил...»	49
Подруга угольщика	50
Я пью твоё здоровье!	51
Новогодний привет старого фермера его старой лошади	52
Финдлей	54
Шела О'Нил	55
Счастливый вдовец	56
Ода к зубной боли	57
Песня	58
«Нет ни души живой вокруг...»	58
Ночной разговор	59
Элегия на смерть Пэг Никольсон, лошади священника	60
Мельник	61
Девушки из Тарболтона	61
Мое счастье	63
Пойду-ка я в солдаты	64
«Вина мне пинту раздобудь...»	64
Песня	65
Белая куропатка	65
Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом	66
«Скалистые горы, где спят облака...»	68
О подбитом зайце, проковылявшем мимо меня	68
Горной маргаритке, которую я примял своим плугом	69
Ответ на письмо	71
Мой парень	73
Счастливая дружба	74
За тех, кто далёко	74
Строчки о войне и любви	75
Послание к собрату-поэту	76
Сон. <i>Отрывок</i>	81
Насекомому, которое поэт увидел на шляпе нарядной дамы во время церковной службы	83
Тэм Глен	84
Когда кончался сенокос	85
В ячменном поле	87
Надпись на книге стихов	88
Цветок Дэвона	88
Перед разлукой	89
Моему незаконорожденному ребенку	89

Любовь и бедность	90
Что делать девочке?	91
Сватовство Дункана Грэй	92
Молитва святой Вилли	93
Надгробное слово ему же	96
«Со скрипкой черт пустился в пляс...»	96
Послание к другу	97
Тэм О'Шентер. <i>Повесть в стихах</i>	102
Песня	109
Ночлег в пути	110
«Что видят люди в городке...»	112
Березы Эберфёльди	112
«Пойдешь ли со мною...»	113
Босая девушка	113
«В полях, под снегом и дождем...»	114
Прощание	115
К портрету Роберта Фергюссона, шотландского поэта	116
О памятнике, воздвигнутом Бернсом на могиле поэта Роберта Фергюссона	116
Надпись на банковом билете	116
«Всю землю тьмой заволокло...»	117
Веселые нищие. <i>Кантата</i>	118
Беспутный, буйный Вилли	128
Старый Роб Моррис	129
Песня	129
Песня девушки	130
Лорд Грегори. <i>Баллада</i>	130
«Милорд спешит в поля...»	131
Где к морю катится река	132
«Стакан вина и честный друг...»	132
Западный ветер	133
Из поэмы «Святая ярмарка»	134
«Жена верна мне одному...»	137
Зима пронеслась	138
«Был я рад, когда гребень вытачивал...»	138
Нэнси	139
Смерть и доктор Горнбук	140
«Дружок мой пленен моим взором и станом...»	145
Невеста с приданым	145
Пастух	146
К Тибби	147
Свадьба в городке Мбхлин	148
«Весной ко мне сватался парень один...»	149
Кузнецу	150

Ода шотландскому пудингу «Хáггис»	151
Овсянка	152
Послание Гамильтону	153
Песня раба-негра	154
«Зачем терпеть в расцвете сил...»	155
«Якобиты на словах...»	156
Отрывок	157
Горец	157
О чествовании памяти поэта Томсона	158
Надпись на алтаре независимости	158
Надпись алмазом на оконном стекле в таверне	158
О песне дрозда, которую поэт услышал в день своего рождения — на рассвете 25 января	158
Сова	159
Жалоба реки Бруар владельцу земель, по которым она протекает	160
Элегия на смерть моей овцы, которую звали Мэйли	163
Мэгги с мельницы	165
Свадьба Мэгги	165
Застольная	166
Песня о злой жене	166
Песенка о старом муже	167
Песня («Мне нужна жена...»)	167
О лисице, которая сорвалась с цепи и убежала от мистера Глен- риделя	168
Ничего	170
Две собаки	172
Жалоба девушки	180
Про кого-то	181
Подруга моряка	181
Дэви	182
Предвыборная баллада	183
Плениться мог бы я тобой	184
Два парня	185
«Пора отчалить кораблю...»	185
«Ты не там спала, где надо...»	185
«Что сделала со мною мать...»	186
«Сердца быстрое биенье...»	187
«Властитель ног да и сердец!..»	187
Садовник с лопатой	188
Домик у ручья	188
«Побывал я между скал...»	189
Песенка («Жила-была тетка...»)	190
«Что предо мной король Луи...»	190
На берегу реки Эйр	190

«У мамы тихо я росла...»	191
Поедешь ли в Индию, Мэри?	192
[Шерамурский бой]	193
«Как мне не плакать...»	194
«Оставьте романы!..»	195
«Мою ладонь твоей накрой...»	195
«Наследница-дочь на охоте была...»	196
«Когда деревья обнажил...»	197
«Мой Джокки — славный молодец...»	198
«Когда молодежь на траве...»	198
Красавицы деревни Мохлин	199
«Всеми забыта...»	199
Мисс Феррьер	199
«Веселый май одел кусты...»	200
«Люблю один я городок...»	200

Э п и г р а м м ы

К портрету духовного лица	201
Эпитафия бездушному дельцу	201
Поклоннику знати	201
Надпись на могиле школьного педанта	202
При посещении богатой усадьбы	202
На лорда Галлоуэй	202
Книжный червь	202
Надгробная надпись	203
О черепе тупицы	203
Надпись на могиле сельского волокиты	203
О происхождении одной особы	203
Потомку Стюартов	204
На благодарственном молебне по случаю победы	204
Ответ «верноподанным уроженцам Шотландии»	204
При посещении разрушенного дворца шотландских королей	204
Переводчику Марциала	205
Ответ на угрозу злонамеренного критика	205
Актрисе мисс Фонтенелль	205
К портрету известной мисс Бернс	205
Ярлычок на карету знатной дамы	205
О золотом кольце	206
Красавице, проповедующей свободу и равенство	206
Надпись на могиле эсквайра, который был под башмаком у жены	206
Эпитафия преподавателю латыни	206
Мисс Джинни Скотт	207
Лорд-адвокат	207
Проповеднику Лемингтонской церкви	207

Трактирщице из Рослина	207
О плохих дорогах	208
Надпись на могиле честолюбца	208
Эпитафия твердолобому трусу	208
Художнику	208
Девушке маленького роста	209
Эпитафия владельцу усадьбы	209
Нетленный капитан	209
В защиту акцизного	209
Капитану Ридделю при возвращении газеты	210
Три вывески	210
Стихи, написанные алмазом на окне гостиницы	211
Эпитафия старухе Гриззель Грим	211
Эпитафия Вильяму Грэхему, эсквайру	211
Надпись на официальной бумаге, которая предписывала поэту «служить, а не думать»	212
По поводу болезни капитана Френсиса Гроуза	212
Зеркало	212
Знакомому, который отвернулся при встрече с поэтом	212
Джонсону	213
Лорду, который не пустил в свои палаты поэта и его друзей, ин- тересовавшихся архитектурой	213
Эпитафия самоубийце	213
Эпитафия крикливому спорщику	213
Эпитафия церковному старосте, сапожнику Гуду	213
Мистеру Вильяму Моль оф Панмур, которого поэт увидел в новом элегантном фазтоне на скачках (бегах)	214
«Недаром, видимо, господь...»	214

ШОТЛАНДСКИЕ БАЛЛАДЫ

«Ворон к ворону летит...» <i>Перевод А. Пушкина</i>	217
Битва при Оттербурне. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	217
«Золотая слава». <i>Перевод Ю. Петрова</i>	221
Сэр Эндрю Бартон. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	222
Капитан Кар. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	231
Унылые берега Ярроу. <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	235
Сэр Патрик Спенс. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	237
Кинмонт Вилли. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	239
Грэйм и Бьюик. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	244
Юный Логи. <i>Перевод А. Эппеля</i>	249
Сэр Джеймс Росс. <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	251
Два брата. <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	257
Трагедия Дугласов. <i>Перевод С. Маршака</i>	258

Барон Брекли. <i>Перевод А. Эппеля</i>	260
Джонни-шотландец. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	262
Прекрасный замок Эрли. <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	266
Лорд Дервентуотер. <i>Перевод А. Эппеля</i>	267
Джонни Коуп. <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	268
Лэрд Драм. <i>Перевод А. Эппеля</i>	269
Вдова с границы. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	272
Завещание снегиря. <i>Перевод А. Эппеля</i>	273
Юный Уотерс. <i>Перевод А. Эппеля</i>	274
Эппи Морри. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	276
Юный Джонстон. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	278
Кеннет. <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	281
Джонни из Бредисли. <i>Перевод А. Эппеля</i>	285
Лэмкин. <i>Перевод А. Эппеля</i>	288
Эдвард. <i>Перевод А. К. Толстого</i>	291
Джордж Кемпбелл. <i>Перевод С. Маршака</i>	293
Гил Моррис. <i>Перевод А. Эппеля</i>	294
Коспатрик. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	299
Верный сокол. <i>Перевод С. Маршака</i>	303
Прекрасная Анни из Лох-Рбян. <i>Перевод С. Маршака</i>	307
Русалка. <i>Перевод С. Маршака</i>	311
Водяной. <i>Перевод М. Ковалевой</i>	313
Хайнд Хорн. <i>Перевод Г. Ефремова</i>	313
Карлик. <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	315
Лорд Рональд. <i>Перевод С. Маршака</i>	316
Баллада о двух сестрах. <i>Перевод С. Маршака</i>	317
Дева Изабелл и Лесной Страж. <i>Перевод А. Эппеля</i>	319
Материнское проклятье. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	321
Рыцарь Овайн. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	323
Кларк Саундерс. <i>Перевод А. Эппеля</i>	325
Клятва верности. <i>Перевод С. Маршака</i>	328
Брумфилд-Хилл. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	330
Леди и кузнец. <i>Перевод С. Маршака</i>	331
Томас Рифмач. <i>Перевод С. Маршака</i>	332
Молодой Тэмлейн. <i>Перевод М. Ковалевой</i>	334
Ковилл. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	340
Женщина из Ашерс Велл. <i>Перевод С. Маршака</i>	342
Демон-любовник. <i>Перевод С. Маршака</i>	344
Прекрасная Маргарет и милый Вильям. <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	346
Король Генри. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	348
Прекрасная Энни. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	351
Лиззи Уэн. <i>Перевод А. Эппеля</i>	355
Лорд Томас и прекрасная Эннет. <i>Перевод А. Эппеля</i>	356
Вильям и Маргарита. <i>Перевод А. Эппеля</i>	360

Прекрасная Дженет. <i>Перевод А. Эппеля</i>	362
Джонни Фаа, владыка Малого Египта. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	366
Красавица Мэй. <i>Перевод А. Эппеля</i>	368
О горе, горе... <i>Перевод Г. Ефремова</i>	370
Смуглый Эдам. <i>Перевод А. Эппеля</i>	371
Чайлд-Вайет. <i>Перевод А. Эппеля</i>	373
Наследник Линна. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	376
Сын Эллов. <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	382
Риччи Стори. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	388
Малышка, или Мэри из замка Кери. <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	389
Красотка из Энглисси. <i>Перевод А. Эппеля</i>	390
Смуглый Робин. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	391
Вэтти и Медж. <i>Перевод А. Эппеля</i>	394
Сын пастуха. <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	396
Бродяга. <i>Перевод А. Эппеля</i>	398
Разносчик. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	400
Приключение. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	400
Старуха, дверь закрой! <i>Перевод С. Маршака</i>	401
Баллада о мельнике и его жене. <i>Перевод С. Маршака</i>	403
Нэнси и Вилси. <i>Перевод А. Эппеля</i>	405
Портной. <i>Перевод А. Эппеля</i>	407
Жил когда-то в Эбердине... <i>Перевод Ю. Петрова</i>	409

П Р И Л О Ж Е Н И Я

РОБЕРТ ФЕРГЮССОН

Переводы А. Эппеля

Добротное сукно	413
Свежие устрицы	414
Моим старым штанам	417
П р и м е ч а н и я <i>Р. Райт-Ковалевой и М. Розенмана</i>	419

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
Том 47

Роберт Бернс

СТИХОТВОРЕНИЯ. ПОЭМЫ

ШОТЛАНДСКИЕ БАЛЛАДЫ

Редактор Е. Осенева
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
Л. Платонова
Корректоры
Н. Шкарбанова
и Д. Эткина

Слано в набор 12/ХІІ 1975 г. Подписа-
но к печати 24/V 1976 г. Бумага ти-
погр. № 1. Формат 60×84¹/₁₆. 28 печ.
л. 26,124 усл. печ. л. 22,939 + 5 на-
кидок = 23,195 уч.-изд. л. Тираж
303 000 экз. 1-й завод 1—153 000 экз.
Заказ 905. Цена 1 р. 36 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Граверные работы
Л. Быкова

Набрано и сматрицировано в ордена
Трудового Красного Знамени Пер-
вой Образцовой типографии имени
А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета
Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28

Отпечатано в ордена Ленина типогра-
фии «Красный Пролетарий». Москва,
Краснопролетарская, 16.

